

МВД России
Санкт-Петербургский университет

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Монография

Санкт-Петербург
2024

УДК 343.1

ББК 67

А43

А43 Актуальные проблемы досудебного производства: монография / Е.С. Алексеева, Е.Ю. Андреева, В.И. Безрядин, Ф.Ю. Васильев, Е.А. Гордеева, О.И. Даровских, В.Л. Кудрявцев, Э.К. Кутуев, Н.В. Лантух, М.А. Макаренко, А.Д. Назаров, Ю.А. Огарь, О.С. Поликарпова, А.Б. Судницын, О.А. Чабукиани, О.Р. Шепелёва. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024. – 240 с.

ISBN 978-5-91837-941-7

EDN: BJCPDE

В монографии раскрываются отдельные проблемные аспекты досудебного производства, являющиеся, по мнению конкретных авторов, наиболее злободневными в контексте избранной темы с точки зрения регламентации, наличия отличающихся подходов в доктрине и разноплановой следственно-судебной практики. Параграфы работы приведены в авторской редакции.

Представленная монография может быть использована научно-педагогическими работниками, докторантами, адъюнктами, слушателями, курсантами образовательных организаций системы МВД России, практическими работниками органов следствия, дознания, прокуратуры и суда в образовательном процессе при проведении всех видов учебных занятий, научной деятельности и в целях совершенствования действующего законодательства и практики его применения.

УДК 343.1

ББК 67

Рецензенты:

Рудич В.В., доктор юридических наук, доцент
(«Адвокатский кабинет Адвоката Рудича Валерия Владимировича»,
г. Екатеринбург);

Овчинников Ю.Г., кандидат юридических наук, доцент
(Дальневосточный юридический институт МВД России);

Гарусов А.В., кандидат юридических наук
(ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области)

ISBN 978-5-91837-941-7

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2024

Авторский коллектив

Алексеева Елена Сергеевна – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент – параграф 2.3;

Андреева Екатерина Юрьевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России – параграф 2.2;

Безрядин Виктор Иванович – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент – параграф 1.4 (в соавт.);

Васильев Федор Юрьевич – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент – параграф 1.1 (в соавт.);

Гордеева Елена Александровна – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России – параграф 3.3 (в соавт.);

Даровских Ольга Игоревна – профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, доцент – параграф 3.1;

Кудрявцев Владислав Леонидович – профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, доцент – параграф 1.5;

Кутуев Эльдар Кяримович – профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета доктор юридических наук, профессор – параграф 1.2 (в соавт.);

Лантух Наталья Викторовна – профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент – параграф 1.1 (в соавт.);

Макаренко Максим Анатольевич – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент – параграф 1.4 (в соавт.);

Назаров Александр Дмитриевич – профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, доцент – параграф 3.4;

Огарь Юрий Анатольевич – преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России – параграф 2.1;

Поликарпова Ольга Сергеевна – преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России – параграф 1.2 (в соавт.);

Судницын Алексей Борисович – начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент – введение, параграф 1.3, заключение;

Чабукиани Оксана Алексеевна – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент – параграф 3.3 (в соавт.);

Шепелёва Ольга Ринатовна – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент – параграф 3.2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
Раздел I. Реализация общих положений уголовно-процессуального права в досудебном производстве.....	9
1.1. Реализация отдельных принципов уголовного судопроизводства в досудебных стадиях	9
1.2 Уголовно-процессуальное принуждение: проблемы и тенденции по их разрешению	26
1.3. Теория и практика избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: поиск баланса частных и публичных интересов продолжается.....	45
1.4. Прокурорский надзор и процессуальное управление в досудебных стадиях уголовного процесса: становление, развитие, современное состояние	57
1.5. Обвинительный и оправдательный уклон в деятельности следователя и уголовная ответственность за него: единство и дифференциация.....	74
Раздел II. Актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела	94
2.1. Возбуждение уголовного дела и начало уголовного преследования: соотношение, значение, перспективы	94
Общие условия стадии возбуждения уголовного дела	114
2.3. Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу. Отказ в возбуждении уголовного дела: проблемы, гарантии защиты прав участников, правовые последствия	132
Раздел III. Актуальные проблемы стадии предварительного расследования.....	144
3.1. Дифференциация форм предварительного расследования: история, тенденции, значение	144
3.2 Особенности производства дознания в отечественном уголовном процессе.....	162
3.3. Злоупотребления процессуальным правом: понятие, виды, пути преодоления	175

3.4. Следственные ошибки, допускаемые в ходе производства предварительного расследования, и пути их устранения	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	216
БИБЛИОГРАФИЯ	218

ВВЕДЕНИЕ

Глобальные преобразования на рубеже XX–XXI веков, начавшиеся в отечественной правовой системе, самым серьезным образом обновили и уголовное судопроизводство, в т.ч. досудебную его часть.

Усовершенствование уголовного процесса, с одной стороны, было вызвано объективной потребностью обеспечения реальной защиты прав и свобод человека, имплементацией в российское судопроизводство общепризнанных международно-правовых установлений. С другой – в результате проведенных изменений произошел отказ от задач уголовного судопроизводства и установления истины, в абсолютный приоритет поставлена защита уголовно-преследуемых лиц, внедрена состязательность в досудебное производство, следователь искусственно отнесен к участникам со стороны обвинения и т.п. В тоже время без должного внимания оставлены лица, пострадавшие от преступлений, из объектов защиты исключено общество с государством, следователь дезориентирован от истинных приоритетов его деятельности, процессуальная форма излишне усложнена и т.д.

Несмотря на реализацию во многом внешне навязанных и крайне либеральных подходов, при отказе от ряда проверенных временем и характерных для отечественного уголовного судопроизводства положений, сохранена двухэлементная система уголовного процесса (досудебного и судебного производств). Осталась и двухстадийная система досудебной части (возбуждение уголовного дела и предварительное расследование). Следователь сохранил роль формирователя доказательств, результаты деятельности которого необходимы судье для разрешения уголовного дела. Следует констатировать, что основой современного отечественного уголовного судопроизводства остается досудебное производство.

Постоянные и обширные обновления уголовно-процессуального законодательства принципиально не изменили ситуации. Все больше проявляются фундаментальные проблемы, недостатки законодательного характера и неэффективность деятельности органов уголовной юстиции. До настоящего времени в уголовном судопроизводстве не определен баланс в обеспечении интересов личности и государства, личности и общества, потерпевшего и обвиняемого, а также некоторых иных участников. Предпринимаемые попытки уравновесить частно-публичные интересы, интересы отдельных участников не только не доведены до завершения, но и демонстрируют их непоследовательность

и бессистемность. В текущих условиях уголовно-процессуальная доктрина, законодательство, а также следственно-судебная практика требуют дальнейшей проработки с позиций определения оптимального соотношения частных и публичных интересов, выработки и реализации мер по обеспечению эффективного осуществления досудебного производства, надлежащего поведения обвиняемых (подозреваемых), а также реализации их прав, в т.ч. с учетом имеющегося отечественного уголовно-процессуального опыта. В частности, с данных позиций необходимы исследования применения мер пресечения, применение иных мер процессуального принуждения. Имеется насущная потребность дальнейшего развития новых форм познавательной и удостоверительной деятельности следователя, а также усовершенствование уже имеющихся. И другие.

Множество проблемных аспектов досудебного производства может быть разрешено, однако этому должно предшествовать их исследование. Востребованность рассмотрения существующих проблем досудебного производства, а также перспектив развития ситуации обусловили выбор темы научно-исследовательской работы.

Авторы коллективной монографии не стремились (и не могли) охватить весь спектр актуальных проблем, касающихся досудебного производства. Имеющийся в монографии материал раскрывает отдельные аспекты проблематики досудебного производства, являющиеся, по мнению конкретных авторов, наиболее злободневными в контексте избранной темы с точки зрения регламентации, наличия отличающихся подходов в доктрине и разноплановой следственно-судебной практики. Параграфы работы приведены в авторской редакции.

Проведенная работа, результаты которой представлены вниманию читателя, позволяет со всей уверенностью констатировать, что данное монографическое исследование не претендует на конечное. Дальнейшей проработки требуют отдельные вопросы как обозначенные, так и опосредованно затронутые в ней.

Авторами с благодарностью будут приняты отзывы, замечания, пожелания по усовершенствованию и дальнейшей проработке темы.

РАЗДЕЛ I. РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

1.1. Реализация отдельных принципов уголовного судопроизводства в досудебных стадиях

В уголовном судопроизводстве, где сталкиваются различные, противоположные интересы его субъектов, принципиальные положения, которые продиктованы реальной действительностью и претендуют на ключевые нормы, определяющие остальные правовые механизмы, имеют важное значение. По мнению В. Т. Томина, «принцип отечественного уголовного процесса - это органичная для отечественного мировоззрения, его традиций и прогнозируемого будущего идея максимальной для такого исследуемого объекта, как отечественный уголовный процесс, степени общности, проведенная в совокупности действующих в отечественном судопроизводстве уголовно-процессуальных норм и в практике их применения»¹.

В специальной литературе дефиниция «принцип права» трактуется не однозначно. Но традиционно принципы определяются как основополагающие идеи, которые распространяют свое влияние на все этапы и стадии уголовного судопроизводства и формы правоотношений, свойства и структуру права, на основе которой строятся его правовые нормы и институты; исходные положения, закрепляющие в правовом поле объективные закономерности общественной жизни.

Для сферы уголовного судопроизводства значение норм-принципов имеет решающее значение, поскольку здесь цели уголовного процесса и средства их достижения, степень правовых ограничений имеют наиболее выраженный характер.

Своеобразие уголовно-процессуальных правоотношений влечет за собой необходимость их систематизации, благодаря которой осуществляется правовое регулирование определенного вида общественных отношений. Средством для этого выступает наличие «единого,

¹ Томин В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса. Лекция-монография.- Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2007.

юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта, выражающего содержание и юридическую специфику структурно обособленного подразделения системы права»¹.

Доктрина уголовно-процессуального права рассматривает принципы уголовного процесса как универсальные для правового государства основополагающие идеи о справедливости процедуры судебного разбирательства. Правилом, применяемым к принципам в уголовном судопроизводстве, является то, что они характерны для всей уголовно-процессуальной деятельности, а не для отдельных ее стадий либо этапов. Из этого следует, что принципы уголовного процесса находят свое применение на всех стадиях уголовного процесса (досудебных и судебных). Так, М. С. Строгович отмечал, что принципы получают конкретизацию и детализацию в более частных процессуальных нормах, относящихся к отдельным институтам уголовного процесса и к отдельным его стадиям².

Все принципы уголовного процесса сгруппированы в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса, которая называется «Принципы уголовного судопроизводства». В современной юридической литературе многими учеными приводятся различные подходы к пониманию понятия принципов, которые должны рассматриваться как нормы самой высокой степени общности по сравнению с иными нормами уголовно-процессуального права и иметь универсальный характер, а также системы принципов, которая должна представлять собой взаимосвязанные и взаимообусловленные нормы, одинаково значимые для досудебного и судебного производств. Анализ мнений различных ученых относительно определения понятия и критериев принципов уголовного процесса чрезвычайно объемён и содержит большой массив нестандартных предложений и вариантов построения системы основополагающих идей (Александров А.С., Безруков С.С., Божьев В.П., Головкин Л.В., Зинатуллин З.З., Манова Н.С., Пикалов И.А., Смирнов А.В., Калиновский К.Б., Томин Б.Т. и др.). Например, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский дифференцируют принципы на «начала-максимы» и «институциональные» принципы, что, по их мнению, усиливает либо ослабляет действие вторых при взаимодействии с первыми и между собой. При этом указано, что институциональные принципы имеют

¹ Шкатулла В.И., Надвикова В.В., Сытинская М.В. Основы права: учебное пособие / В.И. Шкатулла. М.: Академия, 2009.

² Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М.: Юриздат НКЮ Союза ССР, 1939. С. 34.

ограниченную сферу действия, управляют не всеми институтами уголовного процесса, а лишь теми, к которым непосредственно относятся¹. По мнению А.А. Павлушиной, в основе выхода на понятие принципа является указание на преобладание одного из двух начал по образу и подобию философских парных категорий: принципы состязательности – следственности, гласности-тайности, устности-письменности и др.² Указанные подходы позволяют подходить более вдумчиво и взвешенно к закреплению принципов применительно к стадиям досудебного производства.

Л.В. Головки указывает на проблему существующих противоречий между закрепленными в кодексах отраслевыми принципами и рядовыми кодифицированными законодательными нормами в российской правовой системе, требующих концептуальных подходов к ее решению. Это позволит понять, насколько высока их эффективность в качестве инструмента преодоления нормативных коллизий. Далее он справедливо замечает, что проблема противоречий между многочисленными положениями, включенными законодателем в Главу УПК, и остальными нормами не выглядит оторванной от реальности. Сравнивая, в частности, положения ч. 2 ст. 15 УПК и ст. ст. 171 и 213 УПК, он приходит к выводу о закономерности предъявления следователем обвинения и одновременно противоречивости наделения следователя полномочиями по прекращению уголовного преследования по реабилитирующим основаниям. Налицо совмещение процессуальных функций у одного субъекта, что противоречит идее состязательности. Либо необходимо выделять для него самостоятельную функцию, например, функцию расследования, которая не сопряжена с триадой известных современной науке функций. Тем не менее, следователь отнесен к «участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения» (Глава 6 УПК). Также необходимо пояснение того положения, согласно которому следователь может отказать в удовлетворении ходатайства защитника о вызове свидетеля, напрямую сославшись на ч. 2 ст. 15 УПК, выполняя возложенную на него функцию обвинения³.

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Авторский курс. М., Эксмо, 2022.

² Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара, 2005. С. 302–305.

³ Головки Л.В. Закрепление отраслевых принципов в кодифицированных актах: педагогический прием или правовой инструмент? // Закон. 2020. № 6. С. 191–192.

В настоящее время приоритетное значение для досудебных стадий уголовного процесса имеют такие принципы, как назначение уголовного судопроизводства, разумность сроков уголовного процесса, законность и публичность, презумпция невиновности, свобода оценки доказательств, охрана прав и свобод человека и гражданина, уважение чести и достоинства личности и ряд конституционных принципов. При этом спорными остаются вопросы о действии принципа состязательности в досудебных стадиях, о необходимости институционализации принципа всесторонности, объективности и полноты исследования обстоятельств дела.

Назначение уголовного судопроизводства. Нахождение в указанной главе статьи 6 «Назначение уголовного судопроизводства» вызывает вопросы у ученых-процессуалистов¹.

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих решений указал, что назначение уголовного судопроизводства имеет двухэлементный характер: с одной стороны, оно направлено на защиту интересов пострадавшего от преступления и на привлечение виновного к установленной законом ответственности, с другой стороны, действия и решения по расследованию преступления органов предварительного расследования, суда не должны привести к ошибке, выражающейся в привлечении к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления². Данное решение Суда подтверждает отношение данной правовой идеи к числу принципов уголовного процесса.

Объединяющим критерием в понимании справедливости в уголовном судопроизводстве является результативность расследования на достижение целей уголовного процесса. Она является, с одной стороны, итогом процессуальной деятельности, а с другой – оценкой дей-

¹ См: Вилкова Т. Ю. Система принципов уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 258.

² См: «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ганцева Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом «д» пункта 1 статьи 13 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона "О противодействии коррупции"»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 843-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствий и решений. Следует отметить, что в отличие от положений международно-правовых актов о справедливом судопроизводстве (справедливости судебного разбирательства), уголовно-процессуальное законодательство России не содержит аналогичного принципа. Если сопоставить, например, ст. 6 Европейской конвенции и российскую систему уголовно-процессуальных принципов, можно прийти к выводу о том, что справедливость в уголовном процессе включает в себя несколько правовых положений, которые в УПК РФ рассредоточены в отдельных статьях – правила о разумном сроке производства компетентным органом, равенство прав сторон, состязательность, презумпция невиновности, право на защиту, право на предоставление переводчика и др.). Следует отметить, что справедливость в уголовном праве, обладающая «статичным» характером, связывают обычно со справедливостью решения, устанавливающего уголовную ответственность в отношении конкретного субъекта. Справедливость в уголовном процессе, являющегося инструментом для реализации уголовно-правовых норм, предполагает наличие (предоставление) *равных возможностей* у сторон для отстаивания своих интересов и достижения конечной цели.

Одной из проблем уголовного судопроизводства является не в полном объеме защита интересов пострадавшего при расследовании уголовного дела.

Так, законодатель определил, что орган предварительного следствия, прокурор обязан осуществлять уголовное преследование по уголовным делам публичного обвинения без учета мнения потерпевшего, которые в силу публичности выдвинутых обвинений в Особенной части УК РФ составляют большую часть (ст. 21 УПК РФ). Однако при этом потерпевшему, как участнику уголовного судопроизводства со стороны обвинения, представляется только право участвовать, а не осуществлять уголовное преследование (ст. 22 УПК РФ).

Отдельной проблемой реализации назначения судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) является игнорирование в данной статье случаев, когда лицо совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости и подлежит в соответствии с требованиями уголовного закона не наказанию, а принудительным мерам медицинского характера (ст. 81 УК РФ). На наш взгляд, данная позиция является неправильной, законодателем должна быть возложена на государство обязанность

возмещать вред или ущерб, причиненный лицами совершившими общественно опасными деяниями предусмотренными нормами уголовного законодательства.

Принцип законности (ст. 7 УПК РФ). Одной из проблем реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве является то, что данный принцип адресован исключительно стороне обвинения. При этом нарушение закона со стороны других участников уголовного судопроизводства не подлежит не только наказанию, а нередко и осуждению. Некоторые процессуалисты видят в подобных действиях реализацию состязательности в той мере, что законодатель допускает возможность защищаться любыми способами, прямо не запрещенными законом,¹ что является ошибочным, по нашему мнению, подходом к принципу законности. С точки зрения филологии законность определяется как деятельность справедливая, правильная, обоснованная². Таким образом данный принцип должен быть обращен не только стороне обвинения и защиты. Разумеется, говоря о реализации в такой редакции принципа законности, законодатель должен не только по-иному сконструировать ст. 7 УПК РФ, но и предусмотреть санкции за их нарушение данного принципа. Говоря о возможном наказании со стороны защиты нельзя сказать, что мы имеем некий правовой вакуум. Так, например, законодательство об адвокатской деятельности предусматривает возможность наказания, а в крайних случаях и запрета заниматься адвокатской деятельностью в случаях, когда действия защитника незаконно противодействуют правосудию в уголовном судопроизводстве. Но приходится сожалеть, что в настоящее время законодатель не предусмотрел ответственности для подозреваемых, обвиняемых в случаях явных нарушений правил ведения уголовного судопроизводства.

Другой проблемой реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, являются слишком частые случаи, когда органы предварительного расследования признают вещественными доказательствами и налагают аресты не только на имущество физических лиц, но и на имущество юридических лиц — строящиеся и находящиеся в эксплуатации объекты недвижимости, про-

¹ Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 33–35.

² Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб, 2006. С. 204.

мышленные предприятия и т. д. В связи с этим мы полагаем, что ученые процессуалисты справедливо поднимают вопрос о выделении самостоятельного принципа неприкосновенности собственности (имущества) в уголовном судопроизводстве на основе положений ст. 2, 8 и 18, ч. 1–3 ст. 35, ч. 1 и 2 ст. 46, ч. 2 ст. 118, ч. 3 ст. 128 Конституции Российской Федерации¹.

Принцип публичности (ст.ст. 20, 21 УПК РФ). Публичные начала уголовного процесса изначально связаны с пониманием сути преступления как деяния, посягающего на самые важные ценности человека и представляющего опасность не только для частных лиц, но и всего общества. В нормах материального права таким деяниям придается характер «общественной опасности». Соответственно реакция государства выражается в наделении, делегировании определенных полномочий должностным лицам и государственным органам при производстве по уголовным делам. Принцип публичности уголовного судопроизводства ограничивает существенным образом дискрецию должностных лиц рамками закона, возможность реализации идей целесообразности, также ограничивая их рамками правовых условий и предписаний.

В общем плане публичный интерес заключается в признании социальной значимости как самого права, так и его применения. Правоприменение, в том числе и судебное, осуществляемое через юридические процедуры, не может не иметь публично-правового характера, поскольку является властно-организующей деятельностью субъектов, ведущих процесс. Именно по этой причине представляется, что в систему принципов уголовного процесса входит публичность, как основа, определяющая ключевые способы защиты интересов государства в уголовном судопроизводстве.

Вопрос об отказе в придании публичности значения принципа, конечно, не связан с проблемой выбора для ее идентификации той или иной категории (начало, закономерность, метод уголовно-процессуальной деятельности): сторонники этих точек зрения обосновывают свои позиции, заслуживающие внимания. Принцип публичности определяет порядок правоприменительного процесса, процессуальный ре-

¹ Тутынин И.Б. Неприкосновенность имущества как принцип уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. 2016. № 5 (28). С. 330–335.

жим, который должен быть соотнесен при этом с положениями принципа состязательности, устанавливающий диспозитивный метод уголовно-процессуального регулирования.

Публичность легла в основу конструкции большинства процессуальных институтов и норм и в достаточной степени последовательно проведена в Особенной части УПК РФ, определяющей процессуальный порядок возбуждения, расследования, разрешения уголовных дел. И в первую очередь, она оказывает непосредственное влияние на институт уголовного преследования, устанавливая его виды, основным, преобладающим из которых является публичный.

По словам М.Т. Аширбековой, «нормативная гармонизация публичного и частного интереса – путь к генерированию особых правоприменительных технологий, часть из которых уже воплощена в законе в форме таких видов процессуального производства, как, например, сокращенное дознание, производство с заключением досудебного соглашения».

Публичность в уголовном судопроизводстве тесно взаимосвязана с его диспозитивными началами. Сочетание основ публичности и диспозитивности в уголовном судопроизводстве позволяет потерпевшему и его представителям участвовать в уголовном преследовании по любым категориям дел, т.е. участвовать в процессуальной деятельности по установлению события преступления и изобличению лиц, виновных в совершении преступления, которым потерпевшему причинен ущерб.

Таким образом, применение норм уголовного и уголовно-процессуального права подчинено властному началу - проявлению принципа публичности.

Дискреционные же полномочия, реализация которых зависит от убеждения и оценки правовой ситуации субъекта, приобретают форму собственной инициативы для производства расследования, при наступлении оснований, указанных в законе.

В последние годы законодатель идет по пути свертывания поля для активности субъектов, осуществляющих уголовное преследование. Так, согласно положениям ч. 3 ст. 20 УПК РФ, в публично-правовом порядке не могут быть возбуждены уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 159—159.3, 159.5, 159.6, 160, 160 УК РФ, если они, как указано в законе, «совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предприниматель-

ской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности». Таким образом, в указанных случаях действует частно-публичный порядок: для возбуждения уголовного дела требуется заявление потерпевшего. В то же время законодатель в положениях ч. 3 ст. 20 УПК РФ, подчеркивая значимость публичных интересов, оставляет место для служебной активности (*ex officio*) субъектов уголовного преследования, сохраняя по этим же преступлениям публичный порядок возбуждения уголовного дела.

Принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ).

Нередко некоторые понятия, кажущиеся на первый взгляд простыми, на деле являются глубокими и сложными для понимания, становятся предметом исследования выдающихся мыслителей и философов. Так, например, немецкий философ эпохи Просвещения И. Кант определяет достоинство как принадлежность «к роду человеческому», то есть, исходя из позиции ученого, любой человек обладает достоинством от рождения. По мнению немецкого поэта и философа Ф. Шиллера, под достоинством понимается победа моральной силы над инстинктами человека. Честь человека философ Й. Экштейн определял как реализацию духовного «я» человека, немецкий философ А. Шопенгауэр определяет честь как внешнюю оценку личности, его репутацию¹.

Мнения ученых по данному вопросу можно цитировать бесконечно. Таким образом, сформулировать определение чести и достоинства применительно к уголовному судопроизводству, на наш взгляд, просто невозможно. Понятия «честь» и «достоинство» не только могут рассматриваться в различных философских, нравственных и духовных аспектах, но и менять свое содержание в конкретно-исторических условиях. Поэтому в уголовном судопроизводстве проще определить

¹ См.: Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения: в 6 т. Москва: Мысль. 1965. Т. 4, ч. II. 1783. 544 с.; Шиллер Ф. О грации и достоинстве // Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Художественная литература, 1957. Т. 6. С. 115-169; Экштейн Й. Честь в философии и праве. Санкт-Петербург, 1895. 52 с.; Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Москва: Экспо, 2015. 640 с.

запреты применительно к данным понятиям, которые могут нарушаться при расследовании уголовного дела. Смысл данного принципа заключается в том, что при реализации задач уголовного судопроизводства допускается вмешательство в личную жизнь граждан, но только при наличии определённых оснований и условий. Следует отметить, что уважение чести или достоинства в общечеловеческом смысле соотносятся с применяемыми в отношении человека мерами принуждения, возможности назначения наказания в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы. В уголовном судопроизводстве реализация данного конституционного принципа сводится к уважительному отношению к сторонам уголовного судопроизводства. В этом смысле непонятно, насколько возможно применять норму уголовного права о привлечении к уголовной ответственности за отказ от сдачи образцов для сравнительного исследования потерпевшим, свидетелем (ст. 308 УК РФ), который в силу своих религиозных убеждений или особого взгляда на проведение медицинских процедур отказывается подвергнуть себя медицинским манипуляциям. На наш взгляд, существование данной нормы закона, в которой она в настоящее время существует, противоречит не только принципам уголовного судопроизводства, но и самому подходу к формированию доказательств в уголовном процессе. Ведь если нет возможности получить какое-либо доказательство при расследовании уголовного дела, то это не является основанием для получения доказательства насильственным образом.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ). Буквальное толкование отдельных положений данного принципа уголовного судопроизводства указывает на то, что защите подлежат законные интересы и права подозреваемого и обвиняемого (ч. 4 ст. 11 УПК РФ), но при этом отраженные гарантии не закрепляют право потерпевшего требовать возмещения вреда от преступления. Предусмотренная уголовным судопроизводством возможность предъявить гражданский иск не может быть признана эффективным средством защиты лиц, пострадавших от преступления (ст. 44 УПК РФ). В случае применения акта амнистии, смерти подозреваемого или обвиняемого вообще ставится под вопрос перспектива восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего.

Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ).

Средства коммуникации являются одной из отраслей жизни человека, где нормативное регулирование не успевает за развитием науки и техники. Российское уголовно-процессуальное законодательство в настоящее время не успевает за научно-техническим прогрессом и не регулирует порядок изъятия необходимой в расследовании информации из социальных сетей, мессенджеров и т. п. Исходя из ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, человек имеет ряд прав, ограничение которых возможно только в порядке, предусмотренном законом, и на основании решения суда. К таким правам относится тайна переписки.

В социальных сетях, мессенджерах мы оставляем личную информацию, нередко имеющую ограниченный доступ только для близких нам людей. Все остальные пользователи социальных сетей и других средств коммуникации между людьми не могут знакомиться с нашими личными данными.

При отсутствии специального порядка изъятия данной информации применяется обычный порядок — изъятие производится путем выемки в администрации социальных сетей, по правилам, предусмотренным ст. 183 УПК РФ, посредством вынесения лицом, расследующим уголовное дело, специального об этом постановления.

Данный порядок изъятия личной информации, без судебного решения, носит, по нашему мнению, спорный характер.

Ученые-процессуалисты¹ давно обращают внимание законодателя на этот непоследовательный характер подхода государства к личной тайне, когда, с одной стороны, прослушивать телефонные переговоры в интересах органов предварительного расследования можно только на основании судебного решения, а с другой стороны — знакомиться с информацией в новых средствах коммуникации, например, в социальных сетях, можно не спрашивая решения суда. Подобная ситуация, вероятно, в ближайшее время будет исправлена законодателем.

Принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ). Диспозиция статьи говорит о том, что подозреваемый, обвиняемый при реализации

¹ См., например: Новицкий А. Н. Проблемы выемки в российском уголовно-процессе // Молодой ученый. 2018. № 46. С. 179–181; Россинский С. Б. Размышление о сущности выемки как объекта уголовно-процессуального регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 42–45; Денисов Е. А. Проблемы изъятия криминалистической значимой информации у компании, представляющей услуги социальной сети // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 101–104 и др.

данного принципа уголовного судопроизводства без последствий для себя вправе как отказаться от дачи показаний, так и в ходе расследования уголовного дела говорить ложную информацию.

В связи с этим приходится сожалеть о том, что несмотря на то, что принципы уголовного судопроизводства не содержит прямых норм, разрешающих стороне защиты безнаказанно давать заведомо ложные показания (пояснения), каких-либо санкций в Уголовном кодексе за совершение подобных действий наш законодатель не предусмотрел.

Одним из дискуссионных вопросов среди ученых процессуалистов является вопрос: как можно соотносить презумпцию невиновности, которая в своем классическом понимании предполагает невозможность признания лица виновным по приговору суда без подробного исследования с особыми порядками принятия решений о виновности в уголовном судопроизводстве (Главы 32, 40, 40¹ УПК РФ), которые в силу упрощения предполагают порядок постановления приговора без подробного исследования доказательств.

В споре рождается не истина, в споре рождаются позиции сторон по оценке того или иного события или факта. И как часто бывает в споре, позиции ученых по поводу применения особых порядков или вообще по способам упрощенного судопроизводства носят диаметрально противоположный характер.

Сторонники внедрения и расширения упрощенных способов разрешения судебного спора доказывают право на его существование в уголовном судопроизводстве следующими доводами. Право давать показания, защищать свои права в уголовном судопроизводстве является личным, неотчуждаемым правом лица. Никто, ни государственные органы, ни иные лица не вправе заставлять лицо давать показания. *Cosensus tollit errorem* (лат.) – согласие погашает ошибку, иначе говоря, тот, кто согласился признать себя виновным, не вправе впоследствии против этого возражать. Суд как орган, разрешающий уголовно-процессуальный спор, может оценивать доступные ему доказательства. Кроме достижение поставленной законодателем в виде презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве должны осуществляться в пределах, выделенных государством (определенные законодателем категории преступлений и т. д.) и без существенного превышения сроков принятия решения по каждому уголовному делу. Ведь, как говорили в древности ученые, блага, защитой их интересов граж-

дан и общества для государства, разумные сроки расследования являются высшей ценностью для законодателя – *Salus reipublicae suprema lex* (лат.)¹.

Их противники применительно к реализации принципа уголовного судопроизводства – презумпции невиновности выражают сомнения в возможности реализации прав стороны защиты при добровольном отказе виновного от исследования обвинительных или оправдательных доказательств. Тем более, что закон предусматривает ограничения для обжалования судебных решений, которые носят всегда обвинительный характер при применении сокращенных судопроизводств. *Actus est, ilicet* (лат.) – дело закончено можно расходиться².

Анализируя позиции ученых по данному вопросу, можно сказать следующее: было бы неправильным возлагать на судей обязанность выяснять важные факты, если одна из сторон, а именно сторона защиты этому не способствует. Причины подобных действий стороны защиты — подозреваемого, обвиняемого, на наш взгляд, следующие. Они не оспаривают выдвинутое в отношении себя обвинение или подозрение, кроме того, государство предлагает виновной стороне сделку: вы не настаиваете на исследовании всех доказательств, а мы при назначении наказания учитываем это³. Таким образом в результате сделки или договора между государством, находящемся на страже общественного порядка, и виновного лица, общественный мир восстанавливается с тем, что обе стороны получают определенные преференции, а именно, государство затрачивает меньшие бюджетные средства и несет меньшие временные затраты, а виновное лицо экономит время на рассмотрение уголовного дела и на отбытие наказания.

Принцип обеспечения подозреваемому или обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ) направлен на создание процессуальных условий для того, чтобы подозреваемый (обвиняемый) как представитель

¹ См., например: Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. Москва, 2009. С. 253–255; Николюк В. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Красноярск, 2003. С. 28–29.

² См.: Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. Санкт-Петербург: Юридический Центр «Пресс», 2002. 544 с.

³ См.: Фридмен Л. Введение в американское право. Москва, 1993. С. 140–142.

стороны защиты при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела имел возможность защищать себя самостоятельно или с помощью защитника от выдвинутого в отношении него подозрения или обвинения. Акцентирование внимания на соблюдении прав в уголовном судопроизводстве представителей одной стороны в уголовном процессе вызывает сомнение, хотя бы в силу того, что реализация процессуальных прав и разъяснение процессуальных прав является прямой обязанностью суда, прокурора, следователя или дознавателя, которые обязаны их реализовывать на основании принципа законности. С другой стороны, указанный выше принцип давно известен российскому уголовному процессу, так как отражает типологическую характеристику смешанного типа уголовного процесса, присущего российскому уголовному судопроизводству. Впервые вопрос о необходимости защиты прав обвиняемых был поставлен при реализации Судебной реформы 1864 года. Соблюдению прав подозреваемого в уголовном судопроизводстве были посвящены ст. 379, 400-403, 1130 Устава уголовного судопроизводства Российской империи¹.

В настоящее время он относится к числу общепризнанных принципов уголовного судопроизводства и гарантируется в конституциях большинства государств.

В Конституции Российской Федерации данное право выражено в ст. 45, 46, 48, которые в совокупности предоставляют ему правовую возможность защищать себя от предъявленного обвинения (выдвинутого подозрения) как лично, используя все не запрещенные законом средства и способы, так и с помощью защитника и (или) законного представителя. Правда, подход к реализации прав не одинаковый в разных государствах. В Российской Федерации государственная юридическая помощь подозреваемому (обвиняемому) осуществляется на безвозмездной основе, расходы на которую относятся к судебным издержкам и возмещаются государством.

Таким образом, можно констатировать, что в большинстве стран с развитой правовой системой подход к предоставлению бесплатной юридической помощи по уголовным делам подозреваемому, обвиняемому, отличается от подхода, применяемого уголовным судопроизводством в Российской Федерации.

¹ См.: Верещагина А. В. Реформа уголовной юстиции 1864 года и ее значение для преобразования уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1993. С. 3, 7.

Принцип, обеспечивающий право на обжалование процессуальных действий и решений государственных органов и должностных лиц (ст. 19 УПК РФ). Участники, привлекаемые властными субъектами к участию в деле в рамках досудебного производства, обладают равными процессуальными возможностями для защиты личных интересов, одним из средств которых выступает обжалование процессуальных действий (бездействия) либо процессуальных решений должностных лиц. Свобода обжалования предполагает широкий круг вопросов, подлежащих обжалованию, а также относительно простой процессуальный порядок подачи, рассмотрения и разрешения жалоб. Так, на стадии возбуждения уголовного дела лица, имеющие в деле личные процессуальные интересы, могут подать жалобу на отказ в приеме заявления о преступлении, на неправомерные действия, осуществляемые в ходе проверки сообщения о преступлении, несоблюдение сроков проверки, а также на незаконные либо необоснованные решения о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела. На стадии предварительного расследования, ориентированного на выполнение большого объема задач, насыщенного различными процессуальными «событиями», круг таких вопросов намного шире. Например, участники предварительного расследования имеют возможность обращаться с жалобами на отсутствие постановления о признании потерпевшим или гражданским истцом, незаконность решения о привлечении в качестве обвиняемого, неправомерность избрания меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого, необоснованность и незаконность решения о приостановлении, а также прекращении уголовного дела и иные. Реализация данного права участников вариативна, поскольку уголовно-процессуальный закон дает возможность обращений к нескольким «официальным» субъектам – руководителю следственного органа, прокурору, судье (ст. ст. 123-125¹ УПК РФ). Это позволяет, с одной стороны, поддерживать режим законности производства по уголовному делу, а с другой – осуществлять защиту прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства.

Следует обратить внимание на то, что при реализации данного принципа должна быть исключена возможность «злоупотребления правом». Поэтому учеными выдвигаются идеи закрепления в ст. 5 УПК РФ дефиниции «злоупотребление правом», под которым понимается действие (бездействие) субъекта уголовного судопроизводства, не выходящее за пределы его правового статуса, однако нарушающее

права, свободы и законные интересы других участников уголовного судопроизводства, а также препятствующие разбирательству дела и решению задач правосудия в разумные сроки, защите прав и свобод других участников уголовного судопроизводства». В связи с этим некоторые ученые предлагают ввести в УПК РФ соответствующую правовую норму (ст. 7.1 «Недопустимость злоупотребления правом»), в которой должна быть определена в том числе и мера ответственности за злоупотребление правом на обжалование¹.

В настоящее время остается актуальным вопрос о действии принципа состязательности применительно к досудебному производству.

Так, Л.В. Головкин обращает внимание на противоречивость принципа состязательности, закрепленном в российском уголовном процессе и конструкцией его иных общих начал. Принцип состязательности уголовного судопроизводства основан на конструкции трех основных процессуальных функций. Исходя из этого, прекращение производства по уголовному делу дознавателем либо следователем следует рассматривать как форму реализации функции разрешения уголовного дела по существу, что свидетельствует о неполном разграничении процессуальных функций в стадии предварительного расследования. Как следствие, один и тот же субъект (субъект расследования) не только собирает информацию для принятия решения, но и уполномочен выносить итоговое решение, разрешая уголовно-правовой конфликт². Состязательный элемент должен проявляться в четком разграничении содержания деятельности по собиранию доказательств определенного характера и их представлению, а также отделении процессуального собирания информации и принятия решения на основе собранных доказательств.

¹ См., например: Желева О. В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 171; Алферова Е. В. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право. 2015. № 2. С. 158.

² Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.

Общие положения в сфере доказывания обязывают должностных лиц и государственных органов принятия мер к собиранию доказательств, констатирующих виновность или невиновность обвиняемого, наличие обстоятельств, отягчающих или смягчающих ответственность, установление юридических фактов, влекущих освобождение его от уголовной ответственности и наказания (ст. 73 УПК РФ). Установление оправдывающих подозреваемого, обвиняемого доброкачественных (обладающих необходимыми процессуальными свойствами) доказательств влечет за собой принятие решение о прекращении уголовного преследования органами следствия и дознания. Таким образом, процессуальное положение органов предварительного расследования обязывает их устанавливать все существенные для дела обстоятельства вне зависимости от их обвинительного или оправдательного характера.

В современном российском уголовном процессе наблюдается ситуация, свидетельствующая о совмещении, синтезе различных процессуальных функций у одного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, что позволяет сделать вывод об отсутствии реальных предпосылок к состязательности досудебного производства.

А.В. Смирнов выдвигает тезис о необходимости на современном этапе развития российского уголовного процесса перехода к новому типу состязательности, а именно к «дискурсивно-состязательному судопроизводству». Данная модель подчинена началам функционального равенства сторон, отсутствия значения приоритета обвинения, судебного участия в досудебных стадиях процесса, процессуальной активности сторон, (по возбуждению обвинения, собиранию доказательств и проведению альтернативного расследования); целесообразности публичного обвинения и расширения возможности применения примирительных процедур.¹

Своеобразие действия принципов уголовного судопроизводства на досудебных стадиях уголовного судопроизводства проявляется в такой правовой категории, как общие условия, действующие в конкретных стадиях процесса. Так, действие принципа публичности на стадии возбуждения уголовного дела проявляется в обязанности органов дознания и предварительного следствия приема, регистрации сообщения о готовящемся и совершенном преступлении (общее условие

¹ Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе: монография / А. В. Смирнов. М.: Норма: ИНФРА-М. 2018.

– наличие повода к началу производства), а затем проведении «доследственной» проверки для установления основания возбуждения уголовного дела (общее условие – наличие основания для начала производства). Действие принципа разумного срока проявляется в положениях, регламентирующих ограниченные сроки производства в данной стадии, свидетельствующие о важности экстренного принятия решения о начале производства по уголовному делу. Принцип законности диктует необходимость квалификации события, определения подследственности принятого сообщения, проведении не запрещенных на данном этапе следственных действий и иных проверочных мероприятий, принятии законных итоговых решений.

На стадии предварительного расследования еще более широко реализуются принципы уголовного процесса с помощью механизма соблюдения общих условий. Известный процессуалист С.И. Викторский указывал на два принципиальных требования для производства предварительного расследования – быстроты (скорости) и полноты исследования обстоятельств дела, с тем, чтобы были максимально обеспечены интересы потерпевших, требующих государственной защиты, а также обвиняемых, чтобы они не «томились» в местах содержания под стражей в ожидании своей участи¹. В обеспечение принципа законности и быстроты, а также полноты расследования в современном уголовном процессе установлены правила подследственности, сроков предварительного расследования, соединения и выделения уголовных дел. Отдельная группа общих условий обеспечивает реализацию конституционных положений и охрану прав и свобод человека и гражданина (общие правила производства следственных действий, меры попечения о детях, иждивенцах и сохранности имущества подозреваемого и обвиняемого, неразглашение данных предварительного расследования).

1.2 Уголовно-процессуальное принуждение: проблемы и тенденции по их разрешению

Институт мер уголовно-процессуального принуждения охватывается главами 12, 13 и 14 УПК РФ, включая в себя задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры уголовно-процессуального принуждения.

¹ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912.

Следует отметить, что эффективность ряда мер уголовно-правового принуждения не достаточна вследствие проблем их фактического применения, с которыми сталкивается правоприменительная практика. Именно на такие меры уголовно-процессуального принуждения и пресечения мы далее обратим внимание.

Задержание подозреваемого обособлено законодателем от иных мер уголовно-процессуального принуждения путем его выделения в отдельную главу 12, в которой аккумулирована совокупность норм УПК РФ, касающихся оснований и порядка процессуального задержания, производства личного обыска подозреваемого, уведомления о применении данной меры принуждения, освобождения подозреваемого из-под стражи и непосредственного порядка содержания подозреваемого в строгой изоляции от общества на срок, установленный положениями ст.ст. 10 и 94 УПК РФ и исчисляемый с момента, определяемого совокупностью положений, предусмотренных п.п. 11, 15 ч. 5 и ч. 3 ст. 128 УПК РФ. Однако если задержание подозреваемого сложностей правоприменения не вызывает, допускаемое положениями главы 12 УПК РФ задержание обвиняемого либо осужденного в части оснований и порядка требует разъяснения. Так, при задержании объявленного в розыск обвиняемого и намерении вследствие отсутствия определенный период времени сведений о его местонахождении избрать в его отношении наиболее строгую меру пресечения, следует учитывать правовую позицию, приведенную в *Кассационном определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 августа 2020 года по делу № 77-1478/2020 о том, что само по себе объявление обвиняемого в розыск не свидетельствует о наличии оснований, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, то есть наличие намерения скрыться от органов предварительного расследования или суда*¹. Но наличие умысла и намерения у обвиняемого скрыться от органов предварительного расследования и суда в большинстве случаев не подвергается правоприменителями сомнению, в силу чего не устанавливается. В ряде случаев, поверхностное отношение к установлению умысла и намерения обвиняемого скрыться может приводить к необоснованному применению в его отношении меры пресечения в виде

¹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 августа 2020 года по делу № 77-1478/2020 // [Электронный ресурс] - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=18460#Z9ppRtT61FgqCWYp2>

заключения под стражу. Искоренить из правоприменительной практики подобные примеры представляется возможными лишь усилением ведомственного контроля и прокурорского надзора за деятельностью сотрудников органа предварительного следствия и подразделений дознания при расследовании преступлений.

Меры уголовно-процессуального пресечения предусмотрены отдельными нормами, последовательно расположенными по степени принуждения и ограничения конституционных прав начиная с менее строгой, в главе 13 УПК РФ, включающей в себя восемь мер уголовно-процессуального пресечения, которые фактически разграничены на две группы:

- меры пресечения, не требующие судебного решения для их избрания в ходе досудебного производства по уголовному делу, но допустимые к применению судом на судебных стадиях уголовного процесса, и не подлежащие продлению срока их применения;

- меры, применяемые на основании решения суда, в соответствии с полномочиями, закрепленными в ч. 2 ст. 29 УПК РФ и на определенный судебным решением срок.

Обращая внимание на недостаточную эффективность воздействия ряда мер пресечения, отнесенных к первой из обозначенных нами групп, сложности применения мер, составляющих главу 13 УПК РФ и необходимость совершенствования условий и порядка применения мер уголовно-процессуального пресечения, отметим только некоторые из них.

Личное поручительство в современных реалиях не представляется достаточно эффективным, вследствие чего избирается органами предварительного расследования не охотно и крайне редко. В этой связи научным сообществом предлагаются идеи повышения эффективности применения к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде личного поручительства, но состоят они в большинстве своем в повышении ответственности поручителя за надлежащее исполнение подозреваемым, обвиняемым требований, состоящих в недопущении нарушения предусмотренных п.п. 2, 3 ст. 102 УПК РФ обязательств. Это предлагается достигать повышением размера денежного взыскания, налагаемого на поручителя при условии допускаемых подозреваемым, обвиняемым нарушений, предупреждение которых являлось целью применения личного поручительства.

В частности, о необходимости совершенствования меры пресечения в виде личного поручительства рассуждают О. В. Медведева¹, Р. М. Муртазин², И. Б. Тутынин³, предлагая усилить имущественным обязательством ответственность за соблюдение требований, возлагаемых на подозреваемого, обвиняемого избранием данной меры пресечения. На необходимости повышения ответственности поручителя путем повышения суммы имущественного обязательства за ненадлежащее исполнение возложенных на подозреваемого, обвиняемого обязательств из числа предусмотренных п.п. 2, 3 ст. 102 УПК РФ настаивают А. И. Александров⁴ и Я. Ю. Бурлакова⁵. Вместе с тем, последняя усматривает возможность повышения эффективности личного поручительства в возникновении права последующего обращения поручителя в суд с регрессным иском к подозреваемому, обвиняемому, нарушившему условия избранной в его отношении меры пресечения⁶. Перспективным для повышения эффективности личного поручительства представляется и высказанное А. А. Чуниха предложение о возложении на поручителя обязанности сообщения органам предварительного расследования, а, на стадиях судебного разбирательства в суд, о фактах совершения подозреваемым, обвиняемым, подсудимым противоправных действий, совершение которых предупреждалось применением меры пресечения в виде личного поручительства, что позволит своевременно рассмотреть вопрос о целесообразности применения к подозреваемому (обвиняемому, подсудимому) более строгой меры

¹ Медведева О. В. Залог и поручительство в системе мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 13.

² Муртазин Р. М. Применение мер пресечения в судебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 12–13.

³ И. Б. Тутынин. Как улучшить в уголовном судопроизводстве применение мер пресечения путем использования процессуального принуждения имущественного характера. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (81). 2019. С. 158–164.

⁴ Александров А. И. Участие граждан в производстве по уголовным делам в свете демократизации современной уголовно-процессуальной политики России // Российский судья. 2012. № 11. С. 14–18.

⁵ Бурлакова Я. Ю. Проблемы избрания и применения мер уголовно-процессуального пресечения, не связанных с лишением или ограничением свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. С. 10.

⁶ Там же.

уголовно-процессуального пресечения¹.

Мера пресечения, состоящая в **присмотре за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым**, представляется научному сообществу недостаточно результативной ввиду сложности порядка применения. В частности, С. В. Матвеев, П. В. Кулаков редкость применения данной меры объясняют отсутствием в положениях УПК РФ, во-первых, четко установленных критериев, с учетом которых следует осуществлять отбор лиц для возложения обязательств обеспечения присмотра за подвергнутым уголовному преследованию несовершеннолетним, во-вторых, последовательного алгоритма действий, направленных на избрание дознавателем, следователем данной меры пресечения². Сложности применения меры связываются и с неоднозначностью примененной законодателем формулировки «лицо, заслуживающее доверие», поскольку, для установления действительности того, что то или иное лицо, на которого могут быть возложены обязательства обеспечения подвергнутым уголовному преследованию несовершеннолетним надлежащего поведения в ходе производства по уголовному делу, заслуживает доверия, возникает необходимость устанавливать обстоятельства, характеризующие личность этого лица, но такая деятельность дознавателя, следователя будет явно выходить за пределы обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании преступления, а также приведет к неоправданному затягиванию срока его расследования, что может повлечь за собой ущемление права заинтересованных участников уголовного судопроизводства на доступ к правосудию в максимально короткий срок. Критерии подбора лица, на которого может быть возложено обязательство присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым предлагаются М. А. Коноваловой. Они состоят в получении (истребовании) сведений о конкретной личности, не являющейся до применения рассматриваемой меры пресечения участником уголовного судопроизводства, если конечно не признаны в качестве законного представителя подвергнутого уголовному преследованию несовершеннолетнего. К та-

¹ Чуниха А. А. Поручительство в системе мер процессуального принуждения: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 10.

² Матвеев, С. В. Теоретические и практические проблемы присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в российском уголовном судопроизводстве / С. В. Матвеев, П. В. Кулаков // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 12(121). – С. 133.

ким сведениям М. А. Коноваловой отнесено: «информация об отсутствии судимости;... характеристики с места работы, с места жительства; об отсутствии кредиторской или иной задолженности (справка банковской или иной кредитной организации); об отсутствии алкогольной и наркотической зависимости (справка из наркологического диспансера); об отсутствии психических расстройств и иных расстройств поведения (справка из психоневрологического диспансера); о наличии разного рода наград, почетных званий, регалий и т.д. и др.»¹. Однако, как нам представляется, сбор таких сведений повлечет затрату дознавателем, следователем определенного периода времени, который будет зависеть от тех или иных, в том числе не предвиденных обстоятельств, что приведет к затягиванию срока расследования преступления.

Выходом из данной ситуации нам представляется дополнение положений ст. 105 УПК РФ условием возможности избрания дознавателем, следователем рассматриваемой меры уголовно-процессуального пресечения при поступлении от конкретного лица, являющегося: родителем, опекуном, попечителем несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, или другим заслуживающим доверия лицом, которому судьба несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не безразлична, а равно должностным лицом специализированного детского учреждения, в котором проживает (находится) не достигший совершеннолетия подозреваемый, обвиняемый, соответствующего ходатайства о применении к подвергнутому уголовному преследованию несовершеннолетнему меры пресечения в виде присмотра. Так обязанность подтверждения того, что лицо заслуживает доверия и его добросовестность в части обеспечения меры пресечения будет возлагаться на это лицо, что будет выражено в необходимости представить к соответствующему ходатайству перечень документов, наличие которых позволит следователю (дознавателю) рассмотреть заявленное ходатайство и принять обоснованное решение о возможности применения предусмотренной ст. 105 УПК РФ меры пресечения.

С вступлением в силу Федерального закона от 18.04.2018 № 72-

¹ Коновалова, М. А. Присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) как «специальная» мера пресечения / М. А. Коновалова // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : материалы VII Всероссийской межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 03 декабря 2022 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. – С. 117.

ФЗ¹, институт мер уголовно-процессуального пресечения был дополнен мерой в виде **запрета определенных действий**, но отношение к данной мере до сих пор не однозначно. С момента введения этой меры пресечения в одноименный институт и до завершения 2019 года, ходатайств о ее применении в суды Российской Федерации не поступало². Только по итогам 2020 года судами Российской Федерации фиксировалось поступление ходатайств о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий, и их количество составило 2112, из числа которых только 1850 ходатайств судами удовлетворено. Увеличение количества таких ходатайств стало прослеживаться в последующие года. По итогам 2021 года до 2924 рассмотренных судами ходатайств, из которых удовлетворено 87,7 %, что составило 2565 лиц, подвергнутых в ходе уголовного преследования применению меры пресечения в виде запрета определенных действий. По итогу 2022 года число удовлетворенных ходатайств о применении запрета определенных действий составило 3085, то есть 89 % от количества поступивших в суды ходатайств, общее число которых составило 3464. По итогам 2023 года количество поступивших в суды ходатайств о применении предусмотренной ст. 105.1 УПК РФ меры составило 4474, что на 29,15 % ходатайств больше аналогичного периода предшествующего года, а число удовлетворенных судами России за 2023 год составило 4005 ходатайств. Заметим, их число, по-прежнему, остается на низком уровне, составляя 4,86 % от числа рассматриваемых судами за тот же год ходатайств об избрании наиболее строгой меры уголовно-процессуального пресечения из числа предусмотренных главой 13 УПК РФ³.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»: Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 2018 г. 23 апреля. № 17. Ст. 2421.

² См. подробнее: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>(дата обращения: 10.10.2023); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>(дата обращения: 11.10.2024).

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 г. // Официальный сайт Судебного департамента

Основной особенностью запрета определенных действий является возможность совокупного применения этой меры пресечения с рядом других из числа предусмотренных ст.ст. 106 и 107 УПК РФ, что возводит предусмотренную ст. 105.1 УПК РФ меру пресечения в ряд наиболее востребованных на перспективу. Однако указанное порождает в научном сообществе критические замечания, связанные с целесообразностью наделения суда полномочиями по всему спектру ограничений, что следует отнести к проблеме. Так, соглашаясь с необходимостью наделения суда полномочиями, касаясь ограничений напрямую связанных с правами, закрепленными в Конституции Российской Федерации, а именно: запретом выходить в определенное время за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый, обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, высказываются сомнения в целесообразности соответствующей юрисдикции суда в части остальных запретов¹. В числе возможных причин, обусловивших соответствующую логику законодателя, называются такие как: недоверие к следователям и дознавателям; желание получить в лице суда дополнительные гарантии обеспечения прав подозреваемых, обвиняемых. При этом указывается, что ограничивающая одно из ключевых прав – на свободу передвижения мера в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении избирается субъектом расследования самостоятельно. М. И. Николаева подвергает критике и саму конструкцию ст. 105.1 УПК РФ, действительно, достаточно сложную. Как таковой порядок запрета

при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79& item=5671> (дата обращения: 11.10.2023); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения: 11.10.2024) Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/F1-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 21.02.2024).

Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2023 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/F1-svod_vse_sudy-2023.xls

¹ Николаева М.И. Новая мера пресечения "запрет определенных действий" в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2 (47). С. 120.

действий в ней и не содержится, имеется лишь отсылка к ст. 108 УПК РФ «заключение под стражу», причем эта отсылка к статье целиком, что может породить проблемы разных подходов. Все перечисленное затрудняет целостное восприятие новой меры, и с высокой долей вероятности, может затруднять ее применение¹. Следует согласиться с позицией о необходимости четкого и однозначного закрепления новой нормы в УПК РФ, без столь многочисленных отсылок.

Кроме того, научным сообществом указывается и на то, что нет индивидуального порядка наложения новой меры пресечения. Одновременное ее применение с залогом и домашним арестом поставило вопрос о нарушении принципа альтернативности мер пресечения, в связи с тем, что у каждой из мер должны быть конкретные обстоятельства ее применения. Существующий выбор может стать причиной крайне редкого применения запрета определенных действий, обусловленного отсутствием ограничений в выборе судом таких более строгих мер пресечения, как: залог и домашний арест².

Проблема применения **залога** как меры пресечения связывается с внесением в 2018 году изменений в ст. 106 УПК РФ³, повлекших право суда на установление наряду с залогом подлежащих обязательному соблюдению подозреваемым, обвиняемым запретов из числа установленных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. В. Ю. Стельмах высказывает убеждение в том, что дальнейшее продолжение тенденций фактического слияния двух мер уголовно-процессуального пресечения, одновременно подлежащих применению «способно радикальным образом изменить считающийся фундаментальным подход о возможности одновременного избрания к одному лицу единственной меры пресечения»⁴.

Сложности правоприменительной практики относительно меры

¹ Там же.

² Исаков В. С. О новой мере пресечения в виде запрета определённых действий // Аллея науки. 2018. Т. 4. № 5 (21). С. 635.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»: Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 2018 г. 23 апреля. № 17. Ст. 2421.

⁴ Стельмах В. Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). – С. 33.

пресечения в виде **домашнего ареста** обусловлены условиями ее применения после введения в институт мер пресечения запрета определенных действий, а именно отсутствием нормативного закрепления допустимости установления судом временного промежутка для нахождения подозреваемого, обвиняемого вне места проживания, где исполняется домашний арест, в то время как до введения в главу 13 УПК РФ предусмотренной ст. 105.1 УПК РФ меры, положения ст. 107 УПК РФ в редакции до 18 апреля 2018 года¹ включали в себя как перечень ограничений, ряд из которых в любой совокупности по усмотрению суда могли быть назначены к соблюдению лицом, в отношении которого мера применялась, так и допустимость выхода из жилого помещения на период времени, устанавливаемый судом. Законодательными изменениями в апреле 2018 года было достигнуто разграничение между собой запрета определенных действий и домашнего ареста по степени строгости. Указанное повлекло за собой возникновение препятствий обеспечения подозреваемым, обвиняемым, который один проживает по месту исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, необходимых бытовых условий.

Анализируемая возможность для подозреваемого, обвиняемого выхода из жилого помещения на непродолжительный период времени еще продолжает допускаться правоприменительной практикой, что, например, следует из содержания *постановления Московского районного суда Санкт-Петербурга по материалу № 3/2-56/2021 от 11 марта 2021 года, которым установлена допустимость «с письменного разрешения следователя разрешить выход за пределы жилого помещения на срок не более 3-х часов в сутки для получения медицинских, бытовых и иных услуг, необходимых для жизнедеятельности»*², но зачастую служит предметом апелляционного обжалования.

Проблема наиболее строго меры пресечения – **заключения под стражу** связана с ее приоритетом над иными, менее строгими, а также

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федеральный закон от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. – 18 апреля. – № 17. Ст. 2421

² Постановление Московского районного суда Санкт-Петербурга по материалу № 3/2-56/2021 от 11 марта 2021 года // [http:// \[Электронный ресурс\] URL: advokatsv.pro/?p=1544.](http://advokatsv.pro/?p=1544)

неоправданной в ряде случаев длительностью содержания под стражей, о чем свидетельствуют результаты прокурорских проверок, следствием которых еще в 2011 году послужило вынесение Генеральной прокуратурой РФ приказа, направленного на усиление прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся задержания, избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу¹, и также подтверждается решениями Европейского Суда по правам человека². Примером тому может служить множество постановлений ЕСПЧ, в том числе постановления: от 03 мая 2012 года по делу «Евгений Кузьмин против Российской Федерации»³; от 22 мая 2012 года по делу «Идалов против Российской Федерации»⁴, но особенно интересным представляется нам правовая позиция Европейского Суда, изложенная в постановлении от 24 мая 2016 года по жалобе № 17564/06 «Садретдинов против России», обязывающая суды устанавливать наличие конкретных фактов, указывающих на обоснованность продления срока содержания под стражей (п. 82), а также в п. 86-87, с акцентом на необоснованность продления срока содержания обвиняемого под стражей ввиду отсутствия в решении суда указания на конкретные, имеющие отношение к делу факты, не позволяющие рассмотреть возможность применения альтернативных мер пресечения⁵.

В апреле 2018 года с целью снижения количества лиц, содержащихся под стражей ввиду избрания в их отношении меры пресечения в виде заключения под стражу и последующего продления судом указанной меры пресечения в порядке, предусмотренном ст. 109 УПК РФ,

¹ Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 9 ноября 2011 г. № 392/49 // СПС Гарант – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257724/>

² Далее, по тексту – ЕСПЧ.

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2010 г. Дело «Кузьмин (Kuzmin) против Российской Федерации» (жалоба № 58939/00) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081306/>

⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 мая 2012 г. Дело «Идалов против России» (жалоба № 5826/03) (Большая палата) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 5/2013

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2016 г. Дело «Садретдинов против России» (жалоба № 17564/06) (Третья секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 3/2017.

законодателем внесены изменения, предоставляющие суду право по судебскому усмотрению осуществлять выбор меры пресечения из числа перечисленных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, на которую может быть изменена мера пресечения, если органом предварительного следствия (подразделением дознания исходя из подследственности совершенного общественно опасного деяния) не доказана перед судом безусловная необходимость избрания наиболее строгой меры пресечения или продления срока ее применения¹. А немногим более одного года позднее, в положения ст.ст. 108 и 109 УПК РФ были внесены изменения, в частности, направленные на расширение количества составов преступлений, при совершении которых не может быть избрана наиболее строгая мера пресечения², а несколько позднее оговорены условия, лишь несоблюдение которых может повлечь избрание наиболее строгой меры пресечения при совершении перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ преступлений³.

Изложенное побудило В. М. Лебедева на состоявшемся 24 мая 2022 года пленарном заседании Совета судей Российской Федерации, с цитированием положения Пленума Верховного Суда РФ⁴, разъясняющего обязанность суда в каждом случае и независимо от стадии процесса обсуждать возможность применения к подвергнутому уголовному преследованию лицу более мягкой меры пресечения, указать на необходимость сокращения числа лиц, в отношении которых судами может избираться мера пресечения в виде заключения под

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федеральный закон от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. – 18 апреля. – № 17. Ст. 2421

² О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 02 августа 2019 года № 315-ФЗ // Официальный сайт www.pravo.gov.ru № 0001201908020094 от 02.08.2019.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 2023 года № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. – 19 июня. – № 25. Ст. 4406

⁴ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 (в ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2014 г. № 2.

стражу и приниматься решения о продлении срока применения указанной меры¹.

Тенденции к гуманизации уголовно-процессуального законодательства продолжают прослеживаться в инициативах Верховного Суда Российской Федерации. Так, в середине 2023 года Верховным Судом Российской Федерации представлен инициативный законопроект, направленный своим содержанием на внесение в положения ст. 108 УПК РФ новых ограничений, не позволяющих рассматривать вопрос о применении к подвергнутому уголовному преследованию подозреваемому (обвиняемому) наиболее строгой меры пресечения. К числу таких ограничений Пленум Верховного Суда Российской Федерации счел необходимым отнести преступления ненасильственного характера, подпадающие под категорию средней степени тяжести, и отнести к исключительным случаям избрание предусмотренной ст. 108 УПК РФ меры пресечения в отношении несовершеннолетнего либо женщины, имеющей малолетнего ребенка при совершении преступления насильственного характера, относящего к категории средней степени тяжести. Наряду с изложенным, предложено и внесение дополнений в ст. 5 УПК РФ в целях разъяснения и разграничения между собой понятий насильственные и ненасильственные преступления, позволив оперировать данными понятиями и в иных нормах УПК РФ. Кроме того, предложено закрепить в положениях ч. 2 ст. 108 УПК РФ недопустимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу вне зависимости от категории совершенного преступления в отношении подозреваемого (обвиняемого), страдающего тяжелым заболеванием. Заметим, последние фактически реализовывалось правоприменительной практикой и ранее, но со ссылкой на перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей². Предложенное в указанной части лишь влечет регламентацию фактически применяемого правоприменителями требования к содержанию постановле-

¹ Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 года // официальный сайт Верховного Суда РФ URL: <https://www.vsrf.ru/files/31149/>

² О медицинском освидетельствовании подозреваемых и перечне тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей: Постановление Правительства № 3 от 14 января 2011 года (с изм. от 04.09.2012) // Собрание законодательства РФ. – 2011 г. – 24 января. № 4. Ст. 608.

ния о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу / о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, в обязательную для исполнения правовую норму. Представляется, что к внесению данного предложения Пленум Верховного Суда Российской Федерации побудило, в частности, *обращение гражданина Ш. с административным иском о признании частично недействующим постановления Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений»*, который решением Верховного Суда Российской Федерации по делу №АКПИ16-307 от 25 мая 2016 года хоть и не был удовлетворен, но фактически обнажил проблему содержания под стражей лиц, имеющих тяжелое заболевание, но своевременно не подвергнутых освидетельствованию на предмет установления допустимости содержания его под стражей¹.

В октябре 2023 года указанный законопроект прошел первое чтение с представлением заключения, указывающего на необходимость внесения некоторых корректировок в описательную часть проекта федерального закона, но в целом, его содержание находит свое одобрение среди членов Совета Государственной Думы Российской Федерации, что указывает на перспективность такой законодательной инициативы².

К иным мерам уголовно-процессуального принуждения отнесены объединенные законодателем в отдельную, одноименную главу 14 УПК РФ, такие меры, как: обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ); привод (ст. 113 УПК РФ); временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ); наложение ареста на имущество (ст.ст. 115, 115.1, 116 УПК РФ) и денежное взыскание (ст.ст. 117, 118 УПК РФ).

Обратим внимание на наиболее актуальные проблемы применения тех или иных мер принуждения, из числа предусмотренных главой 14 УПК РФ.

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2016 года № АКПИ16-307 // [Электронный ресурс] - URL: <https://rulaws.ru/acts/Reshenie-Verhovnogo-Suda-RF-ot-25.05.2016-N-AKPI16-307/>

² Законопроект № 381316-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8>

Применение **обязательства о явке**, состоящего в возложении на участника уголовного судопроизводства обязанности явиться в адрес места производства по уголовному делу по вызову правомочного должностного лица к назначенному дню и времени, осложнено тем, что единственным, предусмотренным положениями УПК РФ способом вызова участника уголовного судопроизводства для участия в следственных или иных процессуальных действиях является направление повестки. Отсутствие законодательно закрепленной возможности иных способов вызова участников уголовного судопроизводства, при условии неисполнения обязательства о явке, не позволяет должностному лицу правомерно применить к участнику процесса, на которого обязательство о явке возложено, меру с большей степенью принуждения.

В целях совершенствования порядка применения обязательства о явке, в условиях развития современных информационных технологий и их повсеместного внедрения в сферу государственной деятельности и социальную среду, представляется необходимым усовершенствование действующего порядка вызова участников уголовного судопроизводства.

В качестве варианта такого усовершенствования, по нашему мнению, следует рассмотреть возможность направления электронной повестки. Такой вариант уведомления уже внедрен в Российской Федерации, но ориентирован исключительно на правоотношения государства с лицами преимущественно мужского пола призывного возраста¹. Порядок направления электронной повестки положениями ст. 4 Федерального закона № 127-ФЗ от 14 апреля 2023 года предусматривает размещение повестки о вызове конкретного лица, а также информации о возлагаемых повесткой обязательствах и последствиях неисполнения требования о явке, в ресурсе федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг»². Полагаем, внедрение подобного опыта в уголовно-процессуальную сферу позволило бы дублировать направление повестки

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14 апреля 2023 года № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. – 17 апреля. - № 16. - Ст. 2764. Далее, по тексту - Федеральный закон № 127-ФЗ от 14 апреля 2023 года.

² Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2010. 2 августа. - № 31. Ст. 4179.

о вызове участника уголовного судопроизводства, в том числе от которого отобрано обязательство о явке, для его участия в процессуальных действиях по уголовному делу, направляя ее не только посредством почтовой связи, но и размещая в вышеупомянутой системе предоставления государственных услуг, что, во-первых, существенно сэкономило бы время доведения информации о вызове участника уголовного судопроизводства для участия в следственных или иных процессуальных действиях, а, во-вторых, повысило бы гарантию своевременного доведения такой информации до нужного адресата. В свою очередь, необходимость периодического обращения участника уголовного судопроизводства в личный кабинет портала государственных услуг может быть выражена в форме требования правомочного должностного лица органа предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело, или суда, посредством письменного информирования участника уголовного судопроизводства под подпись при первом его вызове для участия в процессуальных действиях по уголовному делу.

Сложности в применении **привода** как меры с более высокой степенью принуждения схожи с причинами, препятствующими применению обязательства о явке. Это следует из приведенного нами примера следственно-судебной практики. Так, *Ставропольским краевым судом при рассмотрении апелляционной жалобы гр-на Ш. на постановление Промышленного районного суда г. Ставрополя от 09.09.2020 о принудительном приводе физического лица Ш., выступающего в качестве свидетеля по делу, решение нижестоящего суда отменено, а апелляционная жалоба удовлетворена, что обосновано ненадлежащим извещением свидетеля о дате, времени и месте судебного заседания, поскольку суд первой инстанции не удостоверился в действительности вручения повестки о вызове для участия в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по существу*¹.

Таким образом, предложенное нами совершенствование порядка вызова участника уголовного судопроизводства для участия в производстве следственных и иных процессуальных действиях актуально и для обоснованности применения привода.

¹ Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22К-6022/2020 от 26 ноября 2020 года // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SWRhOLbMc661/>.

Изложенное подтверждает также необходимость своевременного установления признаков умышленности действий (бездействия) подвигаемого приводу участника уголовного судопроизводства, направленных на неисполнение ранее отобранного обязательства о явке, а равно сформированного в виде повестки требования о явке в назначенное правомочным должностным лицом время и место для участия при производстве процессуальных действий по уголовному делу. Той же позиции придерживается Т. Б. Гараева, которая высказывает убеждение в том, что допустимость применения привода должна аргументироваться содержащимися в материалах дела сведениями, подтверждающими умышленность уклонения лица от явки по вызову дознавателя, следователя либо в суд и отсутствие уважительных на то причин¹.

Наложение ареста на имущество в ряде случаев правоприменительной практики сопряжено с несоблюдением требования Пленума Верховного Суда Российской Федерации, закрепленного в постановлении № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)», п. 13 которого обязывает суды при рассмотрении ходатайств о наложении ареста на имущество, направленного на обеспечение гражданского иска и (или) исполнение приговора в виде штрафа, учитывать соразмерность стоимости подлежащего аресту имущества, причиненному преступлением ущерба и (или) максимальному размеру штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи УК РФ, инкриминируемого обвиняемому деяния или в совершении которого подвергнутое уголовному преследованию лицо подозревается². Несоблюдение указанных требований выступает в последствии основанием для обжалования решений судов первой, а порой и второй инстанции, ввиду их необоснованности и (или) вследствие допущения существенных нарушений законности. Примером тому служит *постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции № 7У-1886/2022 [77-1637/2022] от 29 сентября*

¹ Гараева, Т. Б. Актуальные проблемы применения иных мер уголовно-процессуального принуждения / Т. Б. Гараева // Научный портал МВД России. — 2023. № 2(62). С. 64–69.

² О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 1 июня 2017 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июль 2017 г. № 7.

2022 года, содержанием которого установлено нарушение требований уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а равно требований, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 1 июня 2017 года, заключающихся в том, что аресту были подвергнуты как денежные средства организации, так и 116 объектов недвижимости, в виде земельных участков, зданий и помещений, общая стоимость которых судом при рассмотрении ходатайства о наложении ареста на имущество не была установлена, но очевидно, что она существенно превышала максимальный размер штрафа, предусмотренный санкцией ст. 174.1 УК РФ, составляющий 1 млн. рублей. Вместе с тем, как было установлено Пятым кассационным судом общей юрисдикции при рассмотрении данного дела, на эти же 116 объектов недвижимости к моменту рассмотрения судом заявленного органом предварительного следствия ходатайства уже был наложен арест другим решением того же суда. Изложенное повлекло отмену постановления Пятигорского городского суда и апелляционного постановления Ставропольского областного суда с передачей материала в суд первой инстанции на новое рассмотрение в ином составе суда¹.

Иной случай недопустимости применения ареста на имущество изложен в определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 сентября 2021 года № 7У-3203/2021, согласно которому на автомобиль, принадлежащий лицу, не являющемуся участником уголовного судопроизводства, а также не несущему по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, был наложен арест. Кроме того, суд не указал срок, на который налагается арест на автомобиль, не установил конкретные запреты и ограничения в отношении подвергнутого аресту имущества в виде автомобиля, что повлекло удовлетворение кассационной жалобы, поданной представителем заинтересованного лица, являющегося фактическим собственником автомобиля, и отмену решений нижестоящих судов первой и второй инстанции².

¹ Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 29 сентября 2022 года № 7У-1886/2022 [77-1637/2022] [Электронный ресурс] // URL: <https://судебныерешения.рф/69576976>.

² Определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 сентября 2021 года № 7У-3203/2021 // [Электронный ресурс] // URL: <https://судебныерешения.рф/61110401>.

Изложенные примеры указывают на поверхностное отношение со стороны органов предварительного расследования и судов, в большинстве своем первой инстанции, при подготовке ходатайств о наложении ареста на имущество и соответственно рассмотрении вопроса о применении такой меры уголовно-процессуального принуждения, к исследованию обстоятельств приобретения подлежащего аресту имущества, его принадлежности конкретному участнику уголовного судопроизводства или лицу, несущему материальную ответственность за действия третьих лиц, фактической стоимости имущества, установления ее соразмерности сумме заявленного по уголовному делу гражданского иска, размеру причиненного преступлением ущерба и (или) максимального размера штрафа, предусмотренного санкцией статьи УК РФ, предусматривающей общественно опасное деяние, инкриминируемое субъекту его совершения.

Таким образом, совершенствование меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество видится в повышении степени ответственности должностных лиц, правомочных на производство предварительного расследования, осуществляющих ведомственный контроль и прокурорский надзор за органами предварительного следствия и подразделений дознания, при подготовке материалов для обращения в суд с соответствующим ходатайством, а равно судов за принимаемые ими процессуальные решения.

К сложностям применения **денежного взыскания** следует отнести рассредоточение оснований применения денежного взыскания с указанием участников уголовного процесса, к которым оно допустимо к применению по разным главам УПК РФ, что повлекло их закрепление в: ч. 4 ст. 103, ч. 3 ст. 105, ст. 117, ч. 1 ст. 258, ч. 3 ст. 333 УПК РФ. Кроме того, в положениях ст. 117 УПК РФ законодателем не определены границы допустимости применения денежного взыскания к тем или иным участникам уголовного процесса. Такая граница прослеживается только с учетом положений ст. 111 УПК РФ, но вследствие примененной законодателем юридической конструкции института иных мер уголовно-процессуального принуждения, в правоприменительной практике допускается применение денежного взыскания в отношении подвергнутых уголовному преследованию участников процесса, допустимость чего не следует из ч. 1 ст. 111 УПК РФ. Это аргументировано Президиумом Верховного суда Российской Федерации, признавшим недопустимость применения положения ст. 117 УПК

РФ без учета положений ч. 1 ст. 111 УПК РФ и в результате отменившим *решения Архангельского областного суда от 5 октября 2007 года, которым на подсудимого наложено денежное взыскание в связи с его неявкой для участия в производстве судебной экспертизы, назначенной на стадии судебного разбирательства по делу, и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2008 года, оставившей решение Архангельского областного суда без изменения*¹.

С учетом изложенного, представляется необходимым внесение изменений в положения главы 14 УПК РФ, направленных на включение в состав упомянутых участников уголовного процесса подсудимого, а равно на устранение противоречий в регламентации включенных в указанную главу норм, порождающих расширительное толкование ряда из них или наоборот буквальное толкование предусматривающей ту или иную меру принуждения нормы без учета положений ст. 111 УПК РФ, являющейся общей по отношению к ст.ст. 112-118 УПК РФ.

1.3. Теория и практика избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: поиск баланса частных и публичных интересов продолжается

Принятие и последующее вступление в силу УПК РФ принесло ряд нововведений в российский уголовный процесс, в т.ч. правовом регулировании мер пресечения, в частности заключения под стражу. Среди таковых в первую очередь следует отметить судебный порядок ее избрания. В результате на первых этапах действия УПК РФ число лиц, заключенных под стражу, значительно сократилось. Так, если в первой половине 2002 г. количество обвиняемые (подозреваемые), заключенных под стражу, составило 142,7 тыс., то с июля по декабрь 2002 г. – 82,3 тыс. (-42,3%)².

¹ Статьи 111 и 117 УПК РФ не предусматривают возможность наложения на подсудимого денежного взыскания как меры процессуального принуждения: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2008 года № 308-П08 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, май 2009 г. № 5.

² Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 3.

Законодательство и правоприменительная практика, касающиеся мер пресечения продолжили совершенствоваться. За период действия УПК РФ глава 13 изменялась Федеральными законами более 30 раз. Превалирующее большинство нововведений указанной главы непосредственно или опосредованно касались самой строгой меры пресечения. Так, в 2009 г. ограничены случаи избрания заключения под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении отдельных преступлений; в 2010 г. предоставлена возможность ее изменения на более мягкую меру пресечения при выявлении у обвиняемого тяжелого заболевания; в 2011 г. определены обстоятельства, препятствующие ее применению; в 2012 г. увеличены сроки санкции за преступление, в котором обвиняется лицо, как условие, позволяющее ее применению; в 2018 г. усовершенствован порядок исчисления и продления сроков ее применения на досудебной стадии уголовного судопроизводства; в 2018 г. введена альтернативная ей мера пресечения – запрет определенных действий¹; в 2019 и 2022 гг. уточнены возможности ее избрания в отсутствие обвиняемого; в 2021 г. увеличены случаи, ограничивающие продление ее срока применения; в 2023 г. определены дополнительные обстоятельства для возможности продления срока ее применения, уточнены ограничения для случаев ее избрания и применения (продления) в отношении лиц, обвиняемых в совершении отдельных преступлений.

Предпринятые меры привели к дальнейшему уменьшению общего числа случаев заключения лиц под стражу в 2,1 раза (2009 г. – 187 тыс., 2022 г. – 87 тыс.). Аналогичный вектор прослеживается и в числе ходатайств об избрании данной меры пресечения, поступивших в суды для рассмотрения в ходе досудебного производства, уменьшившихся в 2,1 раза (2009 г. – 208 тыс., 2022 г. – 98 тыс.)².

Направленность соответствующих изменений закона на приоритетность защиты личности, ее прав, свобод и личную неприкосновенность позволила не только уменьшить общее число заключаемых под стражу лиц, но и наметила тенденцию, как ранее заявил председатель

¹ Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учебное пособие / А.Б. Судницын, Д.А. Воронов. Красноярск, 2020. С. 6–7.

² Сводные статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: cdep.ru (дата обращения: 01.10.2024).

Верховного Суда Российской Федерации В. Лебедев, по гуманизации судебной практики в целом¹.

Подтверждают обозначенную тенденцию и состоявшиеся изменения УПК РФ, и имеющиеся законопроекты, касающиеся рассматриваемой меры пресечения. К примеру, законопроект, внесенный Верховным Судом Российской Федерации, предусматривающий изменения УПК РФ, направленные на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к обвиняемым (подозреваемым) в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями².

Приведенные обстоятельства свидетельствуют, что правам личности на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве и следственно-судебной практике стало уделяться еще больше внимания.

Однако, стремление обеспечить частные интересы (даже такие важнейшие как права и свободы личности) не может быть противопоставляемо потребностям реализации публичных интересов, обеспечении эффективного осуществления уголовного судопроизводства.

Утверждать о том, что имеющаяся законодательная регламентация и общераспространенная практика во всех случаях обеспечивают надлежащее поведение обвиняемых, к сожалению, не приходится.

Данный вывод подтверждается как общим числом лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск (за последние 10 лет по 100 тысяч в год, усреднено)³, а также распространенными примерами ненадлежащего поведения обвиняемых. Так,

¹ Верховный Суд видит тенденцию к гуманизации судебной практики в России // Первый российский юридический Портал. 2011. URL: http://pravo.ru/news/view/62686/?utm_source=twitter&utm_medium=cpc&utm_campaign=twitter_share (дата обращения: 15.09.2024).

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями : законопроект № 381316-8 / Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Информация о розыске лиц, скрывшихся от дознания, суда уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших, а также об

обвиняемый в мошенничестве, совершенном организованной группой в особо крупном размере, и в легализации денежных средств, приобретенных в результате совершения преступления (ст. 159, ст. 174.1 УК РФ), после задержания и отказа суда в удовлетворении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу скрылся от следствия, был объявлен в федеральный розыск¹. Другой пример. Обвиняемый в получении взятки, злоупотреблении должностными полномочиями и растрате, ущерб от совершения которых составил около 35 миллионов рублей, был задержан, ему избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. После почти годового нахождения в следственном изоляторе и замены меры пресечения на подписку о невыезде и надлежащем поведении, обвиняемый скрылся, был объявлен в розыск. Впоследствии местонахождение указанного лица было установлено: он выехал за пределы Российской Федерации и находился на территории США².

Для подтверждения продолжающегося поиска баланса частных и публичных интересов в ходе правоприменения, касающегося избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, обратимся к статистике.

Отметим, что с 2021 г. наметилась (хотя и незначительная, но) тенденция (в сравнении с ранее наблюдаемым постоянным убыванием до 2020 г., включительно) к увеличению числа ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, поступающих в суды для рассмотрения в ходе досудебного производства: 2015 г. – 154 тыс., 2016 г. – 135 тыс., 2017 г. – 126 тыс., 2018 г. – 114 тыс., 2019 г. –

установлении личности граждан и неопознанных трупов / Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // URL: https://mvd.ru/opendata/7727739372-MVD_GIAC_3.11 (дата обращения: 01.04.2024).

¹ Бывшего мэра подмосковной Истры А.Вихарева объявили в федеральный розыск, он скрылся от следствия после задержания / ТАСС, информационное агентство / 09.11.2019 г. // URL: https://tass.ru/proisshestviya/7096108?utm_source=meduza.io&utm_medium=referral&utm_campaign=meduza.io&utm_referrer=meduza.io (дата обращения: 01.10.2024).

² Челябинский депутат сбежал от Следственного комитета в США // Рамблер / 16 мая 2019 г. / <https://news.rambler.ru/other/42187096-chelyabinskiy-deputat-sbezhall-ot-sledstvennogo-komiteta-v-ssha/?updated> (дата обращения: 01.09.2024).

105 тыс., 2020 г. – 96 тыс., 2021 г. – 99 тыс., 2022 г. – 98 тыс.¹ Приведенные численные значения не выглядят столь существенными, однако они могут указывать на наметившиеся изменения в практике избрания самой строгой меры пресечения.

Понимание потребности обеспечения публичных интересов при осуществлении уголовного судопроизводства может быть продемонстрировано и изменениями ст. 100 УПК РФ, установившими возможность предъявлять обвинение при совершении любого тяжкого или особо тяжкого преступления в условиях военного положения в срок до 45 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, – в тот же срок с момента задержания (ч. 2 ст. 100 УПК РФ)².

Однако вышеуказанное изменение закона «точечное» и не охватывает все возможные ситуации, встречающиеся в действительности. Как и в целом уголовно-процессуальное законодательство, а также правоприменительная практика требующие дальнейшего усовершенствования.

Так, недостаточность фактических данных, подтверждающих наличие основания, предусмотренного ч. 1 ст. 97 УПК РФ, что характерно для множества следственных ситуаций по тяжким и особо тяжким составам преступлений на первоначальном этапе производства по уголовному делу, как правило, не позволяет, а порой и препятствует избранию меры пресечения в виде заключения под стражу.

В связи с этим предлагалось индивидуализировать избрание самой строгой меры пресечения в зависимости от содеянного и его последствий, а также грозящего наказания и осознания указанных обстоятельств лицом, совершившим преступное деяние. А именно, использовать сведения о тяжести обвинения и возможности назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок в качестве единственных и достаточных фактических данных, подтверждающих наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначаль-

¹ Сводные статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: cdep.ru (дата обращения: 01.08.2024).

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2023 № 396-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

ном этапе производства по уголовному делу. Состоятельность предложения подтверждалось объективными потребностями, доктринальным и системным толкованием уголовно-процессуального законодательства, судебной-следственной практикой, в т.ч. Европейского суда по правам человека, Верховного Суда Российской Федерации, судами общей юрисдикции Российской Федерации¹.

Реализация указанного предложения путем изменений закона позволила бы не только усовершенствовать уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительную практику до качественного уровня, обеспечивающего соразмерную и справедливую ответную реакцию на преступные деяния, в т.ч. отличающиеся уникальностью обстоятельств. Но и обеспечить повышение эффективности досудебного производства путем предоставления правоприменителям возможности избрания рассматриваемой меры пресечения в условиях дефицита фактических данных на начальном этапе производства по уголовному делу. Как результат – это могло бы поспособствовать уменьшению количества лиц, скрывающихся от предварительного расследования.

Пока подобных изменений закона нет, реализация указанной возможности осуществляется посредством правоприменительной практики, основывающейся на разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации.

Так, в пп. 5, 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации констатируется, что наличие основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) на первоначальных этапах производства по уголовному делу может быть подтверждено собственно тяжестью предъявленного обвинения и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на

¹ Судницын А.Б. Тяжесть обвинения (подозрения) и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок как фактические данные, подтверждающие основание избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования // Законодательство и практика. 2018. № 1 (40). С. 46–50 и др.

длительный срок¹. Состоятельность обозначенного подхода подтверждена и Президиумом Верховного Суда Российской Федерации².

Отслеживая правоприменительную практику, можно отметить, что реализация указанного предложения находит свое отражение в постановлениях о возбуждении перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, постановлениях об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, апелляционных и кассационных постановлениях. Но, если ранее это были единичные и уникальные случаи (например, заключение под стражу обвиняемых по уголовному делу по факту пожара в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня», г. Кемерово, унесшего жизни 60 человек, из них 37 детей), то с некоторых пор реализация указанной возможности получает все большее распространение, причем в «рядовых» ситуациях.

Так, Верховный суд Республики Карелия, рассматривая в апелляционном порядке жалобу на постановление Петрозаводского городского суда Республики Карелия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Н.С., оставил постановление без изменения, а жалобу – без удовлетворения. Суд апелляционной инстанции, согласившись с решением городского суда, привел сведения, подтверждающие наличие общих условий, оснований для избрания меры пресечения, обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, а также специальных условий избрания заключения под стражу. При этом суд апелляционной инстанции в своем решении сослался на разъяснение, содержащееся в п. 5, 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому на первоначальных этапах производства по уголовному делу тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения по приговору наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут подтвердить наличие основания, что обвиняемый может скрыться от

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // СПС КонсультантПлюс.

² Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г.) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2017. № 9.

следствия и суда. Следует упомянуть, что Н.С. положительно характеризовался: «имеет постоянное место жительства в (...); женат, имеет несовершеннолетнего ребенка, в воспитании и содержании которого принимает участие, на момент задержания был трудоустроен по гражданско-правовому договору в АО «(...)», имеет ряд рабочих специальностей, в силу чего способен обеспечить содержание семьи, не продолжая при этом заниматься преступной деятельностью». Таким образом, фактическими данными, подтверждающими наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, являлось обвинение лица в совершении тяжкого преступления и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок¹.

Отметим, что сравнительно недавно случаи подобные вышеприведенному (избрание меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальных этапах по п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, подтверждаемому тяжестью предъявленного обвинения и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок) стали более распространенными. Так, поисковый запрос в справочной правовой системе, содержащий формулировку «тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок» за 2014 г. выдал 65 совпадения по судам общей юрисдикции, 2015 г. – 68, 2016 г. – 142, 2017 г. – 153, 2018 г. – 161, 2019 г. – 344, 2020 г. – 837. Безусловно, подобного рода количественные данные, содержащиеся в одной из справочно-правовых систем, не претендуют на исчерпывающе-объективные. Однако общую тенденцию они демонстрируют.

При этом следует отметить, что лица, в отношении которых принимается такое решение об избрании меры пресечения, обвиняются

¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Карелия от 02.11.2020 по делу № 22К-1535/2020 // СПС Консультант Плюс.

(подозреваются) в совершении «типичных» и широко распространенных преступлений (ч. 2 ст. 162 УК РФ¹, ч. 3 ст. 158 УК РФ², ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ³, ч. 2 ст. 228 УК РФ⁴ и др.).

С одной стороны, складывающаяся практика подтверждает состоятельность ранее обозначенной логики рассуждений. С другой, заключение под стражу не должно являться самоцелью. Действительно, необходим результативный способ обеспечения надлежащего поведения обвиняемого. И для отдельных исключительных ситуаций заключение под стражу на первоначальном этапе расследования по п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, подтверждаемому тяжестью обвинения, вменяемого в вину лицу, и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, возможно. Но при этом ограничение права на свободу лиц, обвиняемых в совершении преступлений, посредством заключения под стражу не должно быть возведено в абсолют.

Применительно к изложенному выше прослеживается некоторая схожесть с ранее существовавшим положением в уголовно-процессуальном законе, позволявшем избрать заключение под стражу по мотиву опасности преступления. Может ли выше обозначенная наметившаяся практика являться продолжением имевшегося исторического опыта? Для ответа на поставленный вопрос обратимся к нормам предыдущего уголовно-процессуального закона.

УПК РСФСР позволял избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР, по мотивам одной

¹ Апелляционное постановление Саратовского областного суда № 22К-2931/2018 от 3 августа 2018 г. / Судебные и нормативные акты РФ // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6rOecJEPyXVw> (дата обращения: 01.10.2024).

² Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым № 22К-2478/2020 3/1-50/2020 от 26 августа 2020 г. / Судебные и нормативные акты РФ // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YPcSpxbUVQYx> (дата обращения: 01.10.2024).

³ Апелляционное постановление Орловского областного суда № 22К-299/2022 от 28 февраля 2022 г. / «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: https://oblsud--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=ffa72553-c25c-4fa8-90e3-c11013992646&deloId=1540006&_caseType=&_new=4&srv_num=1&_hideJudge=1 (дата обращения: 01.10.2024).

⁴ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 05.07.2021 по делу № 22-1361/2021 // СПС Консультант Плюс.

лишь опасности преступления. Правоприменители активно использовали предоставленную возможность.

Так, в архивном уголовном деле 1967 г. обнаружено постановление о заключении под стражу лица, обвиняемого в совершении изнасилования. Описательно-мотивировочная часть постановления содержала краткое описание обстоятельств совершения преступления и обоснование необходимости избрания меры пресечения, которое было представлено фразой «принимая во внимание тяжесть совершенного им преступления». Заключение под стражу было санкционировано прокурором.

Указанный случай не является (даже с учетом наличия ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР) вариантом надлежащего обоснования решения об избрании меры пресечения. При этом следует отметить, что приведенный пример не был единичным эпизодом. По данным, приведенным О.И. Цоколовой, основанных на изучении уголовных дел, до 65 % фактов заключения под стражу применялось исключительно по мотиву опасности преступления¹.

Безусловно, в текущих условиях подобное обоснование для избрания самой строгой меры пресечения невозможно себе представить. Но не только в этом прослеживаются отличия между опасностью преступления (ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР) и тяжестью предъявленного обвинения, с возможным назначением наказания в виде лишения свободы на длительный срок (п. 5, 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации²) при подтверждении основания для заключения под стражу.

В-первую очередь, следует отметить, что сама по себе тяжесть преступления, фигурировавшая в приведенном 1967 г. примере, в настоящий момент является обстоятельством, учитываемым при избрании и применении меры пресечения (ст. 99 УПК РФ), а не основанием.

Ключевое же отличие состоит в том, что в предложенной ранее логике теоретической конструкции, а также разъяснениях Верховного

¹ Цоколова О.И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2005. № 5. С. 18–26.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС Консультант Плюс.

Суда Российской Федерации тяжесть обвинения и длительность грозящего наказания являются не основанием, а фактическими обстоятельствами, используемыми для подтверждения основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Причем такая возможность существует только на первоначальном этапе производства по делу.

Конечно же предложенный подход не исключает необходимость при решении вопроса об избрании меры пресечения подтвердить наличие:

- общих условий избрания мер пресечения (законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, принятие следователем уголовного дела к своему производству, обоснованность обвинения (подозрения), обусловленного достаточностью данных о причастности лица к совершенному преступлению, выразившееся, в т.ч. в процессуальном акте, повлекшем возникновение соответствующего процессуального статуса),

- специальных условий избрания конкретной меры пресечения (санкция за преступление, в котором обвиняется (подозревается) лицо, предусматривающая наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет; невозможность избрания другой, более мягкой, меры пресечения и другие),

- учесть обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ (личность обвиняемого (подозреваемого), характер и степень общественной опасности содеянного, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие)¹.

Кроме того, следует отметить, обязательность заключения под стражу при производстве по уголовным делам исключена. О подобном не может идти и речи. Соответственно, использование вышеуказанной возможности должно быть исключением из правил, вынужденной мерой, применяемой в ситуациях, отличающихся уникальностью обстоятельств.

Стремясь к достижению цели по соблюдению баланса интересов, предлагалось предусмотреть некий «противовес», частично ограничивающий обозначенную возможность. А именно, заключение под стражу при вышеуказанном варианте обоснования допускается изби-

¹ Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учебное пособие / А.Б. Судницын, Д.А. Воронов. Красноярск, 2020. С. 48.

рать, но при этом продолжительность ее применения не может превышать более двух месяцев. По истечении указанного срока дальнейшее содержание под стражей, с использованием тех же самых сведений, недопустимо. При необходимости продления срока содержания под стражей свыше 2 месяцев следователь должен изыскать дополнительные сведения, подтверждающие наличие оснований применения меры пресечения (п.п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ), а также обосновать необходимость продления срока содержания под стражей. В противном случае мера пресечения должна быть безусловно отменена (заменена на менее строгую)¹. Указанное предложение основывалось на системном толковании уголовно-процессуального законодательства, а также учитывало складывающуюся следственно-судебную практику, впоследствии поддержанную и Конституционным Судом Российской Федерации².

Указанные обстоятельства подтверждают, что в среде законодотворцев, правоприменителей и теоретиков имеется осознание необходимости эффективного производства по уголовному делу и обеспечения надлежащего поведения обвиняемого, с одной стороны, и его частных интересов, с другой. В связи с чем уголовно-процессуальное законодательство, следственно-судебная практика, а также доктрина продолжают поиск оптимального соотношения баланса частных и публичных интересов при применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Представляется необходимой дальнейшая проработка с позиций определения оптимального соотношения частных и публичных интересов, выработки и реализации мер по обеспечению надлежащего поведения обвиняемых, а также реализации их прав, в т.ч. с учетом имеющегося отечественного уголовно-процессуального опыта.

¹ Судницын А.Б. Обеспечение надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого) путем избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXV международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Красноярск, 2022. С. 128.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юрина Сергея Павловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 10 и частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1422-О // СПС Консультант Плюс.

1.4. Прокурорский надзор и процессуальное управление в досудебных стадиях уголовного процесса: становление, развитие, современное состояние

Прежде всего обратим внимание на не совсем привычное, возможно новое для науки уголовного судопроизводства, понятие уголовно-процессуального управления. В её рамках оно не получило широкого распространения, но все же нам удалось обнаружить его упоминание в трудах российских процессуалистов. Так, в исследовании В.В. Нечаева, прошедшем защиту в диссертационном совете при Академии права и управления Минюста России в июне 2005 года, оно рассматривается в качестве одного из видов (особого вида) социального управления в правоохранительных органах, позволяющего поддерживать систему органов предварительного расследования в заданных параметрах. По его мнению именно оно обеспечивает согласованное взаимодействие данных органов в целях быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона. Наряду с этим им обосновывается практическое значение выделения рассматриваемой правовой категории¹.

Значительно позже поднимается вопрос о необходимости экстраполяции функций управления в уголовно-процессуальную деятельность субъектов правоприменения. В этой связи предпринимается попытка раскрытия методологии уголовно-процессуального управления как базовой модели научного познания деятельности последних сквозь призму компетентного, профессионального подхода².

Полагаем, что зарождение и развитие уголовного процесса непосредственным образом связано с эволюцией государственного управления, непременно сопровождаемой его усложнением. Неизбежно наступает момент, когда объективно требуется обособление деятельности, предназначенной для реализации уголовно-правых запретов и восстановления нарушенной в результате совершения преступления

¹ Нечаев В.В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания: Автореф... дисс. канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 9-10.

² Нечаев В.В., Гришко Л.Е. Уголовно-процессуальное управление как особый вид социального управления в системе правоприменительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 172-173.

справедливости¹. Со временем такая деятельность приобретает процессуальную форму, предусматривающую множество формальных требований, призванных обеспечить должное осуществление уголовного преследования и разрешения уголовных дел, соответствие всего этого нормативно установленным целям, задачам и принципам. Среди таких требований важнейшее значение приобретают разного рода процессуальные гарантии, в сложной системе которых наряду с другими компонентами функционирует единый механизм руководства, контроля и надзора, обеспечивающий законность, эффективность и результативность уголовного судопроизводства.

В России окончательное обособление уголовного процесса как подсистемы государственного управления, особой сферы правовых отношений, происходит лишь в ходе реформ второй половины XIX века. Но это совсем не означает того, что ранее не предпринималось мер, направленных на совершенствование деятельности чиновников, ведущих уголовное производство. Анализ исторических источников позволяет констатировать тот факт, что неоднократно пересматривались правовые средства и способы целенаправленного воздействия на расследующих преступные деяния лиц со стороны руководителей различных полицейских структур и надзирающего прокурора.

Впервые же разделение уголовного процесса на досудебное и судебное производство происходит в 1713 году с образованием в России первого специализированного следственного органа – следственной канцелярии. Петр I лично контролирует её работу, выступая по отношению к ней в роли процессуального руководителя. Так, в адрес главы канцелярии гвардии-майора князя Михаила Волконского им было направлено шесть указаний, касающихся расследования «архангелогородского дела»². В составе образованной в январе 1722 года генерал-прокуратуры также образуется следственная канцелярия, олицетворяющая первое в отечественной истории «прокурорское» следствие. Административное и процессуальное управление её деятельностью Император делегировал возглавляющему систему прокуратуры генерал-прокурору П.И. Ягужинскому. Соответственно, прокурорский надзор за ней осуществлять было некому.

¹ Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник / под ред. проф. Э.К. Кутуева. М.: Берлин, Астерион, 2020. С. 33-34.

² Серов Д. О., Фёдоров А. В. Петр I как следователь // Российский следователь. 2016. № 3. С. 50–56.

С именным указом Александра II 1860 года следственная часть отделяется от полиции. В уголовно-процессуальной сфере реализуется принцип разделения властей – в аппарате государственного управления Российской Империи судебная власть становится обособленной и независимой. Её представляют не только судьи, но и судебные следователи, на которых закон возлагает ведение досудебного производства по уголовным делам. Само оно осуществляется в два этапа, но подразделяется уже не на следствие предварительное и формальное, как это было ранее, а на дознание и следствие. При этом дознание предшествует расследованию преступлений и состоит в предварительной проверке силами полиции поступающей в её адрес информации о преступлениях.

Этимологически «до знания» в те годы понималось как «до следствия». Расследование же преступлений (следствие) считалось судебной функцией и предполагало производство всех возможных следственных действий и формирование обвинения. Проверка же сообщений о преступлениях состояла в проведении, если ориентироваться на современную терминологию, в основном оперативно-розыскных мероприятий. Однако в условиях, не терпящих отлагательств, чины полиции могли проводить и некоторые неотложные следственные действия. Конечно же данная работа велась ими под руководством и контролем со стороны полицейского начальства. Устав уголовного судопроизводства 1864 года предусматривал широкие полномочия прокурора по надзору за полицией, которая, в свою очередь, должна была всячески содействовать осуществлению его полномочий в уголовном процессе.

После передачи собранных полицией материалов судебному следователю для производства расследования, которое велось под контролем суда и надзором прокурора, наступал второй этап досудебного производства. Тем самым, как представляется, и было положено начало его делению на две стадии, нашедшему своё развитие в работах советского процессуалиста М.С. Строговича, а впоследствии – прочно вошедшему в отечественное уголовно-процессуальное законодательство.

Обращает на себя внимание тот факт, что судебные следователи работали в соответствующих участках, но как таковых, административных начальников над собой не имели. Организация и контроль за ними осуществлялись со стороны судов, при которых они состояли, и выше-

стоящей судебной инстанции, а также со стороны Министерства юстиции, которое возглавлял министр, являвшийся одновременно и генерал-прокурором Российской Империи. Однако процессуальное управление, в буквальном его понимании, в отношении судебных следователей осуществлять было некому. Зависимость следователя от прокурора, на которого возлагался надзор за законностью, была не меньшей, чем от суда¹. На наш взгляд, такая модель весьма интересна с точки зрения включения процессуальных механизмов, обеспечивающих законное и эффективное досудебное производство по уголовным делам. Кроме того, значительная её ценность состоит в возможности учреждения не иллюзорной, реальной, процессуальной самостоятельности ведущих расследование должностных лиц.

Нельзя не упомянуть о том, что с началом контрреформ следствие по политическим уголовным делам со временем заменяет жандармское дознание, которое с 1904 года становится самостоятельной формой расследования. По своему доказательственному значению собранные жандармом-дознавателем материалы приравниваются к материалам следствия. Тем самым грубо искажается принцип, согласно которому функция следственной деятельности является исключительной прерогативой судебной власти. Вполне очевидно, что тогда была принята крайняя мера, исходящая из обстановки в стране, требующей скорейшую активизацию всевозможных карательных механизмов.

Однако при всём этом предпринимается попытка поставить деятельность жандармов по производству дознаний под усиленный надзор прокурора, которому вменялось в обязанность присутствовать при проведении ими следственных действий. Да и в целом он должен был осуществлять повседневное процессуальное руководство в ходе проводимых ими расследований. Такой подход представляет собой нечто иное как попытку введения процессуального управления со стороны надзорной власти, тогда как административное управление должно было по-прежнему осуществляться жандармским начальством.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что задолго до этого, ещё в 1885 году, генерал-прокурором Н.В. Муравьёвым в адрес Императора была направлена записка, в которой обстоятельно и жёстко подвергалась критике работа жандармов по производству дознаний. В ней

¹ Российское законодательство X–XX веков. М.: Юрид. лит., 1984. Том 8. С. 293.

указывалось на отсутствие должного управленческого на неё воздействия со стороны как непосредственного жандармского начальства, так и руководства со стороны Департамента полиции¹.

В начальный советский период наряду с судебным контролем существовал довольно «разношёрстный» контрольно-надзорный механизм в системе уголовного преследования. Что же касается прокуратуры, то сразу после Октябрьской революции она была упразднена и в течение следующих пяти лет её функции выполнялись различными ведомственными структурами. Под признаки субъекта надведомственного контроля в обозначенный период подпадал, прежде всего, Всероссийский Чрезвычайный Комитет (ВЧК). Модель же досудебного уголовного судопроизводства всё ещё сохраняла некоторую преемственность по отношению к той модели, что сформировалась в дореволюционной России.

Следственный аппарат состоял при судах, но вскоре он формируется и при революционных трибуналах, а затем – при Народном комиссариате юстиции, являвшемся, по сути, одним из подразделений прокурорской системы. Однако уголовно-процессуальное законодательство 1922-1923 годов не предусматривает руководителей тех или иных органов уголовного преследования субъектами, наделёнными какими-либо процессуальными функциями. Все процессуальные полномочия, которыми можно было бы воздействовать на ведение следователями и дознавателями досудебного производства по уголовным делам, принадлежали прокурору и суду.

На фоне наметившихся тенденций расширения правосубъектности прокурора в уголовном судопроизводстве в составе органов прокуратуры создаётся следственный аппарат. Вновь повторилась ситуация, аналогичная которой произошла немногим более двух веков назад, когда в генерал-прокуратуре была образована следственная канцелярия. В таких условиях за прокурорскими следователями осуществлялся уже не прокурорский надзор, который должен быть внешним, надведомственным, а контроль как функция управления, обеспеченная совокупностью административных и процессуальных средств. В отношении же других органов уголовного преследования сохра-

¹ Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская Империя: уголовно-правовая политика и борьба с преступностью // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 9. С. 8.

нялся надзор, но в его рамках происходила реализация средств процессуального руководства, правовая природа которых состоит в оказании преимущественно управленческого воздействия на поднадзорный объект нежели корректирующего воздействия из соображений обеспечения законности.

В уголовном судопроизводстве советского периода прокурор играл ключевую роль, обладая широчайшими процессуальными полномочиями. С появлением в 60-х годах XX столетия такого нового участника процесса как начальник следственного отдела устанавливается промежуточный уровень процессуального управления, необходимость в котором назрела благодаря развитию сети следственных подразделений в системе органов внутренних дел. Начальник следственного отдела наделялся лишь некоторыми, в основном процессуально-организационными полномочиями, тогда как основные правовые средства процессуального управления, именуемые по привычке надзорными, оставались «в руках» прокурора.

Таким образом, в указанный период сложилось две основных формы процессуальной деятельности прокурора. Первая из них функционировала в системе органов прокуратуры как механизм процессуального управления, вторая соединяла в себе средства прокурорского надзора и средства процессуального руководства, частично делегированные административным руководителям – начальникам следственных отделов. В органах же дознания, на которые, кстати, приходилась немалая нагрузка – до 40% направляемых в суд органами расследования уголовных дел¹, подобного делегирования закон не допускал.

С принятием на всенародном голосовании Конституции России в декабре 1993 года наметилась перспектива развития сферы судебного контроля за процессуальной деятельностью органов уголовного преследования с одновременным исключением прокурорского санкционирования в досудебном производстве. Они находят свою реализацию в 2002 году, когда вводится в действие новый уголовно-процессуальный закон. Однако наиболее масштабные в интересующем нас контексте изменения происходят в ходе реформирования 2007 года, в рамках которого происходит образование принципиально новой правовой модели прокурорского надзора за следствием в условиях реализации

¹ Стефанова Е.Ю. Начальник органа дознания в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 151.

концепции приоритета процессуального управления руководителя следственного органа. Но уже в первые годы апробации привнесённых в практику досудебного производства нововведений возник широкий спектр проблем как теоретического, так и практического характера, ряд из которых остаются актуальным и сейчас.

Первое наиболее значимое новшество состояло в том, что на смену идее руководящей роли прокурора в досудебном производстве пришла идея обеспечения процессуальной самостоятельности следователя¹. Как уже отмечалось, формируется новая модель прокурорского надзора за следствием, довольно близкая по своим базисным параметрам к классическому механизму прокурорско-надзорной деятельности, для которого характерно применение метода протестации в случаях выявления прокурором нарушений законности поднадзорным объектом. При этом последний наделяется минимумом полномочий властно-распорядительного характера, что позволяет ему оказывать весьма ограниченное влияние на процессуальную деятельность следователя. Их применение оказывается возможным лишь в ключевых моментах, связанных с распоряжением уголовным преследованием. В итоге у прокурора, несмотря на исключительность его власти в суде как государственного обвинителя, в досудебном производстве почти не остаётся реальных возможностей оказывать влияние на формирование обвинения в процессе производства следствия по уголовному делу.

Напротив, такой новый участник уголовного процесса как руководитель следственного органа наряду с административными полномочиями, принадлежащими ему как возглавляющему соответствующее следственное подразделение начальнику, получает широчайший круг прав по осуществлению процессуального управления деятельностью подчиненных следователей. Мягко говоря, это не лучшим образом сказывается на обеспечении процессуальной самостоятельности следователя, влечёт за собой дублирование прокурорских полномочий, нивелирует значение прокурорского надзора в досудебном производстве, а также ряд других серьёзных проблем.

¹ Левченко О.В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: дис... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2023. С. 7–8.

С введением такого участника процесса как начальник подразделения дознания (2007 год) и расширением полномочий начальника органа дознания (2015 год) повышается актуальность вопроса о сохранении у прокурора расширенных полномочий по надзору за дознанием, и, прежде всего, необходимости применения здесь метода процессуального руководства. В своей совокупности его полномочия сходны тем, которыми обладает руководитель следственного органа как субъект процессуального управления следственной деятельностью. Однако ввиду особого государственно-правового положения органов прокуратуры они образуют надведомственный уровень, стоящий над процессуальным управлением начальников органов и подразделений дознания, обладающих ограниченным кругом прав по руководству и контролю за процессуальной деятельностью дознавателей.

Следственный комитет России, как и прокуратура, не относится ни к одной из трёх ветвей государственной власти, тогда как остальные следственные подразделения, а также подразделения дознания, входят в состав тех или иных федеральных органов государственной власти. Данная схема «проецируется» на систему уголовно-процессуальных отношений и автоматически оказывает влияние как на их характер, так и на их содержание. Все органы следствия и дознания для прокурора выступают в качестве поднадзорных объектов и поэтому правоотношения с его участием характеризуются властным характером, возникают одновременно с основным досудебным производством (проверка сообщений о преступлениях и предварительное расследование) и прекращаются с его окончанием.

Вместе с тем, выступая в качестве специально-отраслевого направления, прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования должен соответствовать особенностям поднадзорной сферы, а не подстраиваться под рамки классической модели прокурорско-надзорной деятельности. Он должен быть обеспечен специфическими правовыми средствами, позволяющими наилучшим образом обеспечивать как защиту прав лиц, вовлекаемых в досудебное производство, так и законность функционирования осуществляющих его субъектов – следователей, дознавателей, их руководителей. В их число могут включаться, во-первых, меры властно-распорядительного характера, такие, как например, отмена процессуальных решений. Во-вторых, они могут дополняться полномочиями, позволяющими осуществлять процессуальное руководство,

а значит – процессуальное управление. Их состав, характер и соотношение с полномочиями руководителей органов и подразделений предварительного расследования выступают определяющими факторами, позволяющими выяснить к какому типу относится сложившаяся в том или ином государстве модель досудебного производства.

Как было показано выше, в отечественном уголовном процессе существовали различные модели досудебного производства. Прежде всего, обращает на себя внимание прокурорская модель, которая сложилась в советскую эпоху и до сих пор функционирует с теми иными корректировками в большинстве постсоветских государств. В современной же России функционирует сразу две модели процессуального надзора – инновационная и консервативная. Первая из них, действующая с 2007 года, предусматривает существенные ограничения средств прокурорского надзора в пользу средств процессуального управления, находящихся свою реализацию в следственных органах. Вторая из них, напротив, не только сохранила властно-распорядительные полномочия прокурора по отношению к органам дознания, но и возможность осуществления с его стороны процессуального руководства их деятельностью.

По нашему мнению, наличие в правосубъектности прокурора средств процессуального управления не входит в противоречие с фундаментальной теорией прокурорской деятельности. В специально-отраслевых её направлениях происходит расширение пределов прокурорского надзора посредством наделения прокурора особыми правовыми средствами, объективно востребованными на практике для надлежащего выполнения возложенных на органы прокуратуры функциональных обязанностей в той или иной сфере, в частности, в сфере уголовного судопроизводства. Такой подход позволяет «закрыть» целый ряд дискуссионных вопросов, связанных с пониманием юридической сущности процессуального управления и прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса, их соотношения. Следует обратить внимание на то, что в своей совокупности они представляют собой единую систему, элементы которой не бездвижны, могут претерпевать те или иные изменения, подвергаться модернизации и т.д.

В УПК РФ не содержится определений таких исследуемых нами категорий, как «прокурорский надзор», «процессуальный контроль» и «процессуальное руководство». Первая из них не раскрывается и в законодательстве о прокуратуре, в котором устанавливается лишь его предметная область, формы и способы реализации. Вторая категория

широко используется в ряде подзаконных нормативно-правовых актов, изданных федеральными органами, наделёнными функцией уголовного преследования¹. Что касается третьей, то в последние годы она находит довольно широкое применение в научной литературе, посвящённой проблемам уголовно-процессуального права. Так, О.В. Химичева пишет, что «Функция процессуального контроля начальника следственного отдела проявляется в процессуальном руководстве уголовно-процессуальной деятельностью подчинённых ему следователей... В деятельности начальника следственного отдела присутствует и собственно контрольный аспект..., что служит необходимым звеном процессуального руководства и ни в коем случае ему не противоречит»². Как видим две последних из трёх рассматриваемых категорий могут рассматриваться в разных аспектах и под разным углом.

Вместе с тем, действующее законодательство именно процессуальный контроль возлагает на руководителя следственного органа, ставшего в 2007 году «правоприемником» начальника следственного отдела. Думается, что данное ему законодателем наименование не обусловлено выполняемой им функцией процессуального руководства, которая ни в УПК РФ, ни в подзаконных актах, даже не упоминается. Однако законом определено, что он возглавляет соответствующее следственное подразделение, также, как и начальники органов и подразделений дознания возглавляют, соответственно, органы дознания либо их территориальные, специализированные подразделения. Все они, безусловно, руководители, и наделяются в связи с этим определённым административным ресурсом, находящимся вне сферы уголовно-процессуального регулирования.

На первый взгляд всё выглядит довольно логично, когда тот или иной субъект руководит, а значит и контролирует, поскольку без контроля какое-либо руководство немыслимо. Но следователь (дознаватель) ведёт основное производство по материалам проверки или уже

¹ См., например: Приказ МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58 «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов» // Российская газета. 29 дек. 2011. № 294; Приказ Следственного комитета РФ от 17 октября 2014 г. № 89 «Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации» // Российская газета. 28 нояб. 2014. № 272.

² Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф... дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 23.

по возбужденному уголовному делу и должен обладать процессуальной самостоятельностью, чтобы совершать необходимые процессуальные действия и принимать необходимые процессуальные решения. За это он несёт ответственность, и, причём, не только процессуальную. Но понятно, что процессуальная деятельность осуществляющих основное производство лиц должна контролироваться, и при наличии на то необходимости – направляться в определённое русло, корректироваться. То есть в целом речь идёт ни о чём ином как о функции процессуального управления, понятием которого охватывается в качестве его форм и (или) правовых средств как процессуальный контроль, так и процессуальное руководство.

Прокурорский же надзор, как это следует из ч. 1 ст. 37 УПК РФ, осуществляется в целом, как за органами следствия, так и за органами дознания. Соответственно, он распространяется как на следователей и дознавателей, так и на субъектов процессуального управления – руководителей следственных органов, начальников органов и подразделений дознания. Однако закон не наделяет прокурора какими-либо специальными полномочиями по надзору за процессуальной деятельностью перечисленных лиц. Другими словами, существует проблема правовой регламентации процессуальной правосубъектности прокурора по надзору за выполнением обязанностей по осуществлению процессуального управления. В этой части, как представляется, требуется нормативное расширение предмета надзора, уточнение его пределов.

Ввиду того, что российский уголовно-процессуальный закон закрепляет лишь назначение, но не задачи уголовного судопроизводства, на практике возникают сложности в определении функциональных обязанностей как тех лиц, которые осуществляют следствие и дознание, так и тех, на кого возлагаются полномочия по осуществлению прокурорского надзора, процессуального контроля и руководства (процессуального управления). Здесь мы вновь сталкиваемся с вопросом об определении предмета и пределов названных видов процессуальной деятельности.

Глава II УПК РФ посвящена принципам уголовного судопроизводства, но ни один из них не устанавливает каких-либо специальных правил, на которые могли бы опираться субъекты процессуального управления и прокурорского надзора. Лишь принцип законности, нашедший своё закрепление в ст. 7 кодекса, предусматривает возможность исключения недопустимых доказательств, а также требования к процессуальным решениям. Однако ни на уровне принципов, ни

даже на уровне общих условий предварительного расследования, закон не закрепляет фундаментальных основ процессуальной деятельности следователей и дознавателей. Уход от принципа объективной истины повлечёт за собой исключение правоустановлений об объективности, всесторонности и полноте проверок сообщений о преступлениях и предварительного расследования. Об этом частично упоминается в ст. 152 УПК РФ, где идёт речь о правилах определения подследственности, а также в ст. 154 УПК РФ, посвящённой выделению уголовных дел в отдельное производство.

Полагаем, что как процессуальное управление, так и прокурорский надзор должны осуществляться по законодательно определённым ориентирам, которые должны найти своё отражение, прежде всего, на наиболее общем уровне, то есть на уровне задач, принципов или, по крайней мере, общих условий предварительного расследования. Не достаточно перечислить полномочия тех лиц, которые выполняют данные функции, необходимо определить на уровне закона конкретные их обязанности. В противном случае на практике неизбежно будут возникать перекосы, порой нежелательная динамика и вариативность применения процессуальных средств воздействия на основное производство как со стороны прокурора, так и со стороны руководителей (начальников) органов предварительного расследования.

Особого внимания требуют полномочия прокурора и руководителя следственного органа. Так, последний вполне оправданно обладает целым рядом организационно-процессуальных полномочий, таких как право поручать производство расследования тому или иному следователю, изымать уголовные дела у одних следователей и передавать их другим, а также создавать следственные группы и определять их состав. Процессуальное руководство с его стороны обеспечивается, прежде всего, правом давать письменные и обязательные для исполнения указания, которые могут касаться как направления расследования, так и производства отдельных следственных действий. Также он может давать указания о привлечении лица в качестве обвиняемого, избрании в его отношении мер пресечения. Обращает на себя внимание тот факт, что через применение данного правового средства руководитель способен оказывать влияние на формируемое следователем обвинение, его объём, квалификацию деяния в целом. Такие указания могут быть обжалованы вышестоящему руководителю следственного органа с представлением возражений на них, но согласно закону исполнение не всех из них может быть приостановлено.

Законодатель вполне оправданно сохранил право прокурора давать следователю указания, но лишь на завершающем этапе расследования и только в одном случае – при возвращении ему уголовного дела. Но следователь может обжаловать такой возврат вышестоящему прокурору, если конечно им будет получено на то согласие своего процессуального руководителя. Не лишним будет заметить, что возвращенное дело последний должен был изучить ранее, когда решал вопрос о его передаче прокурору для дальнейшего направления в суд. При этом он и сам мог вернуть его следователю при необходимости проведения дополнительного расследования.

Так или иначе, но закон предусматривает в составе процессуальной правосубъектности прокурора возможность применения метода процессуального руководства в досудебном производстве, но существенно ограниченную. Это обусловлено тем, что возвращая дело на дополнительное следствие он констатирует, прежде всего, неполноту проведённого расследования, и, соответственно, указывает на необходимость производства тех или иных следственных или процессуальных действий. В ряде случаев он может отметить однобокий, нередко обвинительный уклон, в процессуальной деятельности следователя, проявленную необъективность.

Кроме того, основанием для возвращения дела прокурором может быть также и его несогласие с выдвинутым следователем обвинением, как в части его объёма, так и в части квалификации содеянного. В этом случае имеет место проявление высшей обвинительной власти в уголовном судопроизводстве, акт распоряжения уголовным преследованием. Если же требуется пересоставление обвинительного заключения в связи с его несоответствием установленным законом требованиям, наличием в нём тех или иных недостатков, даваемые прокурором следователю указания скорее отвечают требованиям, предъявляемым к актам прокурорского реагирования, выступая скорее формой реализации функции прокурорского надзора нежели формой реализации функции процессуального управления.

Пределы процессуального руководства руководителя следственного органа устанавливаются, прежде всего, кругом указаний, которые он может давать следователю. В своей совокупности они определяют степень возможного ограничения его процессуальной самостоятельности, которая в целом зависит от свободы осуществления им следствен-

ных и иных процессуальных действий, принятия им процессуальных решений в рамках основного производства по материалам проверок сообщений о преступлениях или по уголовным делам.

Главным правовым средством, обеспечивающим осуществление процессуального контроля выступает право руководителя следственного органа отменять любые процессуальные решения следователя. Знаменательно, что закон предусматривает основание такой отмены – незаконность или необоснованность решения. Однако здесь не во всех случаях происходит дублирование прокурорских полномочий, поскольку прокурорам, призванным обеспечивать законность в досудебном производстве, дозволена отмена лишь четырёх, но наиболее важных, процессуальных решений следователя. Наиболее часто, как свидетельствуют статистические данные за 2022 год, ими отменяются постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (1 419 601) и о приостановлении расследования (387 214)¹.

Не стоит ли задуматься о том, что отмена как данных решений, так и постановлений о возбуждении и прекращении уголовных дел, представляет собой серьёзный юридический факт? Дело в том, что все упомянутые решения связаны с уголовным преследованием, непосредственным распоряжением им. В Императорской России и начальный советский период они отменялись исключительно судом, к которому с соответствующим ходатайством через прокурора должен был обратиться судебный (позже – народный) следователь. В настоящее же время подобный порядок предусмотрен лишь в случаях, предусмотренных ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ, но он предполагает непосредственное обращение руководителя следственного органа в суд, минуя прокурора. Однако, заметим, таким же полномочием обладает и прокурор (п. 8.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Полагаем, что наделение руководителя следственного органа правом участия в проверке сообщений о преступлениях вполне оправданно, особенно если речь идёт о выполнении им функции процессуального руководства в ходе проведения осмотров мест происшествий. Когда-то, более полутора десятков лет назад, данная работа на постоянной основе осуществлялась прокурорскими работниками. Идея

¹ Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>.

о наделении прокурора правом участия в любых следственных действиях находила своё законодательное закрепление ещё в законах конца XVIII – начала XIX века, обоснованная необходимостью наблюдения за их производством с целью недопущения нарушений законности. В советский же период в условиях господства идеи руководящей роли прокурора данное правовое средство переросло в более активный вариант и многие годы практиковалось при осмотрах мест происшествий, сочетаясь с выполнением прокурорами функции координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Представляет некоторый интерес аналогия в полномочиях прокурора и руководителя следственного органа, образующая сходные процессуальные отношения, которые складываются по поводу получения согласия на возбуждение перед судом ходатайств об ограничении конституционных прав личности в досудебном производстве. Первый из них согласует ходатайства дознавателей, второй – следователей. При этом руководитель следственного органа в рамках такого согласования обладает правом лично допрашивать подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений лиц. По понятным причинам прокурор таким правом не обладает. В связи с этим возникает очевидный вопрос о процессуальных средствах проверки материалов, прилагаемых дознавателями к заявляемым ими перед судом ходатайствам. Понятно, что компенсировать их участие прокурора в судебных заседаниях не способно, поскольку его согласие – необходимое условие для того, чтобы такие заседания состоялись, и, соответственно, оно им предшествует.

Аналогия правовых средств наблюдается и в части других полномочий, принадлежащих прокурору и руководителю следственного органа. Прежде всего, это процессуальные средства предупреждения принятия незаконных и необоснованных решений. В то время как прокурор утверждает постановление дознавателя на прекращение уголовного дела (преследования), но лишь прекращаемого по нереабилитирующим основаниям¹, руководитель следственного органа утверждает наряду с ними также и постановление о государственной защите.

¹ П. 35 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 года № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания».

Обозначенную группу продолжают полномочия, связанные с решением отводов и самоотводов следователя или дознавателя, отстранения их в случаях нарушения требований УПК РФ, соответственно, от производства следствия либо дознания. Ключевым моментом здесь выступает тот факт, что реализация упомянутых полномочий непосредственно связана с вопросами законности, а не процессуального управления. Другими словами, это вопросы именно прокурорского надзора. Однако закон предусматривает здесь аналогию, предполагающую распределение полномочий между прокурором и руководителем следственного органа в зависимости от того, о ком идёт речь – следователе или дознавателе. Такого же рода подход имеет место и в части продления процессуальных сроков, которое в следствии состоит в разряде вопросов сугубо процессуального управления, а в дознании – сначала в разряде вопросов процессуального управления, а затем (второе продление) – вопросов прокурорского надзора. С теоретической точки зрения это не выдерживает никакой критики, но очевидны искусственность и недостаточная научная обоснованность затронутых выше процедур.

Наряду с проанализированными полномочиями, где могут иметь место аналогии и дублирования, уголовно-процессуальный закон предусматривает круг чисто надзорных процессуальных средств, направленных на обеспечение законности процессуальной деятельности следователей и дознавателей. Прежде всего, это, конечно же, требование об устранении нарушений федерального законодательства, которое представляет собой универсальный акт прокурорского реагирования, рассчитанный на применение в самых различных случаях нарушения закона. Будучи основанным на применении метода протестации, оно может быть отклонено возражениями следователя при условии получения на то согласия руководителя следственного органа¹.

В качестве особых правовых средств прокурорского надзора могут рассматриваться полномочия, направленные на разрешение вопросов, связанных с соблюдением подследственности. Исходя из надведомственного положения прокурора по отношению ко всем без исклю-

¹ Подробнее см.: Макаренко М.А. Уголовно-процессуальные правоотношения с участием прокурора: монография. СПб.: СПбУ МВД России, 2019. С. 96–98.

чения органам предварительного расследования именно на него возложено разрешение любых связанных с ней споров. То же самое можно сказать и о его праве изменять форму предварительного расследования в рамках установленных законом правил подследственности. В свою очередь к нему «примыкают» и полномочия, позволяющие изымать уголовное дело у одного органа расследования и передавать его другому. При наличии на то оснований, в частности, – нарушений конституционных прав участников уголовного процесса, оно может быть изъято даже из производства следователя Следственного комитета России¹.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, это исключительная принадлежность прокурору права заключать досудебное соглашение о сотрудничестве. Оно упомянуто в ст. 21 УПК РФ и детализировано в составе его полномочий, регламентированных ч. 2 ст. 37 УПК РФ. В связи с этим не удивительно, что многие его рассматривают в качестве процессуального средства уголовного преследования. Действительно, прокурор обладает правом как заключения, так и изменения и прекращения досудебного соглашения. По окончании следствия именно он составляет представление об особом порядке судебного заседания, которое со всеми материалами выделенного в отдельное производство уголовного дела направляется в суд. Но не стоит ли задаться вопросом о том, способны ли все эти манипуляции кого-либо изобличить в совершении преступления либо лишь создают условия для этого?

Полагаем, что второй вариант в наибольшей степени сообразуется с надзорной природой участия прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве², хотя такой подход поддерживается далеко не всеми специалистами³. Но думается, что в рамках рассматриваемого

¹ п. 1.2 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2021 года № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2021. № 12.

² Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 19.

³ См., например: Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскрытия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. С. 18; Эдилова П.В. Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе: автореф... дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 17.

института прокурором выполняется важнейшая правозащитная деятельность, в рамках которой открывается возможность предупредить нарушение прав подозреваемого (обвиняемого) при заключении с ним досудебного соглашения, исключить давление на него и другие возможные неблагоприятные факторы. Наряду с этим он способен не допустить искажение назначения уголовного судопроизводства в деятельности следователя. Последний же обеспечивает реализацию досудебного соглашения посредством осуществления уголовного преследования, принимая соответствующие процессуальные решения и совершая определённые процессуальные действия в целях изобличения тех или иных лиц в совершении преступления.

Подводя итог изложенному можно прийти к выводу о том, что процессуальное управление и прокурорский надзор, образуя на фоне судебного контроля единую подсистему в рамках досудебного уголовного судопроизводства, представляют собой актуальную сферу научных исследований. Как нами было показано, здесь наблюдается широкий круг довольно ёмких дискуссионных вопросов, как теоретического, так и практического характера, требующих своего переосмысления в условиях отсутствия целостной концепции, позволяющей обеспечить законное, эффективное и результативное функционирование органов предварительного расследования.

1.5. Обвинительный и оправдательный уклон в деятельности следователя и уголовная ответственность за него: единство и дифференциация

Комплексного исследования обвинительного и оправдательного уклона в науке уголовного процесса не было ни до, ни после 1999 года, в котором была представлена кандидатская диссертация по указанной проблематике Д. А. Якуповым¹.

Сегодня тенденция такова, что наиболее полное и всестороннее рассмотрение получил именно «обвинительный уклон» и не только

¹ Якупов Д.А. Проблема обвинительного и оправдательного уклонов в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 228 с.

в контексте деятельности следователя и иных субъектов, но и в уголовном судопроизводстве в целом¹, его же антиподу «оправдательному уклону» посвящено не так много работ, в т.ч. и в деятельности следователя².

Подобное различие в количестве, да и в объёмах исследований в науке обусловлено, прежде всего, тем, что «обвинительный уклон» рассматривается как более насущная и по сути дела неотъемлемая в отличие от «оправдательного уклона» проблема, заложенная в соответ-

¹ См., напр.: Кудрявцев В.Л. «Обвинительный уклон» в деятельности следователя: проблема ли только законодательного урегулирования? // Адвокатская практика. 2008. № 1. С. 14–16; Шумилин С.Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 31; Кудрявцев В.Л. Нормы Конституции РФ как основа преодоления «обвинительного уклона» в деятельности следователя в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Междунар. научно-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 года). В 3-х частях: Теоретические предпосылки. Ч. 1 / редкол.: Багмет А.М., Бычков В.В., Федоров А.В. М.: Институт повышения квалификации СК РФ, 2013. С. 234–240; Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9 (58). С. 149–154; Давыдов В.А., Качалова О.В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 69–78; Тенишев А.П. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном процессе Российской Федерации: соответствие принципам и совершенствование процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 3,4, 10, 16,18; Овсянников И.В. К вопросу о роли следователя в российском уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практ. конф., Рязань, 16 декабря 2022 года. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2023. С. 151–155.

² См., напр.: Дознание и предварительное следствие // Советский уголовный процесс / Под ред. проф. Д.С. Карева. М., 1968. С. 60–61; Якупов Д.А. Обвинительный и оправдательный уклоны в уголовном процессе: сущность, понятие, формы // Публичное и частное право. 2010. № 1 (5). С. 96–111; Кудрявцев В. Л. «Оправдательный уклон» в деятельности следователя и уголовно-правовые проблемы его преодоления // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: Материалы VII междунар. научно-практ. конф., Санкт-Петербург, 30 сентября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. С. 201–207.

ствующую законодательную или правоприменительную в зависимости от точки зрения природу деятельности субъектов применения права в уголовном судопроизводстве, т.е. компетентных органов государства, их должностных лиц - органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

Обвинительный или оправдательный уклон – это «отклонение от какого-нибудь направления»¹, в нашем случае отклонение следователя² в сторону обвинения или оправдания от того, что ему действительно предписывает делать в соответствии с уголовно-процессуальным законом функция обвинения (уголовного преследования)

В науке уголовного процесса существует множество точек зрения на то какую функцию/и выполняет следователь в уголовном судопроизводстве.

Классифицировать точки зрения на то какую функцию/и выполняет следователь можно в зависимости от наличия или отсутствия в ней закреплённой в УПК РФ за следователем функции обвинения (уголовного преследования)³:

1. Функция обвинения (уголовного преследования) у следователя присутствует либо как единственная⁴ либо наряду с иными функциями

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: ОК. 57 000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Рус. Яз., 1982. С. 737.

² Об особенностях деятельности следователя в досудебном производстве, см., напр.: Асанов Р.Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 299 с.; Кудрявцев В.Л. Некоторые вопросы становления состязательности и особенности её реализации в контексте деятельности следователя в досудебном производстве России // Вопросы правоведения. 2014. № 2 (24). С. 277–297; Сатдинов Л.В. Уголовно-процессуальные гарантии объективности предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 2

45 с.; Чабукиани О.А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. 553 с.

³ Кудрявцев В. Л. Процессуальная деятельности следователя: некоторые проблемы и их преодоление // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы междунар. научно-практ. конф., Санкт-Петербург, 02 декабря 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. С. 145.

⁴ См., напр.: Дармаева В. Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12; Кудрявцев В. Л. Некоторые вопросы становления состязательности и особенности её реализации в контексте

как предусмотренными УПК РФ в качестве таковых – защиты, разрешения дела¹, так и не предусмотренными УПК РФ в качестве таковых, напр., охрана прав и свобод человека и гражданина; властно-распорядительная (принятие решений); принятие мер по обеспечению вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества; превентивная (воспитательно-предупредительная)²;

2. Функция обвинения у следователя отсутствует, но есть такая как, напр., доказывания (формирования доказательств)³, расследования⁴ или предварительного расследования⁵ или такие, как, напр., познавательная, разрешительная, правообеспечительная и процедурная⁶.

Но какие бы в науке точки зрения не предлагали как по количеству, так и по названию функций на сегодняшний день является неоспоримым с точки зрения закона то обстоятельство, что следователь выполняет лишь функцию обвинения (уголовного преследования). Данная функция, по нашему глубокому убеждению, предписывает ему принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от него меры к тому, чтобы были собраны доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкрими-

деятельности следователя в досудебном производстве России // Вопросы право-ведения. 2014. № 2 (24). С. 277–297.

¹ См., напр.: Кутуев Э. К., Ефремова О.М. Процессуальные функции, осуществляемые следователем в состязательном уголовном процессе // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 9. С. 82; Химичева Г. П. Некоторые замечания о реформе органов предварительного следствия в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 61.

² Борова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 17–18.

³ Чабукиани О.А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. С.26

⁴ Колодко В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 6, 11.

⁵ Бабич А. В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 9

⁶ Асанов Р. Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. С. 57.

нируемого ему преступления руководствуясь при этом всесторонностью, полнотой и объективностью в целях изобличения подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления¹.

Любое отклонение, обвинительное либо оправдательное, от надлежащего осуществления следователем своей функции обвинения (уголовного преследования) – это совершённое им уголовно-процессуальное нарушение в сфере доказывания проявляющееся в его односторонности, неполноте и необъективности в сторону обвинения или оправдания лица, которое может быть результатом как правоприменительной ошибки, так и умышленного преступления.

В литературе существуют различные позиции на определение категории «обвинительный уклон» в зависимости от того какая отрасль права лежит в основе её понимания и, как следствие этого, её раскрывают в уголовно-процессуальном², уголовно-правовом³ и смешанном (уголовно-процессуальном и уголовно-правовом)⁴ смысле.

¹ Изложенная позиция в развернутом виде представлена ниже в данном исследовании, а также нашла своё отражение, в частности: Кудрявцев В.Л. Некоторые вопросы становления состязательности и особенности её реализации в контексте деятельности следователя в досудебном производстве России // Вопросы правоведения. 2014. № 2 (24). С. 297.

² См., напр.: Михайловская И. Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7. С. 4; Шумилин С.Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 31; Поздняков М. Смысл и двусмысленность обвинительного уклона // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М.: Статут, 2012. С. 54-106; Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 3. С. 458; Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дисс. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 113.

³ См., напр.: Лукьянченко В.В. Обвинительный уклон при применении уголовного законодательства: Содержание, типичные проявления, последствия, причины и пути преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С.16; Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: монография. М.: Статут, 2011. С. 251-252.

⁴ См., напр.: Якупов Д.А. Обвинительный и оправдательный уклоны в уголовном процессе: сущность, понятие, формы // Публичное и частное право. 2010. № 1 (5). С. 96–111; Кудрявцев В. Л. Преодоление «обвинительного уклона» в деятельности следователя уголовно-правовыми средствами: теоретико-норматив-

При этом на первый план выходит понимание «обвинительного уклона» в уголовно-процессуальном смысле в силу его процессуальной сущности, когда его независимо от точки зрения связывают, прежде всего, с доказательственной деятельностью субъекта, наделённого властными полномочиями.

Обвинительный уклон в деятельности следователя предполагает, что он ненадлежаще исполняет свою функцию обвинения (уголовного преследования), в ходе осуществления которой он при доказывании в нарушении принципа презумпции невиновности и требований всесторонности, полноты и объективности:

а) игнорирует версию(и) защиты, оправдательные доказательства и в целом всё то, что способствовало бы установлению обстоятельств, оправдывающих лицо либо смягчающих ему наказание

и(или)

б) уничтожает или скрывает оправдательные доказательства

и (или)

в) собирает обвинительные доказательства путём принуждения и (либо) искусственного их создания,

и/или

г) на основании ненадлежащей оценки доказательств как результата по п. «а» или/и заведомо ненадлежащей оценки доказательств в силу отсутствия в их совокупности уничтоженного/скрытого оправдательного доказательства (п. «б») или/и наличия в совокупности доказательств полностью либо в части собранных обвинительных доказательств путём принуждения и (либо) искусственного их создания (п. «в») принимает соответствующее процессуальное решение.

Изложенной позицией автор разделяет мнение тех учёных/практиков, которые считают, что природа обвинительного уклона не заложена в законодательную модель деятельности следователя, предусмотренную УПК РФ, а связана с ненадлежащим исполнением им

ная основа // Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности: материалы Всерос. науч-практ. конф. с междунар. участием (Саранск, 26 мар. 2021 г.): в 2 ч. / [редкол.: Г.П. Кулешова и др.]; Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Саранск, 2021. Ч. 1. С. 96–97.

своей функции и поэтому обвинительный уклон – это правоприменительная проблема¹, которая является следствием его профессиональной некомпетентности², ошибок³ и/или совершаемых им умышленных преступлений⁴.

Соответственно этому преодоление обвинительного уклона должно быть связано, прежде всего, как с самой личностью следователя, его морально-этическими установками, профессиональными компетенциями, так и с реализацией системы гарантий, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства. Однако это не исключает и корректировку законодателем тех или иных положений закона в сторону увеличения гарантий, направленных на преодоления обвинительного уклона.

Другим же является подход, который исходит из того, что обвинительный уклон в деятельности следователя заложен уже в законодательной модели его деятельности. Деятельность следователя изначально предопределена законодателем как деятельность с обвини-

¹ См., напр.: Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 143; Кудрявцев В.Л. «Обвинительный уклон» в деятельности следователя: проблема ли только законодательного урегулирования? // Адвокатская практика. 2008. № 1. С. 14–16; Кудрявцев В.Л. Некоторые вопросы становления состязательности и особенности её реализации в контексте деятельности следователя в досудебном производстве России // Вопросы правоведения. 2014. № 2 (24). С. 277–297.

² См.: Бурданова В.С. Криминалистическое обеспечение всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела: учеб. пос. СПб., 1994. С. 28–29; Васильева И.В., Возженикова О.С. Роль межэтнических представлений в формировании обвинительного уклона у сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4 (75). С. 47.

³ См., напр.: Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 112–114.

⁴ См., напр.: Кудрявцев В.Л. Обвинительный уклон в деятельности следователя и его преодоление: некоторые уголовно-процессуальные и уголовно-правовые проблемы // Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: сборник материалов II Междунар. научно-практ. конф., посвященной 65-летию д-ра юрид. наук, проф. В. Н. Григорьева (г. Ульяновск, 12 сентября 2020 г.) / отв. ред. С. Ю. Морозов и О. А. Зайцев. Ульяновск: УлГУ, 2021. С. 253–255.

тельным уклоном и поэтому основной путь её преодоления – это внесение изменений в законодательство, прежде всего, в уголовно-процессуальное¹.

В рамках данного подхода можно выделить несколько основных направлений по изменению УПК РФ с целью преодоления обвинительного уклона:

Первое – закрепление в УПК РФ в качестве принципа либо объективной истины² либо всесторонности, полноты и объективности³;

¹ См., напр.: Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Принцип состязательности и его реализация в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2005. № 1. С. 6–7; Калиновский К.Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В.В. Волкова. М.: Норма, 2015. С. 93–103; Шейфер С.А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства) // Государство и право. 2007. № 1. С. 31–32.

² См.: Проект Федерального закона N 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ А.А. Ремезковым) (снят с рассмотрения - 24.07.2018) // СПС Консультант плюс (дата обращения – 03.09. 2023); Блинков А.П. Принципы состязательного и объективно-истинного уголовного процесса в деятельности следователя: сравнительный анализ: дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 155; Ревенко Н.И. О достоверности выводов суда при провозглашении приговора в особом порядке // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 2 (34). С. 164.

³ См., напр.: Ахмадуллин А.С. Всесторонность, полнота и объективность в досудебных стадиях российского уголовного процесса. М: Юрлитинформ, 2006. С. 24–26; Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М.: Изд-во «Экзамен», 2003. С. 66–67.

Второе – исключение следователя из субъектов стороны обвинения и, соответственно, в связи с этим изменение его функции, её названия¹ и (или) придание ему статуса судебного следователя, т.е. судебного деятеля, с одинаковым вниманием исследующего обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого².

Третье – введение в УПК РФ такого субъекта уголовного судопроизводства как следственный судья, который не выполняет функции обвинения и производит «...как правило, лишь по требованию сторон – следственные действия по легализации в качестве судебных доказательств материалов, представленных сторонами, а также судебный контроль над мерами процессуального принуждения и соблюдением органами уголовного преследования конституционных прав и свобод граждан»³.

Деятельность следователя осуществляющего функцию обвинения (уголовного преследования) с точки зрения действующего законодательства РФ/ст.ст. 2, 18, 45, 49 Конституции РФ; ст. ст. 6, 7, 14, 15, 16, 38, 73, 85, 86, ч. 4 ст. 152 и иных статей УПК РФ/, правовых позиций Конституционного Суда РФ /напр., абз. 2 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П; абз. 4 п. 3 Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1627-О-О/, предполагает его обязанность руководствуясь всесторонностью, полнотой и объективностью принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от него меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления в целях изобличения подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления.

¹ Бабич А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 16 -17.

² См., напр.: Шейфер С.А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства). С. 32.

³ Смирнов А.В. Деформализация уголовного преследования - главная задача реформы уголовного судопроизводства // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность [Эл. ресурс]: Сбор. статей по материалам Междунар. научно-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н.С. Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 года) / Под ред. Н.Г. Стойко. СПб.: ООО «ЦСПТ», 2015. С. 102.

Но не только статьи Конституция РФ, УПК РФ, правовые позиции Конституционного Суда РФ определяют данный вектор деятельности следователя, но и подзаконные нормативные акты¹.

Так, на всесторонность, полноту и объективность при расследовании преступлений следователей ориентирует по линии:

а) СК РФ, прежде всего, п.1, п. 1.31. Приказа Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации»;

б) МВД РФ, прежде всего, п. 2.3 Типового положения о следственном управлении (отделе) управления на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральному округу, следственном управлении (отделе) линейного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, подчиненного Министерству внутренних дел Российской Федерации, главному следственному управлению (управлению, отделе) министерства внутренних дел по республике, главного управления, управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по иному субъекту Российской Федерации и п. 2.3 Типового положения о следственном управлении управления внутренних дел по административному округу Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Москве, утверждённые приказом МВД России от 09.01.2018 № 1 (ред. от 21.06.2022); п. 3.3 Положения, утверждённого приказом ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 08.08.2018 № 417 (ред. от 28.04.2023) «Об утверждении Положения о Главном следственном управлении Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области».

¹ См. более подробно о подзаконных актах, которые прямо ориентируют следователя или лица, производящего дознание на всестороннее, полное и объективное расследование преступлений: Кудрявцев В.Л. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: проблемы законодательной техники и её влияние на теорию и правоприменение // Евразийская адвокатура. 2021. № 6 (55). С. 96; Кудрявцев В.Л. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: некоторые уголовно-правовые и процессуальные проблемы // Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: моногр. / отв. ред. С. Ю. Морозов, О. А. Зайцев. М.: Проспект, 2022. С. 401–411.

Следовательно, и законодательство не только в узком смысле слова (законы), но и в широком смысле слова (законы и подзаконные акты) обязывают следователя собирать доказательства как обвинительные, так и оправдательные руководствуясь всесторонностью, полнотой и объективностью при их собирании.

В связи с этим не случайно, что именно за вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность ... следователя..., в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела установлена уголовная ответственность, предусмотренная ч.2 ст. 294 УК РФ.

Как раз то, что следователь как сторона обвинения не соблюдает, основанные на законодательстве (в широком смысле слова) требования всесторонности, полноты, объективности при собирании доказательств, игнорирует версии защиты, доказательства её подтверждающие и в целом всё то, что способствует установлению обстоятельств, оправдывающих лицо либо смягчающих ему наказание и приводит к обвинительному уклону.

В связи с выше изложенным, не вижу необходимости, раз это и так уже есть в законодательстве, поступать так как предлагают сторонники законодательной модели обвинительного уклона – совершенствовать УПК РФ с тем, чтобы следователь собирал не только обвинительные, но и оправдательные доказательства либо путём его исключения из стороны обвинения и, соответственно, в связи с этим изменение его функции, её названия или путём появления нового субъекта – судебного следователя либо путём появления принципа всесторонности, полноты объективности или установления объективной истины.

При этом следует учитывать, что всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела существовали ещё до УПК РФ в качестве принципа уголовного судопроизводства в ст. 20 УПК РСФСР 1960 года и обязывали следователя собирать как обвинительные, так и оправдательные доказательства, но это не приводило к преодолению существовавшего тогда «обвинительного уклона», который, прежде всего, рассматривался и решался в то время как правоприменительная проблема¹.

¹ См. об этом более подробно, напр.: Обеспечение следователем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1977. 68 с.; Характер, причины и способы устранения оши-

Может ли решить проблему обвинительного уклона третье законодательное направление преодоления обвинительного уклона как явление следственного судьи?

Полагаю, что нет, поскольку решение правоприменительной проблемы законодательным способом никогда не решит указанную проблему, так как не затрагивает её существо и природу. Кроме того, ещё неизвестно как будет работать институт следственного судьи, ведь законодательная конструкция, идеальная модель – это одно, а правоприменение этой модели – может не всегда совпадает с её законодательным предназначением, что наглядно видим на примере следователя как субъекта стороны обвинения.

Поэтому окончательный ответ, насколько эффективно будет действовать институт следственного судьи в преодолении обвинительного уклона – это вопрос к правоприменению.

В науке категория «оправдательный уклон» рассматривается в различных аспектах, но никак не законодательная, а как правоприменительная проблема¹.

Оправдательный уклон в деятельности следователя предполагает, что он ненадлежащим образом исполняет свою функцию обвинения (уголовного преследования), в ходе осуществления которой он при доказывании в нарушении требований всесторонности, полноты и объективности:

- а) игнорирует версию(и) обвинения, обвинительные доказательства и в целом все то, что способствовало бы установлению обстоятельств, обвиняющих лицо либо отягчающих ему наказание и(или)
- б) уничтожает или скрывает обвинительные доказательства и(или)

бок в стадии предварительного следствия. М., 1990. 80с.; Бурданова В.С. Криминалистическое обеспечение всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела: учеб. пос. СПб., 1994. 68 с.

¹ См., напр.: Лукьянченко В.В. Обвинительный уклон при применении уголовного законодательства: Содержание, типичные проявления, последствия, причины и пути преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. С. 16; Якупов Д.А. Обвинительный и оправдательный уклоны в уголовном процессе: сущность, понятие, формы. С. 106; Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: Монография. С. 251–252; Кудрявцев В.Л. «Оправдательный уклон» в деятельности следователя и уголовно-правовые проблемы его преодоления. С. 202.

в) собирает оправдательные доказательства путем принуждения и (либо) искусственного их создания,
и/или

г) на основании ненадлежащей оценки доказательств как результата по п. «а» или/и заведомо ненадлежащей оценки доказательств в силу отсутствия в их совокупности уничтоженного/скрытого обвинительного доказательства (п. «б») или/и наличия в совокупности доказательств полностью либо в части собранных оправдательных доказательств путём принуждения и (либо) искусственного их создания (п. «в») принимает соответствующее процессуальное решение.

Если законодательный механизм заложенный в деятельности следователя не срабатывает и появляется в его деятельности обвинительный либо оправдательный уклон, то здесь речь должна идти об эффективности работы системы гарантий, направленных на устранение данной проблемы, то есть назначения уголовного судопроизводства, его принципов, прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, системы его стадий и т.п.

В рамках досудебного производства обвинительный или оправдательный уклон в деятельности следователя призвана исправить система, состоящая из таких ключевых элементов как, в частности: ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора, судебного контроля, института обжалования и т.п.

Есть ещё и судебное производство, которое также содержит систему гарантий, направленных на исправление обвинительного или оправдательного уклона, одной из существенных особенностей которой является наиболее полное реализация принципа состязательности сторон, прежде всего, в стадии судебного разбирательства, с одной стороны, а с другой – оно осуществляется таким образом, чтобы «гарантировать всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела...»/Абз.2 п. 3.1 Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П/.

Самым опасным проявлением обвинительного или оправдательного уклона является преступление.

Для того, чтобы те или иные проявления обвинительного или оправдательного уклона в деятельности следователя стали преступлением, его деятельность должна содержать все признаки состава преступления, предусмотренные УК РФ.

К особенностям уголовной ответственности следователя за обвинительный или оправдательный уклон с позиции единства и дифференциации следует отнести, в частности:

Во-первых, то, что объектом посягательства будут нормальные отношения в сфере осуществления правосудия (глава 31 УК РФ) посредством надлежащего исполнения следователем своих обязанностей в уголовном судопроизводстве при осуществлении им доказывания.

При этом любой вид уклона, обвинительный или оправдательный, в деятельности следователя при доказывании связан с нарушением требований всесторонности, полноты и объективности, а обвинительный ещё и с нарушением принципа презумпции невиновности.

Квалификация преступления по соответствующей статье Главы 31 УК РФ может происходить в зависимости или нет от конкретного вида уклона:

1. В зависимости от вида уклона:

а) обвинительный уклон – привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела /ст. 299 УК РФ/;

б) оправдательный уклон - незаконное освобождение от уголовной ответственности /ст. 300 УК РФ/;

2. Независимо от вида уклона, обвинительный или оправдательный, - принуждение к даче показаний /ст. 302 УК РФ/, фальсификация доказательств по уголовному делу /ч. 2 и ч. 3 ст. 303 УК РФ/;

Однако, не все проявления обвинительного или оправдательного уклона в деятельности следователя могут быть квалифицированы по статьям Главы 31 УК РФ.

Так, например, если факт уничтожения или сокрытия несфальсифицированного обвинительного или оправдательного доказательства установлен, то деяние должно квалифицироваться по соответствующей части ст. 286 УК РФ, когда преступление совершает следователь, в производстве которого находится дело¹.

¹ Кудрявцев В.Л. Некоторые теоретико-методологические проблемы объективной стороны фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ) // Евразийская адвокатура. 2018. № 4 (35). С. 61; Кудрявцев В.Л. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» в контексте существующей проблематики по этой категории дел // Евразийская адвокатура. 2023. № 1(60). С. 24.

В контексте изложенного примера квалификации следует обратить внимание на следующее обстоятельство, что в литературе в своё период времени предлагали дополнить УК РФ статьёй для предупреждения проявления следователями обвинительного уклона с таким содержанием как: «Умышленное сокрытие либо уничтожение дознавателем или следователем доказательств, оправдывающих или смягчающих ответственность подозреваемого, обвиняемого, или иное воспрепятствование предоставлению доказательств стороной защиты, повлекшие необоснованное применение к данному лицу меры пресечения, иных мер процессуального принуждения и/или постановление в отношении его необоснованного обвинительного приговора либо прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям ...»¹.

Во-вторых, в деятельности следователя обвинительный или оправдательный уклон находит своё проявление в соответствующих статьях (ст.ст. 299, 300, 302 УК РФ и чч.2,3 ст. 303 УК РФ) Главы 31 УК РФ, которые являются специальными нормами по отношению к ст. 286 УК РФ².

В-третьих, преступления с обвинительным или оправдательным уклоном являются высоко латентными.

Возьмём для примера ст. 299 УК РФ как статью с обвинительным уклоном. Так, за 2022 год – всего осужденных 6 из них по основной статье ч.1-2 ст. 299 УК РФ – 2 (ч. 1-1, ч. 2-1) и по «Дополнительная квалификация. Осуждено» по числу лиц по ч.1-2 ст. 299 УК РФ – 4 (ч. 1 – 4, ч. 2 - 0), по ч.3 ст. 299 УК РФ – 0, за первое полугодие 2023 года осужденных по всем частям ст. 299 УК РФ – 0 человек³. За 2022 год

¹ Баев М.О., Баев О.Я. О правовом механизме нейтрализации обвинительного уклона в досудебном уголовном преследовании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1(24). С. 217

² См. об этом: Кудрявцев В.Л. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» в контексте существующей проблематики по этой категории дел. С. 23–24.

³ Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год // <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>.

осужден по основной статье ч.1-2 ст. 299 УК РФ один следователь по ч. 2 ст. 299 УК РФ, за первое полугодие 2023 года никто не осужден¹.

Возьмём для примера ст. 300 УК РФ как статью с оправдательным уклоном. Так, за 2022 год по ст. 300 УК РФ всего осуждено 4 из них по основной статье осуждено – 4 и по «Дополнительная квалификация. Осуждено» по числу лиц – 0; за первое полугодие 2023 года всего осужден 1 из них по основной статье осуждено – 1 и по «Дополнительная квалификация. Осуждено» по числу лиц – 0².

За 2022 год по ст. 300 УК РФ осуждено 4 следователя, за первое полугодие 2023 года ни один следователь не был осужден³.

В-четвёртых, для составов преступлений, связанных с проявлением обвинительного или оправдательного уклона в деятельности следователя характерно наличие бланкетных норм, посвящённых статусу следователя, напр., УПК РФ, ФЗ от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации».

В-пятых, разъясняются особенности квалификации преступлений с обвинительным или оправдательным уклоном в деятельности следователя в: а) постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»: по ст. 302 УК РФ – пункты 7–10, 18; по ч.2, 3 ст. 303 УК РФ – пункты 10–14, 18, а также ситуация квалификации по совокупности преступлений в п. 16; б) постановлении Пленума Верховного Суда РФ, прежде всего, от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»; от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 6, 22), которые однако не посвящены непосредственно освещению квалификации по ст. 299 УК РФ,

¹ Форма № 11.1 «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ» Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год // <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>.

² Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2023 года // <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7900>.

³ Форма № 11.1 «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ» Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2023 года // <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7900>.

ст. 300 УК РФ, ст. 302 УК РФ, чч.2-3 ст. 303 УК РФ Главы 31 УК РФ, за исключением ситуации квалификации по совокупности преступлений в п. 6, 22 Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24.

В-шестых, объективная сторона преступлений, связанных с проявлением обвинительного или оправдательного уклона, как правило, выражена в действиях следователя.

Так, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности происходит путём, в частности, вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого /чч. 1, 2 ст. 299 УК РФ/.

Незаконное освобождение от уголовной ответственности /ст. 300 УК РФ/ лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления проявляется в том, что следователь выносит постановление о прекращении уголовного дела или о прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в отсутствие предусмотренных законом оснований¹.

Бездействие как форма проявления обвинительного или оправдательного уклона встречается редко. Напр., когда следователь не принимает мер по процессуальному закреплению полученных данных и не приобщает их в качестве оправдательных или обвинительных доказательств по уголовному делу, то квалификация будет по соответствующей части ст. 285 УК РФ.

В-седьмых, рассматриваемые преступления с обвинительным или оправдательным уклоном обычно имеют формальный состав преступления:

а) с обвинительным уклоном – это ч.1 ст. 299 УК РФ; ч. 2 ст. 299 УК РФ в части такого квалифицирующего признака как «То же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления»;

б) с оправдательным уклоном – ст. 300 УК РФ;

в) независимо от вида уклона – чч. 1–3 ст. 302 УК РФ; ч. 2 ст. 303 УК РФ; ч.3 ст. 303 УК РФ в части такого квалифицирующего признака как «Фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении...».

Материальный состав преступлений встречается реже:

¹ Кудрявцев В.Л. Объективная сторона незаконного освобождения от уголовной ответственности: некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы // Евразийская адвокатура. 2016. № 1 (20). С. 28–33.

а) по обвинительному уклону – ч. 2 ст. 299 УК РФ в части такого квалифицирующего признака как «То же деяние ...повлекшее причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия»; ч. 3 ст. 299 УК РФ;

б) независимо от вида уклона – ч. 4 ст. 302 УК РФ; ч. 3 ст. 303 УК РФ в части такого квалифицирующего признака как «...фальсификация доказательств, повлекшая тяжкие последствия».

В-восьмых, преступления с обвинительным или оправдательным уклоном совершаются, как правило, с прямым умыслом:

а) с обвинительным уклоном – это ч.1 ст. 299 УК РФ; ч. 3 ст. 299 УК РФ; ч. 2 ст. 299 УК РФ в части такого квалифицирующего признака как «То же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления»;

б) с оправдательным уклоном – ст. 300 УК РФ;

в) независимо от вида уклона – чч. 1–3 ст. 302 УК РФ; ч. 2 ст. 303 УК РФ; ч. 3 ст. 303 УК РФ в части такого квалифицирующего признака как «Фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении...».

Субъективная сторона может характеризоваться как прямым умыслом, так и двойной формой вины:

а) с обвинительным уклоном – ч. 2 ст. 299 УК РФ в части такого квалифицирующего признака как «То же деяние ...повлекшее причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия»;

б) независимо от вида уклона – ч. 3 ст. 303 УК РФ в части такого квалифицирующего признака как «фальсификация доказательств, повлекшая тяжкие последствия».

Субъективная сторона может также характеризоваться и двойной формой вины: независимо от вида уклона – ч. 4 ст. 302 УК РФ.

В-девятых, квалификация преступлений по совокупности при наличии преступления(й) с обвинительным или/и оправдательным уклоном, когда:

а) несколько составов преступлений посягает на интересы правосудия с обвинительным (напр., квалификация по совокупности ч. 1 ст. 299 УК РФ и ч. 2 ст. 303 УК РФ) или оправдательным (напр., квалификация по совокупности ст. 300 УК РФ и ч. 2 ст. 303 УК РФ) уклоном.

Как следует из п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», «Действия долж-

ностного лица, которое на основании сфальсифицированных им доказательств привлекает заведомо невиновного к уголовной ответственности либо умышленно незаконно освобождает от уголовной ответственности лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 или 3 статьи 303 УК РФ и статьей 299 либо статьей 300 УК РФ».

б) состав преступления против правосудия с обвинительным (напр., ч. 1 ст. 299 УК РФ) или оправдательным (напр., ст. 300 УК РФ) уклоном совершается из-за вымогательства взятки, то есть требуют дополнительной квалификации по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ;

в) квалификация преступлений по совокупности в силу наличия в деятельности следователя как «оправдательного», так и «обвинительного» уклона одновременно по одному делу, т.е. одно лицо незаконно освобождает от уголовной ответственности /ст. 300 УК РФ/, а вместо него привлекается заведомо невиновный к уголовной ответственности /ч. 1 или ч. 2 ст. 299 УК РФ/.

В-десятых, обвинительный или оправдательный уклон, проявляющийся в принуждении к даче показаний /ст. 302 УК РФ/ и фальсификации доказательств/ч. 2,3 ст. 303 УК РФ/, – это не только составы преступления, но и собранные указанным путём обвинительные или оправдательные доказательства по уголовному делу признаются (являются) недопустимыми /ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, ч. 3 ст. 7 УПК РФ, ч. 1 ст. 75 УПК РФ/.

Так, следователем обвинительные или оправдательные доказательства могут быть сфальсифицированы, исходя из этимологии слова «фальсификация», а также единства и дифференциации содержания и формы доказательства путём:

а) внесения не соответствующих действительности изменений в содержание доказательства при неизменности формы;

б) подмены одного доказательства другим, аналогичным с ним, но с изменённым содержанием не соответствующим действительности;

в) создания нового доказательства ранее не существовавшего с содержанием не соответствующим действительности¹.

¹ Кудрявцев В.Л. Некоторые теоретико-методологические проблемы объективной стороны фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ) // Евразийская адвокатура. 2018. № 4 (35). С. 60.

В-одиннадцатых, независимо от вида уклонения есть специальный статус субъекта преступления – должностное лицо – следователь и иные должностные лица, которые в определённых, предусмотренных УПК РФ, случаях обладают полномочиями следователя — это следователь-криминалист, руководитель следственного органа и руководитель следственной группы.

При этом следует учитывать, что «Ответственность за преступления, предусмотренные статьями 301, 302, 303 УК РФ, не исключается, если должностные лица, их совершившие, были приняты на службу (работу) или приобрели определённый статус с нарушением требований или ограничений, например при отсутствии документа, подтверждающего получение необходимого образования, без требуемого стажа работы, при наличии судимости и т.п.» /п. 18 постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 № 20./

РАЗДЕЛ II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

2.1. Возбуждение уголовного дела и начало уголовного преследования: соотношение, значение, перспективы

О возбуждении уголовного дела, как и об уголовном преследовании, в различных аспектах в последнее время проведено огромное количество научных исследований и написано большое количество научных работ, что свидетельствует об наличии серьезных вопросов, по которым мнения исследователей и правоприменителей далеки от единства. Вопрос о соотношении этих двух понятий возник в связи с тем, что в науке и практике уголовного судопроизводства они имеют множество значений, при этом даже в рамках одного только Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ содержание данных терминов меняется от полного отождествления до полной невозможности сравнения, в связи с отношением их к разным категориям.

Значение термина «возбуждение уголовного дела» в действующем уголовно-процессуальном законе не раскрывается. В науке уголовно-процессуального права находит свое отражение в следующих значениях:

- «юридический акт - процессуальное решение уполномоченного должностного лица, вынесенное в форме постановления и констатирующее, что в ходе проверки сообщения о преступлении (надлежащего повода), были получены сведения, в достаточной мере подтверждающие наличие признаков конкретного преступления;
- процессуальный институт, представляющий собой совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок осуществления деятельности соответствующих субъектов по принятию, проверке и разрешению сообщений о преступлениях;
- стадия уголовного процесса - начальный этап уголовного процесса, имеющий свои специфические задачи, средства, круг участников, сроки, процессуальные решения»²;

¹ Далее – УПК РФ.

² Огарь Ю. А. Возбуждение уголовного дела и начало уголовного преследования: проблемы соотношения / Ю. А. Огарь // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4 (45). С. 135–146.

– «регламентированная законом деятельность уполномоченных органов и должностных лиц, направленная на прием, регистрацию, проверку и разрешение поступивших сообщений о преступлениях»¹.

Еще более неоднозначная ситуация сложилась с пониманием сущности уголовного преследования в науке уголовно-процессуального права и правоприменительной деятельности. Так, действующий уголовно-процессуальный закон определяет уголовное преследование, как «процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 55 ст. 5 УПК РФ). При этом законодатель опосредованно использует данное понятие применительно к функции уголовного судопроизводства, одновременно отождествляя понятия «обвинение» и «уголовное преследование» (п. 45 ст. 5 УПК РФ), а также в значении уголовно-процессуального средства, «отвечающего назначению уголовного судопроизводства» (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Кроме того, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, предусматривая в качестве повода к возбуждению уголовного дела «постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании», законодатель дает основания в некоторой степени для отождествления данных понятий.

Конституционный Суд Российской Федерации² видит в уголовном преследовании «одну из форм реализации государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению защиты других конституционно значимых ценностей (ст.ст. 2, 52, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) в тех случаях, когда эти ценности становятся объектом преступного посяательства совершении преступлений, и др.»³.

Представители научного сообщества в различное время предлагали свои точки зрения на сущность уголовного преследования.

¹ Румянцева М.О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. М., 2019. С.5.

² Далее – Конституционный суд РФ.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко // Вестник Конституционного Суда РФ. № 6. 2011.

С точки зрения И.Я. Фойницкого, уголовным преследованием следует считать «первую стадию обвинения – предъявление суду первоначального обвинения (иска) к виновному»¹.

М.А. Чельцов называет уголовное преследование (изобличение виновного) основной целью уголовного судопроизводства, наряду с применением и назначением к нему справедливого наказания².

Ряд авторов относит уголовное преследование к одному из «важнейших средств, способствующего реализации целей уголовного процесса»³.

О.А. Картохина придерживается мнения, что «уголовное преследование -это предусмотренная уголовно-процессуальным законом обязанность компетентных органов государства (органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора), а также право потерпевшего и частного обвинителя осуществлять деятельность, направленную на установление события общественно опасного деяния и изобличение лица, его совершившего»⁴.

С.И. Ильин отмечает два значения уголовного преследования: «как процессуальную функцию (обязанность), которая возникает одновременно с возникновением уголовно-процессуальных отношений, и появлением субъекта, ее осуществляющего, и уголовное преследование в ином понимании - как действия органов обвинения, направленные на изобличение конкретного лица в совершении преступления (то есть как реализацию обязанности по изобличению лица в совершении преступления)»⁵.

Е.В. Шишкина также отмечает два значения термина «уголовное преследования: «процессуальный институт, объединяющий комплекс взаимодействующих уголовно-процессуальных и иных правовых

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. / Под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. С. 8.

² Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 12.

³ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 1056 с. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Картохина О.А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С.8.

⁵ Ильин С.И. Уголовное преследование в досудебном производстве. автореф... дис. кан. наук. М. 2007. С. 7.

норм, регламентирующих процессуальный статус субъектов уголовного преследования, потерпевших, частных обвинителей и их представителей, а также их деятельность, направленную на изобличение подозреваемого, обвиняемого и подсудимого в совершении преступления в целях последующего вынесения судом справедливого приговора в отношении признанного виновным лица при неизменном соблюдении прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства»¹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что, действующий уголовно-процессуальный закон не содержит значение термина «уголовное дело», несмотря активное его употребление, что вынуждает обратиться к анализу положений действующего уголовно-процессуального закона, исследованию исторических этапов эволюции рассматриваемых категорий, а также мнений представителей уголовно-процессуальной науки по рассматриваемым вопросам.

УПК РФ в этом отношении довольно лаконичен - под уголовным судопроизводством понимается «досудебное и судебное производство по уголовному делу» (п.56 ст.5 УПК РФ). Также можно встретить такие формулировки, как «возбуждение уголовного дела», «производство по уголовному делу», «выделение уголовного дела в отдельное производство», «соединение уголовных дел в одном производстве» и др. Из чего можно сделать вывод о том, что «производство» и «уголовное дело» в уголовном процессе имеют разное значение.

Вместе с тем, ГОСТ Р 7.0.8-2013, устанавливает следующие определения терминов:

«делопроизводство»: «деятельность, обеспечивающая документирование, документооборот, оперативное хранение и использование документов»²;

«дело»: документ или совокупность документов, относящихся к одному вопросу или участку деятельности, помещенных в отдельную обложку»³.

¹ Шишкина Е.В. Институт уголовного преследования. автореф... дис. кан. наук. Волгоград. 2008. С.7.

² ГОСТ Р 7.0.8-2013. «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Дело-производство и архивное дело. Термины и определения» (утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст). М., Стандартинформ, 2014.

³ Там же, п. 95.

Не вызывает сомнений, что одно из значений «уголовного дела», как совокупности документов, полученных в результате уголовно-процессуальной деятельности, вполне соответствует закреплённому значению термина «дело», однако в контексте терминов «возбуждение уголовного дела», «производство по уголовному делу», данное значение представляется слабоприменимым.

Таким образом, в современных нормативно-правовых актах значения терминов «уголовное дело», «возбуждение уголовного дела», мы не находим.

Если обратиться к истории российского уголовного процесса, также можно отметить непоследовательность в употреблении терминов «уголовное дело», «возбуждение уголовного дела», «уголовное преследование».

Устав уголовного судопроизводства¹ 1864 года начало уголовно-процессуальной деятельности связывал с началом предварительного следствия, одновременно применяя и термин «возбуждение дела» (ст. 297 УУС) в качестве повода к началу предварительного следствия. Контекст нормы свидетельствует о тождестве возбуждения дела и начале предварительного следствия, как начале процессуальной деятельности судебного следователя в связи с получением сведений о «преступном деянии». Решение о начале предварительного следствия не предполагало вынесение соответствующего процессуального документа. «Кроме того, в отдельных статьях УУС 1864 г. термин «судебное преследование» использовался как синоним понятий «уголовное дело», «производство по делу»².

Обращаясь к УПК РСФСР 1922 года, можно обнаружить, что несмотря на употребление термина «возбуждение уголовного дела», законодатель не раскрывает процедуру «возбуждения», предписывая уполномоченным субъектам (следователю, органу дознания, суду), при усмотрении в заявлении указаний на состав преступления, начать соответственно, предварительное следствие, дознание или судебное рассмотрение, а прокурору – направить дело кому-либо из указанных субъектов. Из чего можно сделать вывод, что под производством по уголовному делу в данный период понимается процессуальная деятельность следователя, органа дознания или суда с момента начала

¹ Далее УУС.

² Мазюк Р.В. Возникновение, становление и развитие понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. С.18.

предварительного расследования в форме предварительного следствия или дознания, либо с момента принятия уголовного дела к рассмотрению судом. При этом закон также не предусматривал вынесение какого-либо процессуального документа, констатирующего начало производства по уголовному делу (возбуждение уголовного дела).

Вместе с тем, наряду с «возбуждением уголовного дела (производства по уголовному делу)», УПК РСФСР 1922 года употреблял и термин «возбуждение уголовного преследования». Так, ст. 4 предусматривала обстоятельства, когда уголовное преследование не могло быть возбуждено, а возбужденное подлежало прекращению. Обращает на себя внимание тот факт, что все указанные в данной статье основания предусматривали возможность прекращения уголовного преследования только в отношении конкретного лица. Это положение могло бы подтолкнуть к выводу, что уголовное преследование предполагало деятельность только в отношении установленного лица, однако, ст. 9 обязывала прокуратуру «возбуждать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению», что дает основания полагать наличие возможности возбуждать уголовное преследование как в отношении конкретного лица, так и в отношении неустановленного.

Принятый в 1923 году УПК РСФСР, каких-либо изменений в рассматриваемые положения не принес.

В принятых в 1924 году Основы уголовного судопроизводства¹, термин «уголовное дело» употребляется наряду с «уголовным преследованием», при этом, порядок возбуждения как «уголовного дела», так и «уголовного преследования» детально не раскрывается.

При принятии Основ уголовного судопроизводства Союза ССР от 25.12.1958, законодатель вообще отказался от применения термина «уголовное преследование»². Такую же практику законодатель придерживался при принятии УПК РСФСР в 1960 году³. Это позволяет сделать вывод о том, что законодатель обратил внимание на различие

¹ Постановление Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924 (утратило силу) «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик» // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

² Закон СССР от 25.12.1958 (утратил силу) «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

в содержании рассматриваемых терминов и принял определенные меры к более однозначному пониманию положений уголовно-процессуального законодательства.

Вместе с тем, в науке уголовно-процессуального права употребление термина «уголовное преследование» не прекращалось, многолетние научные исследования и дискуссии показали важность и актуальность рассматриваемого процессуального института, что и обусловило необходимость законодательного закрепления понятия «уголовного преследования» в действующем уголовно-процессуальном законе. Однако, как уже было отмечено выше, отсутствие однозначности в применении указанных терминов в тексте закона, лишь усугубило противоречия в их понимании.

Выглядит обоснованным решение составителей Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств¹-участников Содружества Независимых Государств предусмотреть законодательное закрепление терминов:

«дело» – всякое обособленное производство, ведущееся в ходе уголовного судопроизводства»;

«уголовное дело – обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования и судом по поводу одного или нескольких предположительно совершенных деяний, запрещенных уголовным законом»;

«производство по делу – уголовное судопроизводство, осуществляемое при решении вопроса о возбуждении конкретного уголовного дела, а также совокупность процессуальных действий и процессуальных решений, совершаемых и принимаемых по конкретному делу»².

Однако, значения указанных терминов, которыми их предлагают наделить авторы Модельного УПК, вызывают некоторые сомнения, поскольку из их содержания следует, что в рамках уголовного судопроизводства разграничиваются значения терминов «дело», «уголовное дело», «производство по делу» и «производство по уголовному делу». И соответственно, о производстве по уголовному делу можно

¹ Далее Модельный УПК.

² Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением 7-6 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) (ред. от 29.11.2013) // Сайт Межпарламентской Ассамблеи СНГ / URL: <http://iacis.ru/>.

говорить лишь с момента его «возбуждения», то есть, когда в ходе производства по «делу» будет «предположено совершение деяния, запрещенного уголовным законом». Возникает вопрос, насколько обоснованно отнесение «производства по делу» до возбуждения уголовного дела к уголовному судопроизводству, если до этого момента отсутствуют даже предположения о совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Несмотря на то, что с отдельными положениями можно не согласиться, представляется положительным сама идея законодательного закрепления применяемых терминов, имеющих основополагающее значение в регулируемой сфере.

В контексте исследования соотношения понятий «возбуждение уголовного дела» и «начало уголовного преследования», представляется целесообразным сосредоточиться на рассмотрении данных терминов в значении юридического факта, констатирующего начало процессуальной деятельности, осуществляемой уполномоченными субъектами в порядке и целях, установленных уголовно-процессуальным законом.

Представляется отвечающей данной цели позиция А.П. Рыжакова, который, комментируя ст. 140 УПК РФ, под уголовным делом предлагает понимать «определенное уголовно-процессуальное производство, или иначе, осуществляемая после принятия решения о наличии в распоряжении следователя (дознавателя и др.) достаточных данных, указывающих на уголовно-процессуально значимые признаки объективной стороны состава преступления, и предусмотренного ст. ст. 140–143 УПК РФ источника таковых уголовно-процессуальная деятельность по расследованию обстоятельств совершения преступления (общественно опасного деяния), рассмотрению и разрешению вопросов, поставленных перед следователем (дознавателем и др.), судом (судьей) уголовно-процессуальным законом.

В свою очередь термин «возбуждение» в выражении «возбуждение уголовного дела» подразумевает начало искомого уголовно-процессуального производства (деятельности)¹.

Особенностью «возбуждения уголовного дела» является необходимость осуществления предшествующей данному факту деятельности, которая также осуществляется в порядке, установленном уго-

¹ Рыжаков А.П. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела. Комментарий к ст. 140 УПК РФ // СПС КонсультантПлюс. 2020.

ловно-процессуальным законом, и имеет локальную цель в виде необходимости установления признаков преступления в сообщении, послужившем основанием для ее начала.

Исторически, установление необходимости констатации факта возбуждения уголовного дела путем вынесения мотивированного постановления органа предварительного следствия, утвержденного прокурором, было введено в отечественный уголовный процесс в 1934 году в качестве меры, призванной исключить возбуждение уголовного дела и привлечение граждан к уголовной ответственности по «весьма шатким» основаниям и исключить «бесполезную трату времени и государственных средств...». Данное решение было принято по итогам Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников, состоявшегося в апреле 1934 года, на котором были выявлены «дефекты предварительного производства по делам», негативно отражающиеся на дальнейший ход дел, качество работы суда»¹. Таким образом данный процессуальный механизм был введен в качестве процессуальной гарантии, призванной обеспечить соблюдение прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, а также обеспечивающей процессуальную экономию материальных, временных, человеческих ресурсов.

В дальнейшем данная норма была реализована в уголовно-процессуальном законодательстве и образовала целый уголовно-процессуальный институт, регулирующий процессуальную деятельность, образовавшую самостоятельную стадию уголовного процесса.

В последнее время все большее количество представителей уголовно-процессуальной науки и правоприменительной деятельности вовлекается в дискуссии о необходимости и целесообразности наличия в уголовном процессе как стадии возбуждения уголовного дела, так и непосредственно принятия решения о возбуждении уголовного дела, в частности. При этом, значение в уголовном судопроизводстве, которое выделяют современные авторы, существенных изменений не претерпели.

Как полагает И.М. Ершова, указанная стадия в рамках производства по делу, определяет особенности и характер последующего отправления правосудия².

¹ Письмо заместителя прокурора СССР от 13.08.1934 «О качестве расследования» // За социалистическую законность. 1934. № 9. С. 52–53.

² Ершова И.М. Участие адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании на стадии возбуждения уголовного дела // Научный журнал. 2020

Позиция о самостоятельности этой стадии не является однозначной, хотя и подтверждается рядом ученых, а также законодателем.

«Неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, общее назначение которого состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (часть первая статьи 6 УПК Российской Федерации), является стадия возбуждения уголовного дела...»¹.

Как полагает М.Ш. Хайбулаева, анализируемую стадию следует рассматривать в качестве гарантии, обеспечивающей стабильность функционирования уголовно-процессуального механизма, связанного с рассмотрением сообщений о преступлении, оперативное реагирование на информацию, указывающую на наличие присущих преступлению признаков, обязательность приема подобной информации, ее регистрации, проведения проверочных мероприятий, принятие решения, соответствующего критериям обоснованности и законности, и соблюдение свобод, прав граждан, которые гарантированы Конституцией России².

Возбуждение уголовного дела, как и любая стадия уголовного процесса, имеет свои цель, круг участников, процессуальные сроки, процессуальные решения.

Принятию процессуального решения о возбуждении уголовного дела, предшествует уголовно-процессуальная деятельность, целью которой является установление события преступления и установление признаков состава преступления. В ходе осуществления данной деятельности исследуются и оцениваются сведения о признаках преступления на предмет их достаточности. Постановление о возбуждении

[Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-advokata-zaschitnika-v-ugolovno-protsessualnom-dokazyvanii-na-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela/viewer> (дата обращения: 27.10.2024).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.11.2014 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] / <http://www.pravo.gov.ru>, 11.11.2014. (дата обращения: 24.09.2024).

² Хайбулаева М.Ш. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право. 2021. № 3. С. 149.

уголовного дела представляет собой итог процессуальной деятельности, в ходе которой было установлено наличие необходимых признаков состава преступления.

Вместе с тем, проведенная на данной стадии деятельность и принятое решение о возбуждении уголовного дела, не гарантирует того, что в последствии не будет установлено отсутствие признаков преступления, и уже возбужденное уголовное дело будет прекращено.

Часть первая статьи 144 УПК РФ обязывает должностное лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении, не позднее трех суток, с момента получения сообщения, принять по нему решение. При необходимости, данный срок может быть продлен руководителем следственного органа или начальником органа дознания до 10 суток, и для проведения мероприятий, прямо предусмотренных законом, начальник следственного органа или прокурор могут продлить этот срок до 30 суток. Отсутствие возможности продления срока или принятия законного промежуточного решения, при невозможности принятия решения о наличии либо отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, оставляет лицу, производящему проверку лишь две возможности: либо возбудить уголовное дело при отсутствии основания для его возбуждения, либо отказать в возбуждении уголовного дела по результатам заведомо неполно проведенной проверки.

Отсюда следует, что положения о сроках проведения проверки, установленные действующим уголовно-процессуальным законом, не в полной мере обеспечивают возможность достижения цели.

Участники уголовного процесса на данной стадии можно условно разделить на следующие группы: «субъекты проведения проверки – обязательные участники: орган дознания, дознаватель, следователь, начальник органа дознания, руководитель следственного органа; как субъекты контрольно-надзорной деятельности: суд, прокурор (прокурор – обязательный участник, суд – при наличии ходатайств, жалоб, заявлений от других участников процесса); иные участники (участие данных лиц на данной стадии уголовного процесса зависит от обстоятельств каждого конкретного дела): защитник, эксперт, специалист, переводчик, понятой, заявитель, свидетель»¹.

¹ Огарь Ю.А. Возбуждение уголовного дела и начало уголовного преследования: проблемы соотношения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4(45). С. 136

Однако, статус заявителя в действующем уголовно-процессуальном законе сформулирован крайне невнятно, так, ст. 140 УПК РФ закрепляет обязанность субъекта проверки принять заявление в устной или письменной форме, предупредить об уголовной ответственности в соответствии со ст. 306 УК РФ, ст. 144 УПК РФ обязывает уведомить заявителя о принятом по результатам проверки решении.

Статусом свидетеля, в соответствии с ч.1 ст. 56 УПК РФ, может быть наделено лицо, только после возбуждения уголовного дела. Предусмотренная ч.1 ст. 144 УПК РФ возможность получения объяснений, не раскрывает ни процессуального статуса опрашиваемых лиц, ни конкретного процессуального порядка их получения, обеспечивающего признание полученных сведений допустимыми доказательствами.

Допустимые к производству следственные и иные процессуальные действия на стадии возбуждения уголовного дела, крайне немногочисленны, что и выступает процессуальным механизмом, обеспечивающим эффективность процессуального «фильтра», которым является стадия возбуждения уголовного дела. Однако, при определенных ситуациях, предусмотренными ст.144 УПК РФ процессуальными средствами, не представляется возможным установить обстоятельства, необходимые для при принятия законного решения по результатам проведенной проверки, в результате чего, с одной стороны лицам, вовлеченным в уголовный процесс, с определенной долей условности, гарантируется минимизация ограничения их прав и законных интересов, однако с другой стороны, в той же степени ограничиваются возможности восстановления нарушенных преступлением общественных отношений.

Уголовное преследование, имеет свою процессуальную цель, процессуальную форму, круг участников, требует принятия процессуального решения по результатам его производства.

Целью уголовного преследования, как следует из определения, является «изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления» (п. 5 ст. 55 УПК РФ), то есть доказывание факта совершения преступления конкретным лицом.

Исходя из законодательного определения, к субъектам, осуществляющим уголовное преследование относятся участники уголовного процесса со стороны обвинения.

Однако, при анализе закрепленных законом полномочий, становится понятно, что не у всех участников стороны обвинения таковые

полномочия имеются, а у тех, кого они есть, объем представленных полномочий не одинаков. Так среди субъектов уголовного преследования не представлены такие участники, как органы дознания, гражданский истец и его представитель.

Несмотря на то, что на прокурора, как и на следователя, дознавателя, орган дознания (ч.2 ст. 21 УПК РФ), возложена обязанность осуществления уголовного преследования, его полномочия характеризуются действиями надзорного характера: он проверяет законность и обоснованность процессуальных решений, принятых следователем и дознавателем, в установленных законом случаях, дает согласие дознавателю на возбуждение ходатайства перед судом о разрешении производства следственных действий, требующих судебного разрешения, дает обязательные для исполнения указания, в том числе и о направлении хода расследования, по окончании предварительного расследования, утверждает обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление. И на досудебных стадиях, и на судебных стадиях прокурор не имеет полномочий производства следственных действий.

Процессуальные возможности потерпевшего по уголовному преследованию сводятся к даче показаний, заявлении ходатайств, представлении доказательств. По делам частного обвинения, потерпевший получает статус частного обвинителя, что несколько расширяет его процессуальные возможности, однако, в данном случае речь идет уже о судебных стадиях уголовного процесса.

По делам частного-публичного и публичного обвинения, процессуальные возможности гражданского истца аналогичны потерпевшему, однако законодатель не включил его в число субъектов уголовного преследования даже в части, касающегося заявленного иска.

Законодателем отмечено, что уголовное преследование, как изобличительная деятельность направлена на подозреваемого или обвиняемого. Другими словами, подозреваемый и обвиняемый являются обязательными участниками уголовного преследования.

Учитывая, что подозреваемый получает свой статус в связи с совершением в отношении них предусмотренных законом процессуальных действий, а не в связи с имеющимися основаниями подозревать его в совершении преступления, остается «за скобками» вопрос первичности: лицо становится подозреваемым потому, что в отношении него начинается осуществление уголовного преследования или в отношении него начинается осуществление уголовного преследования потому,

что он стал подозреваемым? Законодательно данные формулировки говорят о том, что получение статуса подозреваемого первично относительно начала уголовного преследования. Однако, возникает проблема осуществления уголовного преследования лица, при наличии в отношении него оснований для подозрения в совершении преступления, при предусмотренного законом основания для наделения его статусом подозреваемого.

Если обратить внимание на позицию Конституционного Суда РФ¹, то можно говорить об уголовном преследовании не только подозреваемого (обвиняемого), но и лица, формально не наделенного таким статусом. Однако, возникает вопрос о юридических основаниях уголовного преследования.

Дискуссионным вопросом остается возможность осуществления уголовного преследования в отношении неустановленного лица. Так, С.И. Ильин придерживается мнения о возможности осуществления «персонифицированного (осуществляемое в отношении неопределенного лица) уголовного и персонифицированного (осуществляемого в отношении определенного лица, имеющего конкретный процессуальный статус)»².

Аналогичного мнения придерживается и О.А. Картохина³. Однако данная позиция справедлива при понимании уголовного преследования, как функции уголовного процесса, возникающей объективно при начале уголовного процесса. Деятельность же носит более конкретный характер и представляет собой вполне действия, совершаемые одним лицом (субъектом) в отношении другого лица.

Вопрос появления лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование непосредственно связан с вопросом определения начального момента уголовного преследования.

М.А. Чельцов связывал возбуждение уголовного преследования с началом уголовного процесса: «Фактическим началом процесса и яв-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс.

² Ильин С.И. Уголовное преследование в досудебном производстве. автореф... дис. кан. наук. М. 2007. С. 8.

³ Картохина О.А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 8.

ляется возбуждение уголовного преследования. Понимая под ним процессуальное решение в виде постановления соответствующего государственного органа, в котором устанавливается наличие в том или ином событии признаков уголовного преступления и принимается решение о его начале. В этот начальный момент объектом уголовного преследования не обязательно должно являться индивидуально-определенное лицо (оно может быть неизвестно), а всякий предполагаемый совершитель преступления»¹. Данное мнение отражает позицию законодателя раннего советского периода, когда законодателем не разграничивались понятия возбуждения уголовного дела и возбуждения уголовного преследования.

М.С. Строгович придерживался твердого убеждения что «уголовное преследование, как деятельность обвинительная, может осуществляться только в отношении обвиняемого, соответственно с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, при этом делая единственное исключение в виде возможности уголовного преследования подозреваемого, при его задержании или избрании меры пресечения»².

В настоящее время позиция М.С. Строговича не учитывает указанную выше позицию Конституционного Суда РФ, в части определения факта осуществления уголовного преследования, ориентируясь на конкретные действия должностного лица, которые могут быть оценены, как уголовное преследование, несмотря на отсутствие формально закрепленного статуса.

В связи с этим К.С. Агабеков формулирует свою позицию таким образом «началом уголовного преследования является момент осуществления следственных и иных процессуальных действий и принятия процессуальных решений участниками досудебного производства со стороны обвинения, содержание которых дает основание лицу полагать, что в отношении него осуществляется проверка на причастность его к совершению преступления. Данный факт признается вне зависимости от наличия у этого лица определенного процессуального статуса и в любой стадии реализации уголовно-процессуальных отношений»³.

¹ Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 348.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса [Текст] : [В 2 т.]. [Перераб. и доп. изд.]. М.: Наука, 1968-1970. Т. 1. С. 192–194.

³ Агабеков К.С. О начале уголовного преследования в условиях охранительного правосудия // Мировой судья. 2019. № 1. С. 18.

Однако, отсутствие точных критериев начала таких процессуальных действий, что оставляет возможности для различного рода спекуляций и злоупотреблений, поскольку мнения участников уголовного процесса относительно характера производимых действий могут отличаться.

Поэтому представляется обоснованной точка зрения З.Ш. Гатауллиной о том, что «для начала уголовного преследования необходимы обязательные процессуальные предпосылки: поводы и основание»¹, аналогичные поводам и основаниям возбуждения уголовного дела.

Кроме того, возникают еще противоречия, касающиеся момента начала уголовного преследования относительно принятия решения о возбуждении уголовного дела. С позиции законодателя уголовное преследование осуществляется в отношении подозреваемого или обвиняемого, то есть – после возбуждения уголовного дела. В то же время, положение ч.2 ст. 21 УПК РФ закрепляет обязанность отдельных субъектов уголовного процесса, начинать уголовное преследование с момента получения сообщения о преступлении. Учитывая уже неоднократно рассмотренную выше позицию Конституционного Суда РФ, можно сделать вывод, что правило о необходимости возбудить уголовное дело прежде, чем начать уголовное преследование уже не является безусловным.

В этой связи заслуживает внимание мнение С.А. Яковлевой, полагающей, «что момент возникновения уголовного преследования следует определять раньше вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, то есть с принятия и регистрации сообщения о готовящемся или совершенном преступлении, поскольку эта поступившая в правоохранительные органы информация в обязательном порядке с учетом ст. 144 УПК РФ подвергается проверке на предмет установления наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также события преступления, как обстоятельства, подлежащего доказыванию (п. 1 ст. 73 УПК РФ)»².

С данной позицией согласны далеко не все. Так, Н.Н. Кузнецова утверждает следующее: «проверка сообщения о преступлении, по нашему мнению, не относится к уголовному преследованию, поскольку еще не сделан вывод о наличии признаков преступления,

¹ Гатауллин З.Ш. Понятие и содержание уголовного преследования в состязательном судопроизводстве // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 4 (38).

² Яковлева С.А. Начало возникновения уголовного преследования // Марийский юридический вестник. 2013. № 10.

а также не предусмотрен механизм уведомления лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, о такой уголовно-процессуальной деятельности»¹.

Теоретически, может показаться, что дискуссия начинается на пустом месте: необходимо просто принять, что уголовное преследование можно начать только после установления факта совершения преступления, причем с процессуальной фиксацией данного факта вынесением постановления о возбуждении уголовного дела. Однако, на практике нередко можно встретить ситуацию, при которой принять решение о наличии признаков преступления можно только после производства следственного действия, которое допустимо лишь после возбуждения уголовного дела (например: есть основания полагать, что у лица при себе находится наркотическое средство, однако, для установления признаков преступления (что это действительно наркотическое средство и каков его размер), необходимо это средство у него найти, изъять, провести судебную экспертизу и только после этого, может быть принято решение о наличии или отсутствии признаков преступления).

Поэтому и видится решение данного коллизии в отсутствии прямой зависимости решения о начале уголовного преследования от решения о возбуждении уголовного дела. Безусловно, возникает вероятность того, что проверяемое событие не является преступлением и уголовному преследованию подвергается лицо, не совершавшее преступление.

По нашему мнению, в условиях современной модели российского уголовного судопроизводства, при условии конституционно установленного приоритета прав, свобод и законных интересов личности перед интересами государства и общества, введения состязательных начал, усиления контролирующей функции суда, освобождения его от обязанности уголовного преследования, значение данной стадии несколько изменилось, вследствие чего содержание некоторых признаков данной стадии, ранее служившие гарантией прав его участников в советском уголовном процессе, стало препятствовать эффективному функционированию системы уголовного судопроизводства.

¹ Кузнецова Н.Н. Сравнительно-правовой анализ уголовного преследования по законодательству Федеративной Республики Германии и Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3. С. 22.

Таким образом, анализируя значение проводимой на стадии возбуждения уголовного дела процессуальной деятельности, а также принимаемого по ее результатам решения о возбуждении уголовного дела, следует учитывать те социальные, политические и экономические условия, в которых принималось решение о введении данного процессуального института. Даже если предположить эффективность принятых в 30-е года прошлого века процессуальных мер, по нашему мнению, было бы наивно рассчитывать на ту же эффективность, спустя почти столетие, в принципиально других социальных, экономических и политических условиях. Анализ процессуальных норм, регламентирующих деятельность на первом этапе уголовного процесса, показывает большое количество пробелов, снижающих эффективность их применения. Правовая регламентация уголовного преследования также еще оставляет возможности для совершенствования.

Представляется излишне категоричным, принимать радикальное решение о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, равно как и отдельно взятого решения о возбуждении уголовного дела. В то же время и та форма, в которой данная стадия существует в настоящее время, по нашему мнению, не в полной мере отвечает тем требованиям, которые перед ней поставлены современные реалии.

Поэтому есть основания согласиться с Б.Т. Безлепкиным, что «законодательство о возбуждении уголовных дел нуждается в коренном обновлении в рамках УПК, исходя из того, что оно имеет важнейшее значение: именно возбуждение уголовного дела открывает дверь для применения комплекса жестких мер государственного (процессуального) принуждения, сравнимых с уголовным наказанием. Для укрепления режима законности возбуждения уголовных дел нужны дополнительные надежные гарантии обоснованности»¹.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

Понятия «возбуждения уголовного дела» и «уголовного преследования» постоянно эволюционировали в соответствии с теми запросами, которые ставили общество и государство перед уголовным процессом. Поэтому нет оснований ожидать, что данные понятия будут неизменны на каждом историческом этапе.

¹ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 672 с. // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем, на современном этапе, возникает потребность, в первую очередь – в исключении практики применения в уголовном судопроизводстве терминологии, имеющей два, три и более значений; во-вторых, в разграничении таких видов уголовно-процессуальной деятельности, как производство по уголовному делу и уголовное преследование и «возбуждение уголовного дела» и «начало уголовного преследования» - как частные юридические факты, констатирующие момент начала соответствующего вида уголовно-процессуальной деятельности.

Под уголовным преследованием предлагается понимать производимую в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом деятельность уполномоченного органа государственной власти или должностного лица, направленную на изобличение лица в совершении преступления, в отношении которого имеются основания для подозрения в совершении деяния, содержащего признаки преступления, для подозрения в совершении преступления, для обвинения в совершении преступления.

Основанием для возбуждения уголовного преследования следует считать наличие достаточных данных или доказательств для возникновения у субъекта, производящего проверку сообщения о преступлении в отношении конкретного лица подозрения в совершении им деяния, содержащего признаки преступления, а у субъекта, осуществляющего производство предварительного расследования – подозрения в совершении преступления.

Началом уголовного преследования следует полагать момент возникновения основания для возбуждения уголовного преследования, который получает свое юридическое выражение в вынесении субъектом, проводящем проверку сообщения о преступлении или осуществляющем производство по уголовному делу в отношении неустановленного лица, постановления о возбуждении уголовного преследования.

Производство по уголовному делу – деятельность, производимая уполномоченным субъектом с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела до принятия итогового процессуального решения по уголовному делу.

Моментом возбуждения уголовного дела следует считать момент возникновения основания для его возбуждения, юридически выражающийся моментом вынесения уполномоченным субъектом постановления о возбуждении уголовного дела.

Производство по уголовному делу и уголовное преследование могли бы соотноситься между собой как целое и его часть, однако, этому выводу препятствуют следующие факторы:

1. Не всегда субъект, уполномоченный осуществлять уголовное преследование вправе осуществлять производство по уголовному делу (частный обвинитель, государственный обвинитель), а также не всегда субъект, управомоченный осуществлять производство по уголовному делу, вправе осуществлять уголовное преследование (суд);

2. Учитывая, что момент начала уголовного преследования при определенных условиях предшествует моменту возбуждения уголовного дела, более того, при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 24 УПК РФ, даже момент окончания уголовного преследования предшествует моменту возбуждения уголовного дела, можно сделать вывод о том, что уголовное преследование может осуществляться вне пределов производства по уголовному делу, равно как и производство по уголовному делу может осуществляться без уголовного преследования.

Поэтому уголовное преследование можно было представить, как одну из форм уголовно-процессуальной деятельности, реализующую одноименную процессуальную функцию, осуществляемую в рамках производства по уголовному делу.

Первая стадия уголовного процесса в том виде, в котором она существует в настоящее время, не в полной мере обеспечивает эффективную реализацию задач уголовного судопроизводства. При этом, полный отказ от стадии возбуждения уголовного дела и необходимости принятия итогового для данной стадии процессуального решения, представляется излишним, однако, для повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, требуется корректировка целей стадии, процессуальных статусов участников уголовного процесса на данной стадии, процессуальных сроков, процессуальной формы, а также правовое урегулирование уголовного преследования.

Общие условия стадии возбуждения уголовного дела

Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ¹, стадия возбуждения уголовного дела является обязательной, актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием, которое обеспечивает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия и суда и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что нельзя привлечь лицо в качестве подозреваемого в связи с совершением им преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось. Процедура возбуждения уголовного дела призвана обеспечить принятие законного решения по результатам проведенной проверки».

Для признания этапа уголовно-процессуальной деятельности в качестве самостоятельного, он должен соответствовать некоторым требованиям, которые законодателем предъявляются к каждой самостоятельной стадии уголовного судопроизводства. Стадия должна иметь:

- свои собственные задачи;
- свой круг участников-субъектов, особенности их взаимодействия;
- четко очерченный момент ее начала и окончания;
- специфическую процессуальную форму, то есть порядок действий на ней должностных лиц и процессуальную оболочку, в которую облачаются все собранные и закреплённые на конкретном этапе доказательства;
- свои итоговые процессуальные решения;
- свои собственные сроки для проверки и принятия итогового решения;
- определенное отражение ряда принципов, закреплённых в главе 2 УПК РФ.

Существует мнение процессуалистов, которые кроме указанных выше особенностей, присущих каждой конкретной стадии, выделяют

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по жалобе Башира Болкоева от 17 декабря 2020 года № 89-УДП20-10 [Электронный ресурс] // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1952602.

и такой специфический элемент самостоятельности стадии как общие условия. Утверждая, что последние помогают более четко, нежели процессуальная форма, разграничить стадии судопроизводства.¹

Такая позиция основана в том числе и на структуре самого Уголовно-процессуального кодекса. В нем исторически, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864г.² выделялись общие условия стадии предварительного расследования. Сейчас это глава 21 УПК, в которой среди общих условий выделены правила подследственности; соединения, выделения и восстановления уголовных дел; начала и окончания расследования; особенности производства неотложных следственных действий; обязанности следователя или дознавателя по рассмотрению ходатайств; обязанность принятия мер по обеспечению гражданского иска и обеспечению тайны следствия; обязанность принять меры попечения об иждивенцах подозреваемого и об его имуществе.

Аналогично в действующем УПК закреплены и общие правила для судебных стадий: подготовки к судебному разбирательству, производства в суде первой и второй инстанции. Они выделены в отдельную главу 35 УПК РФ.

Это свидетельствует о важности этих условий, и о том, что общие условия не только можно отнести к обязательному элементу стадии, как самостоятельному этапу уголовного процесса, но и даже необходимо структурно выделить их в кодексе.

Что же понимается в научной литературе под общими условиями? В словаре С.И. Ожегова, слово «условие» трактуется в нескольких интерпретациях – «это обстоятельства, от которых что-нибудь зависит; правила, установленные к какой-нибудь области, обеспечивающее нормальное функционирование чего-либо; обстановка, в которой

¹ Усачев А. А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 69.

² Устав уголовного судопроизводства. Неофициальное издание (Свод законов Т. 16, ч.1, изд. 1914 года). С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями правительствующего Сената и циркулярами Министерства Юстиции / сост. М.П. Шрамченко и В.М. Широковым. изд. Седьмое, исправл. и доп. Петроград: Тип. И.О. Крамова, 1916. 1414 с.

происходит или осуществляется что-то; данные или требования, лежащие в основе чего-либо, из которых следует исходить»¹.

В науке под общими условиями (в частности под общими условиями стадии предварительного расследования), понимают: установленные уголовно-процессуальным законом и основанные на принципах уголовного судопроизводства положения (требования), которые выражают природу, сущность и содержание стадии²; установленные законом положения, которые характеризуют стадию, регламентируют порядок деятельности должностного лица, производящего расследование. Данные правила распространяются только на конкретную стадию уголовного судопроизводства в течение всей ее продолжительности³;

Указанные авторы и ряд других предлагают сгруппировать правила конкретной стадии по различным основаниям, однако однозначный подход к способу формирования перечня общих условий отсутствует. Можно предложить объединить и структурировать общие условия стадии в следующие группы:

- группа условий, указывающих на начальный момент стадии;
- группа условий, обеспечивающих права и законные интересы участников стадии;
- группа условий, связанных с полнотой, быстротой, всесторонностью и объективностью производимых должностными лицами действий на стадии;
- группа условий, относящихся к порядку вынесения итоговых процессуальных решений стадии.

Таким образом, сущность общих условий состоит в том, что они подробно раскрывают назначение и содержание той стадии уголовного процесса, к которой относятся.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 60000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 821

² Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. д.ю.н., профессора Э.К. Кутаева. – 3-е изд., перераб. и доп. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 243.

³ Качалов В.И. Общие условия предварительного расследования: проблемы и перспективы развития // Российское правосудие. 2011. № 12(68). С. 55–68.; Белкин А. Р. Общие условия предварительного расследования: проблемы и перспективы их развития // Уголовное судопроизводство. 2015. № 1. С. 8–13; Османова Н. В. Публичные и частные начала общих условий предварительного расследования // Российский следователь. 2020. № 4. С. 38–41.

Значение общих условий проявляется в том, что они в первую очередь способствуют реализации задач, состоящих перед стадией. Сквозь призму принципов уголовного процесса они призваны повысить эффективность действий должностных лиц по обеспечению двуединой цели уголовного процесса, являющейся ее назначением. Если исходить из представления о том, что весь уголовный процесс строится на единой системе принципов, то следует предположить, что общие условия той или иной стадии есть специфическое проявление одних и тех же принципов только в разных условиях. Если принципы уголовного процесса являются правилами для всего уголовного процесса в целом, пронизывают все его стадии и институты, распространяя свое действие на самые важные правоотношения, то общие условия - это такие же правила и гарантии для участников только на одной конкретной стадии. Получается, что существующий блок «общих условий» выступает в качестве посредника между общим принципом и конкретной правовой нормой.

В разделе 7 УПК РФ и двух главах в этом разделе – 19 и 20, посвященных стадии возбуждения уголовного дела, структурно отсутствуют общие условия стадии. Такой значимый блок в системе досудебного производства, который служит основой для всех остальных стадий остался неоправданно обделен правовым регулированием в части нормативного закрепления общих условий, которые могли бы там быть, могли бы найти свое отражение. Однако, это не значит, что общие условия вообще не присущи данной стадии, так как в статьях главы они так или иначе раскрываются. Их закрепление обусловлено и необходимо лишь для упорядочивания закона, приданию ему единообразной структуры. Лишь детально проработанный закон может гарантировать заинтересованным сторонам соблюдение их законных интересов.

Каким образом можно было бы структурировать общие условия стадии возбуждения уголовного дела. Будем рассуждать, опираясь на специфические элементы стадии и отражения в них конкретных принципов уголовного процесса.

Стадия возбуждения уголовного дела является самостоятельной по большей части от того, что решает совершенно самостоятельную задачу, присущую только ей. Именно здесь обеспечивается принятие и регистрация сообщений, проводится их проверка надлежащими способами и в результате этой проверки выясняется наличие или отсутствие признаков преступления. Действия должностных лиц органов

дознания, следователя всецело направлены на решение этой задачи, поэтому логично было бы определить круг полномочий или правил, способствующих выполнению этих задач, стоящих перед ними. Постараемся сгруппировать общие условия стадии возбуждения уголовного дела по блокам. К примеру:

Первый блок касается обязанности принятия и регистрации сообщений о преступлении, являясь отражением принципа публичности, обязанности по большинству уголовных составов осуществления уголовного преследования от имени государства, преследуя общественный, а не личный интерес. Также тут воплощается и назначение уголовного судопроизводства в части требования, обращенного к должностным лицам позаботиться о защите законных интересов потерпевших, путем предоставления им конституционного права на скорейший доступ к правосудию;

Второй блок условий отражает принцип законности и касается наличия повода и оснований, как факторов принятия решения о возбуждении уголовного дела. Начало стадии тоже связано с их обнаружением и проведением всесторонней проверки. На основе чего должно приниматься обоснованное и мотивированное решение;

Третий блок условий также демонстрирует принцип законности (ст. 7 УПК) и тут в полной мере будет выступать условие, касающееся действий и решений должностных лиц на стадии возбуждения уголовного дела. Следует закрепить правила производства проверки по материалу специально уполномоченными на то государственными органами, разграничив их компетенции в зависимости от правил подследственности. Установить правила возбуждения уголовных дел частного, частно-публичного и публичного обвинения. Порядок и основания отказа в возбуждении уголовного дела. Прокурорский надзор и ведомственное процессуальное руководство органами, осуществляющими проверку на этапе возбуждения уголовного дела;

Четвертый блок касается быстроты сроков проверки по поступившему сообщению о преступлении и принятия итоговых процессуальных решений, являясь отражением принципа, предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ о разумных сроках уголовного судопроизводства. А именно части 3.1 указанной статьи, где сказано, что в разумный срок уголовного досудебного производства включается период со дня подачи заявления;

Пятый блок условий должен касаться правил производства при проверке сообщения о преступлении закрытого перечня дозволенных

законом следственных действий, административных процедур, оперативно-разыскных мероприятий и иных проверочных действий. Целый ряд принципов раскрывается в этом блоке: принцип законности, уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности жилища, презумпция невиновности и правила свободной оценки доказательств;

Шестой блок условий – это обеспечение лицам, вовлеченным на этапе проверки по материалу в процессуальную деятельность, возможности защиты своих законных интересов. Это непосредственное отражение принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, а также связанных с ним принципов, касающихся прав участников уголовного судопроизводства на защиту, на переводчика, на обжалование действий и решений должностных лиц, на возможность не свидетельствовать против себя и своих близких родственников.

Рассмотрим актуальные вопросы стадии возбуждения уголовного дела через предложенную систему ее общих условий:

Специфический круг участников стадии при проверке сообщения о преступлении, как элемент общих условий.

В ч.1 ст. 144 УПК РФ указаны лица, в обязанности которых входит принятие и проверка сообщения о преступлении. Это дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа. Традиционно нет единой правовой позиции по вопросу понимания кого из должностных лиц органов внутренних дел можно отнести к органам дознания, какие службы полиции. Поскольку то определение, которое есть в кодексе (ст. 5 и ст. 40 УПК РФ) не дает нам четкого понимания. Поэтому на уровне субъектов и даже на районном уровне мы можем наблюдать противоречивую практику, когда где-то проводят проверку по поступившему сообщению о преступлении только оперативные работники служб УР и БЭП, а где-то еще и сотрудники службы УУ-ПиПДН непосредственно по своей должности; в отдельных районах последним рекомендовано приписывать себе приставку «ИО дознавателя». Вынесение итогового процессуального решения в виде отказа в возбуждении уголовного дела тоже в некоторых районах доверяют только сотрудникам оперативного аппарата. Считая, что к органам дознания могут быть отнесены лишь те службы полиции, в непосредственные обязанности которых входит раскрытие преступлений, да еще и сотрудники с высшим юридическим образованием. В ведомственных нормативно-правовых актах также нет определенности в этом вопросе. Целесообразно урегулировать правоприменительную практику, привести ее в единообразие, уточнением в ст. 144 УПК РФ,

какие должностные лица, какие службы органа дознания (в ОВД) могут проводить проверку по поступившему сообщению о преступлении, производя следственные действия. Установить требования к виду и уровню их образования, если в этом все таки есть необходимость.

Кроме вышеуказанных, есть и другие должностные лица, участвующие на этой стадии. В 6 главе УПК можно встретить вразброс компетенции иных должностных лиц, принимающих здесь участие так или иначе. Поэтому оправданно было бы эти полномочия включить в статью 144 УПК РФ. К примеру:

Начальник органа дознания уполномочен поручать проверку сообщения о преступлении и принятие по нему решения, лично может рассматривать и участвовать в ее проверке. Он же продлевает срок проверки по материалу органам дознания до 10 суток, уполномочен проверять материалы проверки, находящиеся у органа дознания, дознавателя, поручает должностным лицам органа дознания исполнения письменных поручений следователя, дознавателя.

Начальник подразделения дознания уполномочен поручать дознавателю проверку сообщения о преступлении и принятие по результатам этой проверки итогового решения, вправе проверять материалы проверки, находящиеся в производстве дознавателя и давать указания о квалификации, производстве отдельных следственных действий.

Руководитель следственного органа тоже уполномочен проверять материалы проверки сообщения о преступлении, давать следователю обязательные для исполнения письменные указания, продлевает следователю срок рассмотрения сообщения о преступлении до 10 суток, или в исключительных случаях, до 30 суток.

Прокурор и суд осуществляют контроль по жалобам участников уголовного процесса на этой стадии. Прокурор кроме того еще уполномочен проверять исполнение требований федеральных законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; вправе требовать и от органов дознания, и от следственных органов устранения нарушений закона, допущенных на этой стадии; продлевает органам дознания срок проверки сообщения о преступлении при возникновении исключительных обстоятельств до 30 суток; поручает органам дознания проведение проверки по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации.

Субъектами, правомочными принимать решение о возбуждении уголовного дела являются: следователь, руководитель следственного

органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, орган дознания. Причем согласно ст.149 УПК РФ следователь, возбудив уголовное дело, приступает к производству предварительного следствия, так же как и его руководитель, а дознаватель или начальник подразделения дознания приступает к производству дознания по составам своей подследственности. Орган же дознания по преступлениям не своей подследственности производит неотложные следственные действия и далее действует в порядке ст.157 УПК РФ.

Иными лицами, вовлекаемыми на эту стадию, могут являться: заявитель, пострадавший, очевидцы, лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние, переводчик, понятые, специалист, эксперт, защитник, представитель. Давно обсуждается существующий пробел уголовно-процессуального регулирования правового статуса лиц вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальных отношений на начальном этапе судопроизводства¹. Весьма расплывчато процессуальное положение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, как центрального участника стадии возбуждения уголовного дела, а также таких субъектов, как пострадавший/заявитель и очевидец. Нет определенности в круге прав, обязанностей и ответственности этих участников. Хотя после решения Конституционного Суда² УПК и был дополнен набором одинаковых для всех общегражданских прав (ст 144 ч1.1 УПК РФ), но все равно статус этих лиц остался в пустоте. Так как в ст. 5 УПК отсутствует определения для этих лиц. Действующие положения УПК РФ не обеспечивают законные интересы пострадавшего в случае отказа в возбуждении уголовного дела. В связи с этим не беспочвенны предложения ученых закрепить в ст. 148 УПК РФ право пострадавшего/заявителя знакомиться со всеми документами, составляющими материал проверки сообщения о преступлении в полном объёме, возможность выписывать и копировать документы с помощью собственных технических средств³. В 2013

1 Филимоненко И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис... канд. юрид. наук. Омск, 2021.

2 Постановлении Конституционного Суда от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова».

³ Шипицина, Виктория Валерьевна. Обеспечение прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 21 с.

году отечественный законодатель впервые признал наличие факта уголовного преследования в стадии возбуждении уголовного дела, наделив лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, правом на защитника (ч3 п6 ст. 49 УПК РФ), но при этом не урегулировал избыточную деятельность органов дознания и следствия в отношении него.

Регистрация сообщений о преступлении как условие начала стадии.

Законодатель в 7 разделе УПК РФ «Возбуждение уголовного дела» отдельно нигде не прописывает процедуру приема и регистрации поступившего сообщения о преступлении, указывая лишь, что после приема сообщение подлежит проверке, заявителю выдается документ о принятии у него заявления, отказ в приеме сообщения о преступлении может быть обжалован прокурору или в суд. Сам порядок принятия и регистрации первоначальной информации о преступлениях детально регламентирован только ведомственным приказом¹, где указано, что принимаются сообщения о преступлении круглосуточно в дежурных частях ОВД. Процесс регистрации состоит из трех последовательных этапов - присвоение номера из книги учета сообщений о происшествиях (КУСП), проставление штампа о регистрации на самом сообщении и заполнение и выдача заявителю отрывной части талона- уведомления. Здесь следует согласиться с мнением Н.А. Власовой, полагающей, что в содержание стадии возбуждения уголовного дела включается, помимо прочего, процессуальная деятельность по приему информации о преступлении, ее оформление и регистрация². Законодателю в статье 144 УПК РФ следует подчеркнуть, что регистрация сообщения о преступлении имеет столь же важное значение, как и его прием, поскольку именно с момента регистрации сообщения в КУСП начинают истекать предусмотренные законом сроки стадии возбуждения уголовного дела.

Специфические способы решения стоящей перед стадией задачи

¹ Приказом МВД России № 736 от 29.08.2014 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД РФ заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях // Российская газета. 2014. № 260.

² Власова Н.А. Досудебное производство в уголовном процессе. М., 2000. С. 68.

Продолжаются споры и научные дискуссии о регламентации предварительной проверки поступивших сообщений, объёма полномочий тех должностных лиц, кто ее осуществляет. Орган дознания, дознаватель или следователь, которые сейчас имеют решающее значение по принятию итогового решения в этой стадии, фактически управляют началом уголовного процесса, что в некоторых случаях может послужить злоупотреблением ими своей полномочий, в связи с чем предлагается вернуть прокурору роль процессуального руководителя стадии. Сейчас возможности прокурорского надзора за вынесенным должностными лицами решением существуют только в форме подписания карточки на выявленное преступление, без которой возбужденному уголовному делу не присвоят номер. Также как и возможность прокурора или руководителя следственного органа отменять незаконное итоговое решение.

Так или иначе, порядок предварительной проверки поступающих в дежурную часть ОВД сообщений о преступлениях, урегулирован ст. 144 УПК РФ, здесь же приведен перечень дозволенных проверочных действий¹. Процессуальный режим этой стадии предусматривает возможность при проверке сообщения о преступлении производить административные действия, предусмотренные ч1 ст. 27.1 КоАП РФ и 12 статьей ФЗ о полиции, а также использовать средства прокурорской проверки, весь перечень оперативно-розыскных мероприятий и другие проверочные действия, список которых не ограничен – можно получать объяснения; проводить судебно-медицинское освидетельствование; истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, предусмотренном действующим УПК РФ; есть возможность проведения инвентаризации, документальных проверок, ревизий; исследований документов, предметов, трупов, с правом привлечения специалистов и др.

Указание законодателя на возможность изъятия предметов и документов не вполне корректно, поскольку такого следственного действия УПК не предусматривает. Наиболее близка по отношению к истребованию и изъятию по правилам УПК РФ – это выемка, предусмотренная ст. 183 УПК РФ. Однако ее производство до возбуждения уго-

¹ Ряполова, Я.П. Процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела: правовые, теоретические и организационные основы: дис... канд. юрид. наук. Курск, 2012.

ловного дела недопустимо. Поэтому, право изъятия может быть реализовано или в рамках части 4 статьи 21 УПК РФ; или в ходе осмотра места происшествия, осмотра предметов/документов, так как эти следственные действия разрешены до возбуждения уголовного дела; в ходе реализации административных полномочий сотрудниками органов дознания; посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий оперативными сотрудниками.

Имеется ряд проблем при проведении исследований предметов и документов, документальных проверок и ревизий, производства экспертиз. Заключаются они, преимущественно в большой длительности и несогласованности сроков проведения проверок между уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными актами учреждений, чьи специалисты, привлекаются правоохранительными органами к производству рассматриваемых действий.

Важно остановиться на некоторых аспектах допустимых на этом этапе следственных действиях, направленных на закрепление и фиксацию следов преступления, сейчас среди них: производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, назначение и производство экспертизы. Прослеживается тенденция к расширению перечня возможных следственных действий на этом этапе, предлагается предоставить возможность производства допроса и иное. В совокупности такие действия законодателя следует рассматривать как попытку придать безусловное доказательственное значение сведениям, полученным до возбуждения уголовного дела, что в общем-то неплохо, но одновременно ведет к стиранию границ между досудебными стадиями. Поэтому скорее это неоправданно, так как недопустима подмена на этом этапе полноценного предварительного расследования, это может привести к ограничению основных конституционных прав граждан.

Также немаловажно отметить, что никакие меры уголовно-процессуального принуждения недопустимы на этой стадии, пока не возбуждено уголовное дело. В этом аспекте высказываются научно обоснованные мнения о невозможности производства освидетельствования как следственного действия, предусмотренного ст. 179 УПК РФ. Поскольку о его производстве выносится постановление, которое является обязательным для освидетельствуемого. Понятые вообще не участвуют в освидетельствовании, да еще и фото/видео фиксация только с разрешения освидетельствуемого. Тем самым нарушаются

конституционные права человека и все-таки применяется принуждение, что, как указывалась выше, недопустимо. Аналогичной позиции придерживается Б.Т. Безлепкин, указывая, что освидетельствование «по своему характеру является принудительным и сопряжено с ущемлением права на неприкосновенность личности»¹. Применительно же к судебно-медицинскому освидетельствованию отметим, что его следует рассматривать в форме заключения специалиста. Получение образцов для сравнительного исследования, как следственное действие, предусмотренное статьей 202 УПК РФ тоже возможно в исключительных случаях до возбуждения уголовного дела, тоже без участия понятых и с вынесением соответствующего постановления, то есть имеет явный принудительный характер.

Законом предусмотрена возможность использования в доказывании сведений, полученных на этой стадии.² Собранные сведения получают статус полноценных доказательств при условии соблюдения положений ст. 75, 89 УПК РФ. С одной стороны, нельзя не приветствовать такую позицию законодателя. С другой стороны, все равно приходится относиться скептически и настороженно к собранным сведениям, перепроверять их заново дальше на стадии уже предварительного расследования. В этой связи совершенно неясна логика законодателя, ведь если собирание доказательств происходит еще на этапе «до следственной проверки», то зачем же следует ограничивать перечень процессуальных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела? Даже при проведении дознания в сокращенной форме хотя дознаватель и вправе, как говорит нам закон, не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения; не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования; не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, (ст.226.5 УПК РФ), все равно в каждом случае с учетом дефицита и не всегда некачественного сбора этих самых сведений, приходится так или иначе перепроверять их заново.

¹ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2002. С. 231.

² См., например: Пальчикова Н.В. Теоретические и практические проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Специфическая структура стадии: начальный момент- условие обнаружения повода, его регистрация, протяженность во времени по срокам проверки и конечный момент- принятие одного из решений на основании собранных доказательств.

Исчерпывающий перечень таких поводов приводится непосредственно в законе (ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Здесь названы: во-первых, два определенных повода – заявление о преступлении и явка с повинной. А во-вторых сформулировано обобщающее положение, охватывающее практически все возможные ситуации, когда правоохранительный орган получает относящуюся к его уголовно-процессуальной компетенции информацию - сообщение о совершенном или готовящемся преступлении. Также можно увидеть еще один пункт среди поводов – постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Наличие в законе этого повода связано с тем, что сам прокурор не имеет полномочий по принятию итоговых процессуальных решений на этой стадии. Еще один повод для возбуждения уголовного дела относится исключительно к налоговым преступлениям, предусмотренным ст.198 – 199.2 УК РФ, и появился в начале 2022года. Им являются только лишь материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Это означает, что для предпринимателей, нарушивших налоговое законодательство, создан специальный порядок возбуждения уголовных дел: следственные подразделения СК РФ или сотрудники оперативного аппарата вправе провести предварительную проверку сообщения о налоговом преступлении только при условии, что повод для возбуждения уголовного дела сформирован на основании сообщения, поступившего из налогового органа. Такое нововведение очевидно идет вразрез с публичными началами уголовного судопроизводства, устанавливая жесткую зависимость решений органов и должностных лиц, производящих проверку от решения налогового органа. Органы предварительного расследования лишаются возможности при отсутствии соответствующего решения налогового органа выполнить предусмотренную ч. 2 ст. 21 УПК РФ обязанность в каждом случае обнаружения признаков преступления принять предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению причастного лица. Можно сказать, что оперативно-розыскная деятельность по выявлению и пресечению налоговых преступлений утратила актуальность,

возбудить уголовное дело по результатам ОРД без проведения налоговых проверок теперь невозможно.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает в качестве основания для возбуждения уголовного дела наличие в материалах проверки по сообщению о преступлении достаточных данных, указывающих на признаки преступления (общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость). Таким образом закон не требует на этой стадии установления в совокупности сразу 4-х элементов состава, или установление самого лица, совершившего преступление. Необходимо лишь установление объективной стороны состава преступления.

Если сообщение о преступлении делается в устном виде, то оно обязательно заносится в соответствующий протокол, в котором заявителю должны быть разъяснены его права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК и запись о том, что заявитель предупрежден об уголовной ответственности по ст. 306 УПК РФ. Так при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица, должностное лицо, которому поручена проверка и принятие решения обязаны дать юридическую оценку действиям заявителя в части возбуждения в отношении него самого уголовного дела за заведомо ложный донос (ст. 148 ч. 2 УПК РФ).

Анонимные сообщение и письма, то есть такие, которые не содержат в себе сведений о лице (его фамилии и местонахождения), не признаются поводом для возбуждения уголовного дела и не регистрируются в книге КУСП¹. Если в них указываются конкретные факты, свидетельствующие о подготовке или совершении преступления, то, конечно, осуществляется их проверка. И при подтверждении этих фактов должностному лицу, проводившему проверку необходимо составить рапорт об обнаружении признаков преступления, который и будет в таком случае поводом для возбуждения уголовного дела.

Явка с повинной представляет собой добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении, признание своей вины с намерением передать себя в руки правосудия. При этом добровольность означает, что лицо имело реальную возможность не являться с повинной, но, тем не менее, предпочло сообщить о содеянном, и приняло оно

¹ Кроме тех, которые содержат информацию о совершенном или готовящемся террористическом акте.

это решение самостоятельно, а не под воздействием какого-либо принуждения. На практике при получении так называемой явке часто происходит нарушение принципа добровольности, когда лицо не имеет возможности защитить свои процессуальные и конституционные права. По этому поводу Верховный Суд высказал свою правовую позицию и обязал суды при наличии в деле явки с повинной проверять, разъяснялись ли обвиняемому его права, в том числе право пользоваться услугами адвокатов, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и не свидетельствовать против себя, и была ли обеспечена возможность осуществления этих прав. Если следственные органы не выполнили этих требований, то такая явка с повинной не должна приниматься в качестве доказательства¹. В самой же статье 142 УПК не прописан ни порядок ее получения, ни обязательное участие адвоката, что входит в конфликт с иммунитетом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ.

О каком бы поводе для возбуждения уголовного дела не шла речь, необходимо понимать, что есть правила к документальной форме его закрепления, то есть к тому документу, в котором изложена первичная информация о преступлении.

После регистрации сообщения о преступлении в полномочиях начальника органа дознания письменно поручить надлежащему должностному лицу проверить это сообщение и принять по нему законное решение. Проверка сообщений о преступлении ограничена довольно короткими сроками - до 3 суток (с момента регистрации сообщения о происшествии) с возможным продлением до 10 и в исключительных случаях до 30 суток. При передаче сообщения по подследственной срок определяется со дня их поступления в соответствующий территориальный орган² Действующее законодательство, устанавливающее

¹ пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре».

² П. 32 Приложение 1. Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России N 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» (приложение: "Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях", "Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений", "Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов") (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339).

такие весьма сжатые сроки, является понятным и логичным в части быстрого реагирования на преступление, в существенном изменении в этой части скорее не нуждается. Имеющиеся проблемы как: незаконные отказы в возбуждении уголовного дела и намеренное затягивание сроков проверки, по поступившему сообщению, о преступлении является проблемой скорее правоприменительной практики. В этой части необходим баланс контрольно-надзорной компетенции прокуратуры, а также со стороны ведомственных органов.

Актуальные вопросы принятия итоговых решений стадии возбуждения уголовного дела.

Виды решений, принимаемых должностным лицом по факту проверки ими сообщения о преступлении указаны в ст. 145 УПК РФ, при этом могут быть обжалованы заинтересованными лицами в установленном законом порядке и оформляются постановлением: о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела и о передаче сообщения по подсудности в соответствии со статьей 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения - в суд в соответствии с ч.2 ст. 20 УПК РФ. Заметим, что последнее решение по сути своей является промежуточным, поскольку тот орган, который получит этот направленный материал в итоге обязан принять решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Интересно, что правоприменительной практикой выработан еще один дополнительный вид решения, отсутствующий в ст. 145 УПК РФ. Как указывалась выше стадия возбуждения уголовного дела является одной из самых коротких стадий, поэтому нередко должностное лицо, которому поручена проверка и принятие решения в этой стадии ввиду загруженности, вала материалов при дефиците сотрудников полиции во многих службах, объема проверки, не успевает в срок провести качественную и всестороннюю проверку поступившего сообщения о преступлении. Поэтому приходится по сути выносить заведомо незаконное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Чтобы хоть как-то оправдать такие действия, данное постановление орган дознания выносит одновременно с ходатайством об его отмене от имени своего вышестоящего руководства на имя надзирающего прокурора. Не приходится даже и говорить о том, что такая процедура не соответствует требованиям УПК РФ.

Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела публичного обвинения установлен ст.146 УПК РФ. Особенности возбуждения

уголовного дела частного и частно-публичного обвинения установлены ст.147 УПК РФ. От следователя, дознавателя, органа дознания, при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела, требуется одновременно в нем прописать один из поводов, указанных в ст. 140 УПК РФ и основание. Копию решения надлежит незамедлительно направить прокурору, заявителю и лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Прокурор, получив копию и материалы проверки не позднее 24 часов, вправе своим мотивированным постановлением отменить решение о возбуждении уголовного дела.

Существуют правила, которые влияют на право указанных должностных лиц принимать решение о возбуждении уголовного дела. Так, незаконным является решение о возбуждении уголовного дела, когда оно возбуждено лицом, которое по своей должности хоть и имело право принять такое решение, однако приняло его при наличии бесспорных оснований для отвода от участия в производстве по данному делу¹.

Также есть требование, определяющее необходимость соблюдения правил подследственности уже при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела. Если позже будет установлено, что уголовное дело было возбуждено ненадлежащим субъектом, то все собранные по делу доказательства будут являться недопустимыми². Это подчеркивает необходимость соблюдения требований ст. 151 УПК РФ при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Обратим также внимание и на наличие в материалах «доследственной проверки» сведений, указывающих на лицо, которое совершило это преступление. Верховный Суд высказывает свою позицию о том, что возбуждение уголовного дела не является пустой формальностью, этим актом, в частности, обеспечиваются права на защиту как потерпевшего, так и будущего обвиняемого, стадия возбуждения дела является обязательной, а нормы УПК не предполагают возможности привлекать к ответственности в связи с подозрением или обвинением, уголовное дело по поводу которого не было возбуждено³.

¹ Безлепкии Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М.: Проспект, Велби, 2008. 288с.

² Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 января 2005 г. № 46-о04-101 // СПС «Гарант Эксперт».

³ Кассационное определение ВС РФ от 17 декабря 2020 г. по делу № 89-УДП20-10.

При этом закон нигде не указывает на обстоятельства, при которых следует возбуждать уголовное дело либо по факту совершения преступления, либо в отношении конкретного лица. Такая правовая неопределенность с одной стороны может привести к злоупотреблениям со стороны следователя/дознателя своими полномочиями, когда это будет решаться «по усмотрению» должностного лица. А вопрос о том, найдет ли отражение фамилия преступника в постановлении о возбуждении уголовного дела очень важный, ведь с этим традиционного связано начало уголовного преследования. С другой стороны, уголовно-процессуальный закон не обязывает орган дознания, следователя, дознателя в каждом случае при проверке сообщения о преступлении устанавливать все признаки состава преступления. Как указывалось нами выше, есть необходимость установить лишь признаки преступления.

Кроме того, уголовно-процессуальный закон не предполагает, что материалы доследственной проверки должны быть положены в основу постановления о возбуждении уголовного дела в полном объеме и следователь/дознатель обязан соглашаться с выводами органов дознания о причастности конкретных лиц к совершению преступления, поскольку является самостоятельным процессуальным лицом и опираясь на принцип свободной оценки доказательств, имеет право на собственное мнение руководствуясь при этом законом и совестью. Наоборот указано, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела представляет собой первичную и самостоятельную досудебную стадию уголовного процесса, в ходе которой устанавливается наличие или отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. И хотя она является одной из самых коротких стадий по срокам принятия процессуального решения, именно здесь начинается функционирование уголовно-процессуального правозащитного механизма, обеспечивается конституционное право каждого на доступ к правосудию, определяются обстоятельства, исключающие возбуждение дела, дается юридическая квалификация содеянного, принимаются меры по предотвращению или пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дела.

2.3. Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу. Отказ в возбуждении уголовного дела: проблемы, гарантии защиты прав участников, правовые последствия

Одним из видов решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, является отказ в возбуждении уголовного дела. Данный институт служит гарантией реализации назначения уголовного судопроизводства, в качестве которого ст. 6 УПК РФ, в частности, закрепляет защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В действующем уголовно-процессуальном законе вопросам отказа в возбуждении уголовного дела посвящены ст.ст. 24, 145 и 148 УПК РФ. Следует констатировать, что законодательная техника и содержание приведенных статей являются небезупречными, что порождает ряд проблем как в правовой науке, так и в правоприменительной деятельности.

Так, в соответствии со ст. 148 УПК РФ, решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается руководителем следственного органа, следователем, органом дознания или дознавателем при отсутствии основания для возбуждения уголовного дела. Приведенная законодательная формулировка видится нам не совсем удачной по следующей причине: согласно ч. 2 ст. 144 УПК РФ, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. То есть, при буквальном толковании закона, следует вывод о том, что в возбуждении уголовного дела должно быть отказано при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Но это не совсем так. В возбуждении уголовного дела может быть отказано и при наличии признаков преступления. Однако при этом должны иметь место иные обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, которые по своей значимости «перевешивают» факт наличия признаков преступления. Например, отсутствие заявления потерпевшего при проверке сообщения о преступлении, по которому уголовное преследование осуществляется в частном или частно-публичном порядке; истечение сроков давности уголовного преследования; смерть лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении.

В перечисленных случаях в возбуждении уголовного дела отказывается не в связи с отсутствием признаков преступления (которые

как раз-таки могут присутствовать), а по иным причинам, делающим уголовное преследование нецелесообразным.

Также следует отметить, что в марте 2023 года в УПК РФ появилось новое основание для отказа в возбуждении уголовного дела (для прекращения уголовного дела), обусловленное уплатой в полном объеме сумм недоимки, пеней, штрафа по отдельным составам преступления (п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). В данной ситуации признаки преступления могут также присутствовать. Однако законодатель признал более приоритетными направлениями снижение негативных последствий для российской экономики, а также либерализацию уголовной ответственности за ряд преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и иных обязательных платежей, нежели привлечение лица к уголовной ответственности.

Подытоживая сказанное, необходимо дать ответ на вопрос, в каких же случаях следует отказывать в возбуждении уголовного дела? В случае отсутствия основания для возбуждения уголовного дела, как об этом говорит ст. 148 УПК РФ, или в случае наличия оснований для отказа в его возбуждении, как следует из положений ст. 24 УПК РФ? Как следует из приведенного выше нами анализа, принятие решения об отказе не всегда обусловлено отсутствием признаков преступления. В связи с чем, более юридически точными видятся положения ст. 24 УПК РФ. Между тем, очевидна несогласованность ст.ст. 24 и 148 УПК РФ, в связи с чем, полагаем, что формулировка ч. 1 ст. 148 УПК РФ нуждается в следующем уточнении: при наличии оснований, указанных в ч. 1 ст. 24 УПК РФ, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Далее обратимся к следующему проблемному аспекту. В ст. 24 УПК РФ закреплён единый перечень оснований как для отказа в возбуждении уголовного дела, так и для прекращения уголовного дела. Следует отметить, что подобный подход применяется законодателями ряда стран СНГ. Так, УПК Таджикистана и Кыргызстана содержат статью «Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу», УПК Молдовы и Азербайджана – статью «Обстоятельства, исключающие уголовное преследование». Все указанные статьи включают в себя основания и для отказа в возбуждении уголовного дела, и для его прекращения.

Не оспаривая в целом подобный подход, хотим подчеркнуть, что он обязывает законодателя быть аккуратным в формулировках, поскольку одной статьей охватываются ситуации, которые могут возникнуть на разных стадиях уголовного процесса, характеризующихся различными правовыми обстоятельствами, а также разным составом участников. Так, одно из оснований отказа в возбуждении уголовного дела сформулировано следующим образом: смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Однако ни того, ни другого участника на стадии возбуждения уголовного дела быть не может. Более того, смерть лица может стать препятствием для появления фигуры подозреваемого и на стадии предварительного расследования. Такая ситуация может сложиться, например, если лицо, предположительно совершившее деяние, умерло до наделения его статусом подозреваемого (обвиняемого), а уголовное дело было возбуждено по факту совершения преступления. В таком случае законом не предусмотрены какие-либо механизмы наделения его статусом подозреваемого, вследствие чего некорректно говорить о прекращении уголовного дела по причине его смерти. В данной ситуации небезынтересным видится обращение к опыту зарубежных государств. Так, анализ уголовно-процессуального законодательства стран постсоветского пространства, показал, что законодатели большинства государств используют иную терминологию. Так, в УПК Республики Беларусь, Кыргызстана, Таджикистана закреплено, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего. В УПК Молдовы в рассматриваемом контексте используется понятие «смерть исполнителя деяния». Данный подход видится нам более логичным, в связи с чем, целесообразно рассмотреть вопрос о корректировке формулировки основания, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ¹.

Следующей проблемой, к анализу которой полагаем необходимым обратиться, является соотношение двух оснований для отказа в возбуждении уголовного дела – отсутствие события преступления

¹ Алексеева Е.С., Виноградов А.С. Юридическая техника норм, регламентирующих основания отказа в возбуждении уголовного дела и основания прекращения уголовного дела // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 61.

и отсутствие его состава. Следует отметить, что разграничение события и состава произошло несколько десятилетий назад и стало итогом разработок советской уголовно-процессуальной науки. На законодательном уровне впервые данное обстоятельство нашло отражение в УПК РСФСР 1960 года. Предыдущие уголовно-процессуальные законы (1922 и 1923 года) говорили лишь об отсутствии состава преступления. Интересно, что после распада СССР УПК большинства стран сохранили подобный подход (Беларусь, Таджикистан, Кыргызстан, Армения и др.).

Несмотря на то, что оба основания прекращения уголовного дела являются реабилитирующими, на практике при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела зачастую возникают проблемы с выбором между двумя этими основаниями. Данное обстоятельство объясняется тем, что на сегодняшний день критерии их разграничения содержатся лишь в научно-теоретических разработках. Какие-либо законодательные пояснения на этот счет отсутствуют. Ранее некоторые толкования по данному вопросу содержались в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. № 4 «О судебном приговоре». Указанный судебный акт пояснял, в каких случаях выносился оправдательный приговор в связи с отсутствием состава преступления, а в каких – в связи с отсутствием события. На сегодняшний день документ утратил силу. Вместе с тем, приведенные в нем разъяснения могут иметь определенное ориентирующее значение в правоприменительной деятельности.

Отметим, что в отечественной уголовно-процессуальной науке в последнее время периодически возникали дискуссии о целесообразности одновременного наличия в законе данных двух оснований. Основанием для таких споров являлась точка зрения о том, что состав преступления охватывает собой событие, которое, в свою очередь, является элементом объективной стороны состава преступления.

В определенной степени дискуссии относительно различий между понятиями «состав преступления» и «событие преступления» разрешил Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 13.03.2021 № 13-П, где сказано, что единая с точки зрения уголовного права и процесса природа названных реабилитирующих оснований не исключает различий между ними. Иное обесмысливало бы их выделение в качестве самостоятельных причин для отказа в возбуждении уголовного дела, для прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Так, отсутствие самого события, по поводу которого

рассматривался вопрос о возбуждении уголовного дела, а равно непричастность лица к совершению преступления означают отсутствие предпосылок для исследования вопроса о наличии состава преступления, предусмотренного уголовным законом, в действиях (бездействии) этого лица. Потому отсутствие события преступления само по себе уже означает и отсутствие его состава. В этой связи отсутствие события преступления или непричастность к нему лица исключают его привлечение к какой-либо юридической ответственности, в то время как отсутствие в деянии состава преступления может восприниматься как не отрицающее факт участия этого лица в совершении деяния, о котором было возбуждено уголовное дело. Прекращение уголовного дела по такому - хотя и реабилитирующему - основанию не препятствует наступлению в будущем негативных для лица последствий в виде его привлечения к дисциплинарной, административной или гражданско-правовой (материальной) ответственности в процедурах, применительно к которым решение о прекращении уголовного дела может использоваться для доказывания совершения самого деяния¹.

Полагаем, что если допустить исключение такого основания, как отсутствие события преступления, это негативно отразится на всей системе уголовно-процессуального доказывания. Событие преступления – это фрагмент объективной реальности, имеющий пространственно-временные координаты, а состав преступления – его соответствие категориям уголовного права. Что касается вывода о наличии или отсутствии состава преступления, то это является результатом юридической оценки фактических обстоятельств².

Представляется, что отсутствие состава и события преступления должны существовать отдельно в качестве оснований как для отказа в возбуждении, так и прекращения уголовного дела, однако требуются дополнительные разъяснения об их разграничении на законодательном уровне либо на уровне постановления Пленума ВС РФ.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2021 № 13-П «По делу о проверке конституционности ст. 22, п.2 ч. 1 ст. 24, ч. 2 ст. 27, ч. 3 ст. 246, ч. 3 ст. 249, п. 2 ст. 254, ст. 256 и ч. 4 ст. 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.04.2021.

² Алексеева Е.С., Виноградов А.С. Юридическая техника норм, регламентирующих основания отказа в возбуждении уголовного дела и основания прекращения уголовного дела // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 61.

Следующим основанием для отказа в возбуждении уголовного дела является истечение сроков давности уголовного преследования. Сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу. Они устанавливаются нормами Уголовного кодекса РФ и зависят от категории преступления, а также от возраста лица, совершившего деяние (специальные правила исчисления сроков давности установлены в отношении несовершеннолетних).

В теории и на практике существует ряд проблемных аспектов, связанных с принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела по рассматриваемому основанию. Так, законом не урегулирован вопрос о необходимости получения на это согласия лица, в отношении которого проводилась проверка. Подобное требование установлено ч. 2 ст. 27 УПК РФ, но оно касается подозреваемого и обвиняемого. Юридический смысл данной нормы заключается в том, что истечение сроков давности относится к нереабилитирующим основаниям прекращения уголовного преследования. В этой связи подозреваемому и обвиняемому должно быть предоставлено право возражать против прекращения уголовного преследования и настаивать на продолжении производства по уголовному делу в целях установления реабилитирующих оснований для его прекращения (например, в связи с отсутствием состава или события преступления, непричастностью к его совершению).

Вместе с тем, Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал обязательность получения от заинтересованного лица согласия с отказом в возбуждении против него уголовного дела в случаях применения п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Так, в определении от 13.10.2022 № 2665-О сказано, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за истечением сроков давности уголовного преследования может быть вынесено, если соответствующее заинтересованное в таком решении лицо (в отношении которого проводится соответствующая проверка) не возражает против такого постановления¹.

Также следует отдельно подчеркнуть, что для отказа в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2022 № 2665-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашликова Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 27, 51 и 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «Гарант».

УПК РФ, недостаточным является установление самого факта истечения сроков давности. Применение данного основания предполагает необходимость в установлении всех признаков состава преступления. Как указано в Постановлении Конституционного Суда РФ, выбор между реабилитирующими и нереабилитирующими основаниями прекращения уголовного преследования не может быть произвольным и органы публичной власти и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, установив наличие предусмотренных законом оснований отказа от осуществления уголовного преследования, обязаны действовать таким образом, чтобы обеспечить соблюдение прав подвергнутых уголовному преследованию лиц в формах, определенных применимым в конкретном деле основанием прекращения уголовного преследования, в том числе соблюдать установленные законом условия такого прекращения¹.

Иная ситуация складывается при решении вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования в отношении неустановленного лица. В уголовно-процессуальной науке высказывается точка зрения о том, что в таком случае уголовное дело должно быть возбуждено в целях выявления данного лица и установления конкретного состава преступления. В противном случае решение об отказе в возбуждении уголовного дела будет необоснованным.

Представленная позиция является весьма дискуссионной. Как верно отмечают Е.В. Марьина и Ю.В. Кувалдина, в этом случае осуществление уголовного преследования в целях поиска лица, причастного к совершению преступления, и установления его обстоятельств становится не только не нужным, но и незаконным². Действительно, законодатель, устанавливая возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, исходил из того, что, в зависимости от категории пре-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2022 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского» // Собрание законодательства РФ. 06.06.2022. № 23. Ст. 3912.

² Марьина Е.В., Кувалдина Ю.В. Отсутствие возражений как условие отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 59.

ступления, по прошествии значительного промежутка времени, отпадает смысл в применении мер уголовной ответственности. Это обусловлено как значительным снижением общественной опасности деяния, так и требованиями общеправового принципа гуманизма. Кроме того, возбуждение уголовного дела и производство расследования по преступлению, по которому истекли сроки давности, не соответствует требованиям принципа уголовно-процессуальной экономии.

Следует также отметить, что, поскольку решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается в отношении неустановленного лица, нелогично говорить о нарушении чьих-либо прав. Последствия принятия процессуальных решений по нереабилитирующим основаниям имеют персонифицированный характер. Вместе с тем, нельзя не упомянуть о том, что существует один участник уголовного судопроизводства, чьи права могут затрагиваться решением об отказе в возбуждении уголовного дела по рассматриваемому основанию. Речь идет о лице, пострадавшем в результате совершения деяния, содержащего признаки преступления. УПК РФ не связывает принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела (о прекращении уголовного преследования) с волеизъявлением потерпевшего. Вместе с тем, закон предусматривает иные, нежели уголовно-процессуальные, механизмы защиты его прав. Так, у потерпевшего (пострадавшего) остается возможность защитить свои права и интересы в порядке гражданского судопроизводства. Однако речь идет о ситуациях, когда лицо, совершившее преступное деяние, установлено. В рассматриваемом нами контексте одним из главных является вопрос: как будут реализовываться требования ст. 52 Конституции РФ по защите государством его прав и законных интересов, если виновное лицо не будет установлено, а сроки давности привлечения к уголовной ответственности истекли?¹ К сожалению, ответа на этот вопрос не содержат ни законодательные акты, ни акты толкования права.

Подытоживая сказанное, следует констатировать, что в настоящее время назрела необходимость в уточнении на законодательном уровне процессуального порядка отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

¹ Согоян В.Л. К вопросу об отказе от уголовного преследования в связи с истечением сроков давности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 6 (157). С. 144.

Далее обратимся к следующей проблеме правовой регламентации анализируемого института. В некоторых случаях при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела (прекращении уголовного преследования) наблюдается несогласованность норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Так, ряд статей особенной части УК РФ содержат примечания, в которых закреплены специальные основания освобождения лица от уголовной ответственности, как правило, в связи с его позитивным посткриминальным поведением (например, ст.ст. 110.2, 126, 222 УК РФ и др.). Исходя из смысла ч. 2 ст. 75 УК РФ, речь в таком случае идет об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. При этом действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает лишь прекращение уголовного преследования по данному основанию и ничего не говорит о возможности отказа в возбуждении уголовного дела. В данном случае логика законодателя понятна: для того, чтобы установить все обстоятельства, свидетельствующие о деятельном раскаянии, следует возбудить уголовное дело, провести расследование и убедиться в наличии такового. Для этого следует определить признаки конкретного состава преступления, категорию преступления, факт возмещения ущерба и заглаживания вреда, утраты общественной опасности и другие обстоятельства, закрепленные в ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Вместе с тем, если речь идет о применении специальных оснований, предусмотренных отдельными статьями особенной части УК РФ, наличие (отсутствие) перечисленных обстоятельств роли не играет. Правовое значение имеет только факт наличия данных оснований. Например, в случае, предусмотренном ст. 126 УК РФ, – это факт добровольного освобождения похищенного лица; ст. 122 УК РФ – факт своевременного предупреждения другого лица, поставленного в опасность заражения либо зараженного ВИЧ-инфекцией о наличии у виновного этой болезни и добровольного согласия совершить действия, создавшие опасность заражения.

Наличие таких фактов законодатель расценивает как достаточные для освобождения от уголовной ответственности. Полагаем, что они вполне могут быть установлены средствами проверки сообщений о преступлении, предусмотренными ст. 144 УПК РФ. И лишь в случае недостаточности данных средств, уголовное дело может быть возбуждено для производства предварительного расследования.

Таким образом, в рассматриваемых ситуациях утрата общественной опасности деяния может быть установлена к моменту принятия

решения в порядке ст. 145 УПК РФ. В связи с тем, что институт деятельного раскаяния является одной из форм реализации общеправового принципа гуманизма, а также в целях минимизации негативных последствий для лица в виде последующего прекращения уголовного дела в нереабилитирующем порядке, полагаем целесообразным дополнить ч. 1 ст. 24 УПК РФ следующим основанием для прекращения уголовного дела: наличие оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями особенной части УК РФ.

Следует отметить, что уголовно-процессуальные кодексы ряда стран СНГ в соответствующих статьях содержат подобные положения. Так, ст. 29 УПК Беларуси закрепляет, что уголовное дело не может быть возбуждено, а по возбужденному делу производство подлежит прекращению, в частности, при наличии оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь. Аналогичное положение содержится в ст. 39 УПК Азербайджана.

Решение об отказе в возбуждении уголовного дела оформляется соответствующим постановлением. В отличие от ст. 146 УПК РФ, закрепляющей требования к постановлению о возбуждении уголовного дела, ст. 148 УПК РФ в отношении рассматриваемого нами процессуального акта подобных положений не содержит. На постановление об отказе в возбуждении уголовного дела распространяются, во-первых, общие требования, установленные ч. 4 ст. 7 УПК, где закреплено, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Во-вторых, ряд требований логически вытекает из положений ст. 148 УПК РФ. Так, помимо решения об отказе в возбуждении уголовного дела по статье УК РФ, по которой проводилась проверка, уполномоченное лицо обязано рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос. Принятое решение по ст. 306 УК РФ также должно найти отражение в постановлении.

Ст. 148 УПК РФ также закреплен ряд дополнительных процессуальных правил, действующих при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, следователь (дознатель) самостоятельно принимают данное решение. Однако, если проверка сообщения о преступлении проводилась на основании постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следствия для решения вопроса об уголовном преследовании, решение

об отказе может быть принято только с согласия руководителя следственного органа.

Копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору. При этом заявителю разъясняются его право обжаловать данное постановление и порядок обжалования. Закон не содержит требования об уведомлении лица, в отношении которого проводилась проверка. Подобное положение вещей нельзя признать обоснованным, поскольку данное постановление затрагивает его права в не меньшей степени, нежели права заявителя. Особенно, если речь идет о нереабилитирующих основаниях отказа или об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления (как нами рассматривалось выше, данное обстоятельство может иметь определенные правовые последствия для лица, в отношении которого проводилась проверка).

Прокурор, признав постановление об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным вправе отменить его. При этом, в зависимости от того, кем проводилась проверка – следователем или дознавателем, в данной процедуре имеются свои процессуальные отличия. Так, в первом случае срок принятия решения прокурором ограничен пятью сутками. Во втором – подобных временных ограничений не установлено. В данном контексте следует указать на несоответствия некоторых положений ст. 148 УПК РФ друг другу. Так, ч. 4 ст. 148 УПК РФ обязывает следователя (дознавателя) направлять прокурору только копию постановления об отказе. В свою очередь, согласно п. 6 ст. 148 УПК РФ, пятисуточный срок для отмены постановления следователя прокурором начинает исчисляться с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении. В какой момент, согласно логике законодателя, у прокурора должны оказаться в распоряжении материалы проверки? Должен ли их направлять следователь вместе с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела? Или прокурор вправе истребовать материалы в случае необходимости? Данный вопрос должен быть разрешен на законодательном уровне.

Действующее законодательство не устанавливает, сколько раз прокурор вправе отменять постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и направлять материалы для дополнительной проверки. Данный период времени может быть ограничен лишь требованиями о сроке давности уголовного преследования. На практике это

часто приводит к затягиванию принятия итогового решения по результатам проверки сообщения о преступлении. Определенную ясность в данную ситуацию внес Конституционный Суд РФ, который пояснил, что должностные лица органов предварительного следствия не должны повторно отказывать в возбуждении уголовного дела на основе тех же фактических обстоятельств, с опорой на те же материалы проверки сообщения о преступлении. После устранения выявленных нарушений им надлежит вновь оценить, как фактическую, так и правовую сторону дела и принять новое процессуальное решение, которое должно быть законным, обоснованным и мотивированным¹.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 578-О «По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «Гарант».

РАЗДЕЛ III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Дифференциация форм предварительного расследования: история, тенденции, значение

Успешное уголовное судопроизводство, достижение его назначения, определенного законодателем в статье 6 Уголовно-процессуального закона Российской Федерации, зависит от многих факторов и в том числе от правильного выбора и соблюдения в ходе уголовно-процессуальной деятельности уголовно-процессуальной формы. Термин «уголовно-процессуальная форма» представляет собой одно из основных, определяющих понятий процессуальной науки несмотря на то, что в тексте УПК РФ такие термины как «уголовно-процессуальная форма», «дифференциация уголовно-процессуальной формы» отсутствуют, а в доктрине не сложилось единого мнения относительно содержания, сущности данных понятий.

Следует отметить, что дифференциация процессуальных форм не чуждое российскому уголовному процессу явление. Упоминание о применении к лицам, страдающим психическими заболеваниями специальных мер, можно встретить в Соборном уложении 1649 года и в «Новоуказных статьях о татьбах, разбойных и убийственных делах» 1669 года, таких лиц содержали в монастырях и ограничивали в передвижении¹. В воинском Артикуле 1715 года указывалось на обязательный учет малолетнего возраста и «лишение ума» совершившего преступление лица, при назначении наказания за кражу. Можно привести в качестве примера толкование к артикулу 195 «... ежели... кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть»². Что касается более тяжкого преступления, то запрета на применение пыток либо иных жестких наказаний, в артикуле воинском

¹ Комарницкий А.В. Основы ювенальной юстиции: учебник. СПб.: Знание, 2010. С. 47.

² Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4 / отв. ред. Маньков А.Г.; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1986. С. 321.

не было¹. Что касается процессуальной составляющей, то она проявлялась в мерах, предпринимаемых для подтверждения психического состояния преступника: выявлялись лица, его знающие, проводился их опрос с целью описания его поведения. Позднее с появлением Указа Александра I «О непредании суду поврежденных в уме людей, учинивших в сем состоянии смертоубийство» к данному вопросу стали привлекать врачей².

История развития и становления различных форм осуществления уголовного судопроизводства в досудебных стадиях, продолжилась с появлением «Учреждений судебных следователей» в 1860 году. Содержание данного документа позднее нашло свое отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, где выделялись предварительное производство, основное и производство по пересмотру судебных решений³, хотя сущностное наполнение этих производств безусловно отличалось от ныне существующих. Предварительное расследование осуществлялось в двух формах дознания и предварительного следствия, причем дознание предваряло следствие, было тайным, выявляло источники получения доказательств. Исключение составляли только ситуации, не терпящие отлагательств, тогда полицейские проводили следственные действия, соблюдая требования УУС. По ряду дел, отнесенных к категории особо важных (дела о должностных преступлениях, дела о преступлениях, наказание за которые предусматривалось в виде лишения всех прав состояния) следствие было обязательным, а по остальным дело могло рассматриваться в суде, без предварительного следствия, которое осуществлял судебный следователь (ст. 544-545 УУС). Таким образом, четкого разграничения дознания от следствия, а предварительного следствия от судебной деятельности не было, хотя можно уже говорить о дифференциации форм уголовного

¹ Машинская Н.В. Возникновение и развитие процессуальной формы производства по делам о преступлениях несовершеннолетних в досоветский период // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 1. С. 166.

² Лощинкин В.В. Становление и развитие Российского уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера, применяемых в отношении психически больных лиц, совершивших общественно опасные деяния в дореволюционной России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3. С. 68.

³ Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / под ред. В.М. Корнукова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. С. 28.

производства. Целесообразность такого подхода подтверждали в своих трудах и ученые И.Я. Фойницкий, С.И. Викторский, Д.Г. Тальберг и др. Очевидно следует отметить, что с данного периода стали проявляться и особенности при проведении дознания и следствия по отдельным категориям уголовных дел, и особенности проведения некоторых следственных действий. Этому способствовал принятый 2 июля 1897 года Закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказаниях»¹.

Что касается советского периода, то, первоначально Декретом № 1 от 24 ноября 1917 года предварительное следствие по уголовным делам было возложено на местных судей, которые единолично осуществляли данную деятельность в соответствии с порядком указанным в Постановлении Народного комиссариата юстиции от 16 декабря 1917 года «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений», а также в Декретах ВЦИК «О суде» от 7 марта 1918 года (декрет № 2) и СНК РСФСР «О суде» (декрет № 3) и других нормативно-правовых актах. Принятые в 1922 и 1923 годах уголовно-процессуальные кодексы РСФСР, содержали подробно расписанный общий порядок досудебного производства. Позднее принятые нормативные документы, циркуляр № 93 от 5 июля 1929 года «Об упрощении уголовного процесса» и постановление ЦИК СССР от 4 декабря 1934 года «О внесении изменений в действующие УПК союзных республик» внесли ряд изменений в ход расследования, например делая упор на быстрое расследование, были отменены некоторые уголовно-процессуальные гарантии прав личности, а по делам о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти, расследование предписывали вести в упрощенном порядке в 10-дневный срок. Упрощение в ходе расследования и по другим делам сводилось к тому, что следствие заканчивалось в срок от 5 до 20 дней, обвинительное заключение вручалось за сутки до рассмотрения дела в суде. Позднее такой порядок распространялся и на дела о преступлениях против обороны, общественного порядка и государственной безопасности в период Великой Отечественной войны и сохранялся вплоть до

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб: Гос.тип., 1885-1916. Т. 17. № 14233.

19 апреля 1956 года, когда был отменен Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Таким образом, до принятия в 1960 году текста нового УПК РСФСР, дифференциация процессуальной формы предварительного расследования была закреплена на законодательном уровне, была направлена только на упрощение и ускорение хода расследования преступлений, причем в ущерб гарантиям защиты прав участвующих в процессе лиц.

Активным сторонником единого порядка судопроизводства выступал профессор М.С. Строгович, который в своем «Курсе советского уголовного процесса» подробно обосновал свое мнение, его поддерживала П.С. Элькинд. Не без влияния данных ученых в статье 1 УПК РСФСР принятого 27 октября 1960 года указывалось, что «установленный уголовно-процессуальными законами порядок судопроизводства является единым и обязательным по всем уголовным делам и для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания», это позволяло предположить, что законодатель полностью отвергал дифференциацию процессуальной формы. Однако это не совсем так, поскольку в тексте закона сохранялись формы предварительного расследования (следствие и дознание), в особом режиме проводилось расследование по делам несовершеннолетних, по применению принудительных мер медицинского характера, позднее появилась «протокольная форма досудебной подготовки материалов» которая успешно применялась.

В процессе применения нового УПК РФ, постоянно менявшегося и корректируемого, ряд изменений был непосредственно связан с порядком осуществления уголовного судопроизводства и можно утверждать, что действующий УПК РФ в наибольшей степени, чем ранее действовавшие законы, предоставляет возможность применять различные производства.

Исследование такого понятия как дифференциация предполагает первоначально обратиться к понятию – уголовно-процессуальная форма.

Методологической основой изучения такого правового явления как «процессуальная форма», всегда выступала материалистическая диалектика парных категорий «форма и содержание». Согласно Словаря русского языка С.И. Ожегова, термин «форма» может использоваться в одном из своих значений как «способ существования содер-

жания, неотделимый от него и служащий его выражением»¹. Д.А. Керимов писал, что «...любой предмет, явление или процесс обладает и своим содержанием и формой. Нет содержания без формы, равно как нет формы без содержания»².

Исследуя такую категорию как «уголовно-процессуальная форма», ученые практически единодушны в том, что ее содержание составляет уголовный процесс³, который сам по себе представляет систему взаимосвязанных составляющих частей, элементов, к которым бесспорно можно отнести производства, стадии, процессуальные действия, процессуальные акты. При формулировке дефиниции данного понятия ученые именно данный подход брали за основу, хотя в доктрине можно встретить множество мнений ученых относительно сущности уголовно-процессуальной формы.

Неоценимый вклад в развитие научных идей, связанных с категорией «процессуальная форма», внесли ученые-процессуалисты советского периода. Их исследования были нацелены во-первых, на разработку дефиниции понятия «уголовно-процессуальная форма», объясняя тем самым сущность данного правового явления, во-вторых на взаимосвязь и взаимозависимость данной категории с уголовным правом и в-третьих, касались такого свойства уголовно-процессуальной формы как ее дифференциация, объясняя ее сущность и значение для уголовного процесса.

Так, в работах известных ученых, например, М.А. Чельцова, П.А. Лупинской и М.Л. Якуба обосновывалось мнение, что уголовно-процессуальная форма – это и условия, и порядок производства по уголовному делу⁴, М.С. Строгович писал, что уголовно-процессуальная форма – это только условие⁵, его мнение разделяли Ю.И. Стецовский

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/ под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. Яз., 1989. С. 853.

² Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003. С. 169.

³ Элькин П.С. Категории «содержание» и «форма» в сфере уголовно-процессуального регулирования / Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 42-43.

⁴ Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 33; Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. М., 2004. С. 49-50; Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М.: Юридическая литература, 1981. С. 8.

⁵ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т.1. С. 51.

и Б.Г. Безлепкина¹. Через условия выполнения процессуальных действий формирует понятие М.П. Поляков, причем используя такой термин как «обрядность»², с чем согласиться достаточно сложно, так как соблюдение процессуальной формы – это не символический ритуал, а реализация принципов процесса.

Как систему отношений рассматривал уголовно-процессуальную форму Х.У. Рустамов³, практически схожую мысль высказывала и П.С. Элькин⁴. В доктрине можно встретить предложения понимать процессуальную форму одновременно как порядок, как принцип и как систему уголовно-процессуальной деятельности⁵, или как совокупность процедур – непосредственных форм деятельности по делу⁶, как структуру процесса⁷.

В современный период уголовно-процессуальную форму также оценивают по-разному, иногда просто присоединяясь к высказанному ранее мнению. Например, В.М. Тertyшник считал, что процессуальная форма – это по своей сути структура процесса⁸. Н.А. Громов разделял мнение, что сущность формы – в установлении порядка и обеспечении условий совершения отдельных процессуальных действий и реальной фиксации их хода и результатов⁹. Современные исследователи уголовно-процессуальную форму воспринимают и как катего-

¹ Стецовский Ю.И. К вопросу о процессуальной форме советского уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1975. Вып. 23. С. 107.

² Поляков М.П. О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // Государство и право. 1999. № 9. С. 87.

³ Рустамов Х.У. Уголовный процесс. Формы. М., 1998. С. 13.

⁴ Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М., 1976. С. 233-251.

⁵ Рахунов Р.Д. Проблемы единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. 1978. Вып. 29. С. 84.

⁶ Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. С. 32.

⁷ Горшенев В.М. Природа и назначение процессуальной формы в советском праве // Вестник Ярославского университета: Проблемы процессуальной формы в юридической науке и практике. Тематический сборник. Ярославль, 1972. Вып. 4. С. 3-23.

⁸ Уголовный процесс: учебное пособие. 2-е, пер. и доп. Харьков, 1999. С. 428.

⁹ Громов Н.А. Уголовный процесс России: учебное пособие. М., 1998. С. 43.

рию, которая создает обязательный порядок производства по уголовному делу¹, и как метод правового регулирования², и как систему требований, выполнение которых обеспечивает достижение задач уголовного судопроизводства³, и как установленный законом регламент расследования преступлений⁴, и как предусмотренную законом процедуру уголовно-процессуальной деятельности⁵. Весьма многогранно оценивают уголовно-процессуальную форму авторы учебника «Курс советского уголовного процесса: Общая часть», определяя ее и как систему, и как структуру процессуальных институтов и правил, процедуру, условия, способы и сроки совершения процессуальных действий, закрепление результатов в правовых актах, а также порядок принятия и оформления решений по отдельным вопросам и по делу в целом⁶. Д.Р. Гимазетдинов и З.З. Зинатуллин предлагают рассмотреть форму как предусмотренный законом процессуальный порядок осуществления и процессуального оформления результатов уголовно-процессуальной деятельности в соответствующих уголовно-процессуальных актах-документах⁷. М.С. Кесаева считает, что процессуальную форму следует воспринимать как нормативную модель правоприменительной деятельности: деятельности как по применению норм уголовного права, так и уголовно-процессуального⁸.

¹ Григорьев Д.А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10.

² Ломовский В.Д. К вопросу об уголовно-процессуальной форме // М.И. Калинин о социалистической законности и современность / межвузовский сб. отв. ред. Р.Е. Гукасян. Калинин, 1975. С. 17–30.

³ Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы. Оренбург: «Южный Урал», 2005. С. 15.

⁴ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. 3-е изд. / отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М.: Проспект, 2010. С. 7.

⁵ Уголовный процесс: краткий курс лекций / Н.С. Манова., Ю.В. Францифоров. 8-е изд. перераб. и доп. М., 2014. С. 97.

⁶ Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. С. 121.

⁷ Гимазетдинов Д.Р., Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальная форма. М., 2014. С. 11, 22; Гимазетдинов Д.Р. Дискуссионное и реальное в вопросе о формах современных уголовно-процессуальных производств // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 68.

⁸ Кесаева М.С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 13.

Считаем, что уголовно-процессуальная форма нечто большее чем просто порядок производства либо нормативная модель, поэтому полностью разделяем мнение В.Н. Григорьева, который писал, что процессуальная форма «...способствует установлению действительных обстоятельств дела, а с другой обеспечивает соблюдение прав и законных интересов граждан. Она воплощает в себе многовековой отечественный и зарубежный опыт борьбы с преступностью, отражает гносеологические и психологические закономерности и достижения общественной практики.... Она предназначена обеспечивать оптимальные условия для достижения целей правосудия...»¹.

Исследуя уголовно-процессуальную форму следует учитывать, что этимология слова форма (formal – лат.) означает также «...наружный вид, внешнее очертание или способ организации и способ существования предмета, явления, процесса»², поэтому говоря об уголовно-процессуальной форме, мы имеем в виду производство по уголовному делу. Термин «производство» упоминается и в тексте закона, и в доктрине в различных смыслах: как уголовно-процессуальная деятельность, как элемент структуры уголовного процесса³, как часть уголовно-процессуальной деятельности⁴, как результат выполнения своих функций лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство⁵.

Полагаем, что уголовное производство следует понимать в широком и узком смыслах. В широком смысле это вся деятельность в рамках уголовного дела, вся ее структура, как в статичном состоянии, так и в динамичном, при движении дела. В узком смысле это деятельность понимается в конкретной стадии, либо это выполнение конкретного следственного действия, принятие конкретного решения по какому-то

¹ Григорьев В.Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 116.

² Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 709.

³ Зеленецкий В.С. Структура советского уголовного процесса // Проблемы правоведения. Киев. 1981. Вып. 42. С. 107.

⁴ Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск: Изд-во Томского университета, 2015. С. 57.

⁵ Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / под ред. В.М. Корнукова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. С. 19.

частному вопросу, оформление принятого решения в требуемую процессуальную форму.

Формулируя дефиницию понятия «уголовно-процессуальная форма» ученые фактически указывают на те элементы, которые, собственно, и представляют собой, по их мнению, ее содержание, при чем некоторые из них достаточно широко подходят к этому вопросу, например И.Б. Михайловская в содержание процессуальной формы включает «...цель уголовного процесса, его функциональную структуру, принципы судопроизводства»¹. Не уверены, что такой подход следует признать правильным, его порочность в том, что все уголовно-процессуальные понятия можно будет относить к процессуальной форме, что конечно же неправильно.

Вне зависимости от того каким образом ученые формулировали свое мнение относительно сущности уголовно-процессуальной формы, фактически речь идет о явлении, означающем правовую организацию процессуальной деятельности, которая выполняет регулятивную функцию в зависимости от решения определенных задач.

Это проявляется в первую очередь во внешнем порядке осуществления уголовно-процессуальной деятельности, т.е. ее взаимосвязи с уголовным правом, без которого нет и не может быть процессуальной деятельности и которое не может быть реализовано иначе чем благодаря уголовно-процессуальной деятельности. И, во-вторых, во внутреннем порядке данной деятельности, складывающейся из различных компонентов. К таким компонентам относятся собственно структура процесса: сами стадии; их последовательность; порядок продвижения дела по стадиям от момента его возбуждения до принятия окончательного решения; порядок принятия решений от промежуточных до окончательных, в зависимости от вида решения порядок его принятия может быть различный; условия при которых принимаются те либо иные решения; порядок вынесения и содержание процессуальных документов, например, обязательное указание в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого на квалификацию его действий); совершение обязательных и необязательных действий в момент проведения конкретных следственных действий (привлечение специалистов, понятых), указание на субъектов, осуществляющих и участвующих в данной деятельности и т.д.

¹ Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 7.

Указанные компоненты или определенный порядок действий и принятия решений, в рамках уголовно-процессуальной деятельности, появляются не сами по себе или от желания какого-либо участника данных правоотношений, их появление обосновано целями и задачами уголовного процесса, они обязательно должны быть закреплены в уголовно-процессуальном законе, что обеспечивает законность, проверяемость и определенность самой уголовно-процессуальной деятельности.

Однако, обеспечить стабильность и неизменность порядка уголовно-процессуальной деятельности, постоянное соблюдение единжды установленных правил ее производства, невозможно. Уголовно-процессуальная деятельность как вид государственной деятельности находится в зависимости от различных факторов, на неё влияющих: проводимой государством политики; социальных и экономических преобразований, происходивших в стране; уровня развития общества и требований общества к деятельности государственных органов; появления новых видов преступлений; финансовых возможностей, выделяемых государством на осуществление данной деятельности; научных достижений и степени их внедрения в сферу уголовного процесса; а также от формирования новых общественных отношений. Указанные факторы требуют нового правопонимания и иного подхода к решению различных задач уголовно-процессуального права, которые связаны в досудебных стадиях процесса с видами преследования, с формами расследования уголовного дела (следствие, дознание), порядком собирания, исследования доказательств, порядком принятия и оформления процессуальных решений, с особенностями взаимоотношений должностных лиц и особенностями лиц, совершивших преступления. В поддержании нашей позиции можно привести мнение В.А. Азарова и А.В. Боярской о том, что «процессуальную форму следует понимать как нормативную модель правоприменительной деятельности, которая воплощает в себе возможные варианты ее осуществления»¹. Отсюда и возможность выделения направлений и видов дифференциации.

¹ Азаров В.А., Боярская А.В. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 8.

В процессуальной науке можно встретить такие определения термина «дифференциация»: это существование как простых, так и сложных форм процесса¹; свойство формы²; способ построения уголовного процесса³, тенденция развития⁴; направление развития уголовного-процессуального права⁵; любая специфика в процедуре расследования⁶. Д.П. Великий признает дифференциацию процессуальной формы – принципом уголовного процесса, присоединяясь к мнению Н.С. Алексеева и Т.Г. Морщаковой⁷.

Полагаем, что такое многообразие различных методологических подходов к понятию и сущности данной процессуальной категории, затрудняет восприятие значимости данного феномена. В процессуальной науке не сложилось единого мнения в отношении и дефиниции понятия «дифференциация». Например, И.С. Дикарев утверждает, что дифференциация уголовно-процессуальной формы есть не что иное, как приспособление, адаптация процессуального порядка производства по уголовному делу к реальным условиям, в которых осуществляются досудебное производство и судебное рассмотрение уголовных дел⁸. Согласиться с данным определением вряд ли можно, поскольку не процессуальный, установленный законом порядок приспособляется к реалиям жизни, а наоборот, правоприменители должны выполнять свои действия в соответствии с установленными законом требованиями.

¹ Арсеньев В.Д. Упрощение не равнозначно упрощенчеству // Социалистическая законность. 1975. № 3. С. 63.

² Алексеев И.М. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной формы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (35). С. 65–70.

³ Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 68, 82.

⁴ Рустамов Х.У. Уголовный процесс. Формы. М., 1998. С. 285.

⁵ Цыганенко С.С. Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2004. С. 11.

⁶ Кузнецов П. Дифференциация процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 44, 45.

⁷ Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы. Оренбург: «Южный Урал», 2005. С. 24–27; Алексеев Н.С., Морщакова Т.Г., Чангули Г.И. Уголовно-процессуальное право. Берлин, 1977. С. 623.

⁸ Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы ее обуславливающие // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 18–21.

Д.А. Григорьев считает, что это обособленная группа норм, регламентирующих особый порядок производства по уголовным делам либо упрощенный, либо усложненный, который связан с определенными особенностями уголовного дела¹. Возражать против того, что группа норм регламентирует особый порядок производства по уголовным делам вряд ли стоит, но данное определение явно нельзя признать полным, поскольку не отвечает на вопрос какие же особенности дел позволяют расследовать и рассматривать их в особом порядке.

П.Г. Сычев, развивая данную мысль, отмечал, что дифференциация уголовного процесса – это не просто группа норм, а «...развитие уголовного процессуального права, обусловленное назначением уголовного судопроизводства, имеющее целью его рационализацию, происходящее в направлениях упрощения (ускорения), усложнения в виде усиления процессуальных гарантий прав подозреваемого и обвиняемого и повышения эффективности расследования...»². Представляется, что рассматривать дифференциацию только в динамике не совсем правильно, нельзя забывать ряд разработанных ранее процессуальных форм, успешно реализуемых на практике.

Ю.К. Якимович писал, что «дифференциация представляет собой разделение процесса на виды производств»³, не расшифровывая что следует понимать под производствами этапы или стадии, следственные действия или процедуру принятия решений.

Более широкое определение дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства предложил М.А. Сыдыгалиев посчитав что это «...разработанный уголовно-процессуальной наукой и воспринятый законодателем способ юридической техники, выражающийся в выделении обособленных процессуальных действий, решений и отдельных производств, для достижения цели сбалансированного соотношения эффективности досудебного производства

¹ Григорьев Д.А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 11.

² Сычев П.Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 18–19.

³ Якимович Ю.К. Структура советского процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства / под. ред. И.Е. Карасева. Томск, 1991. С. 9–10.

и правовых гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов его участников»¹.

Многие авторы² исследуя вопросы дифференциации, целесообразность ее применения связывают с эффективностью уголовного судопроизводства несмотря на то, что данная правовая категория не имеет единообразного понимания ни в науке уголовного судопроизводства, ни на законодательном уровне.

Бесспорно то, что важность, значение и полезность существования дифференцированных форм уголовного судопроизводства состоит в потребности общества, государства в получении каких-либо предпочтений и в том числе в обеспечении эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Мы понимаем под эффективностью более сложное, многоаспектное явление, нежели только экономию и получение необходимого результата. На наш взгляд, эффективность уголовно-процессуальной деятельности определяется наличием таких критериев, как законность, справедливость, качественность, доступность, экономичность, своевременность, достаточность, объективность и результативность, хотя указанные критерии одновременно проявляться могут не всегда, но их проявление в уголовно-процессуальной деятельности предопределяется в том числе и наличием дифференцированных форм уголовного судопроизводства.

¹ Сыдыгалиев М.А. Дифференциация формы досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. С. 8.

² Григорьев Д.А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2018. С. 24, 25 и далее; Герасенков В.М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 3, 4; Кесаева М.С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 3, 4; Сычев П.Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 10; Долгов А.М. Дознание как форма предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 12; Скобкарёва Е.А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 4–7.

При всем многообразии подходов ученых к пониманию сущности дифференциации, они единодушны в том, что дифференциация уголовно-процессуальной формы имеет важное значение для успешного осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Именно она создает возможности для усиления гарантий процессуальной защиты лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, и в первую очередь лиц, не способных себя защищать; в совершенствовании уже разработанных и применяемых приемов и способов собирания информации; в обеспечении достижения объективной истины; и просто улучшения порядка уголовного судопроизводства путем внедрения в национальное законодательство некоторых наработанных другими государствами приемов и способов ведения уголовного процесса.

Дифференциация позволяет изменять сроки расследования в сторону их уменьшения, что полностью корреспондирует с принципом разумного срока уголовного судопроизводства; предусмотреть условия, обеспечивающие возможность совершения определенных следственных действий, например необходимость обращения в суд за получением согласия на проведение следственного действия, затрагивающего конституционные права граждан; регламентирует особый порядок проведения следственных действий, в качестве примера можно привести порядок допроса несовершеннолетних; требования предъявляемые к содержанию итоговых и промежуточных процессуальных документов.

Прежде чем ответить на вопросы какие критерии выделения дифференцированных форм предварительного расследования следует учитывать, а также какие условия требует реализация дифференцированных форм производства, целесообразно определиться с уровнями дифференциации.

Занимаясь структурой уголовного процесса уровни дифференциации уголовно-процессуальной формы выделял Ю.К. Якимович, утверждая, что дифференциация может быть на уровне стадий процесса, на уровне этапов процесса и на уровне процессуальных действий¹. Отчасти соглашаясь с мнением ученого, мы предлагаем несколько иной подход. Изменения порядка производства по уголовным делам могут находиться на разных уровнях, мы выделяем три, первый – это, определяющий уровень который проявляется: в зависимости от

¹ Якимович Ю.К. Уголовно-процессуальные производства: дис... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 19.

присутствия публичных начал – это дела публичного обвинения, частно-публичного и частного обвинения, либо находится в зависимости от этапов уголовного производства: досудебные стадии процесса и судебные стадии или от порядка расследования внутри досудебных стадий это предварительное следствие, дознание и сокращенная форма дознания. Отнесение дела к одному из данных определяющих уровней, влечет определенные изменения в дальнейшем порядке производства по делу. Следующий уровень можно определить как обеспечивающий, суть которого в реализации, разработанных и успешно применяемых на практике приемов, средств и способов осуществления дифференцированных форм процессуальных действий. Третий уровень как завершающий реализацию дифференцированной формы предварительного расследования проявляется в особенностях составления процессуальных документов, завершающих процедуру расследования.

В науке нет однозначного ответа и на вопрос, связанный с критериями выделения дифференцированных форм уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках предварительного расследования. Если отталкиваться от этимологии слова, то под критериями принято понимать признаки либо совокупность признаков, позволяющих оценить какое-либо понятие, категорию¹. Анализируя взгляды ученых, обращавшихся к вопросу выделения критериев дифференцированных форм предварительного расследования, можно выделить несколько направлений или методологических подходов. Во-первых, ученые сочетали материальную и процессуальную составляющие критерия, например Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев писали о простоте, несложности, очевидности события преступления и небольшой общественной опасности², Р.Д. Рахунов выделял характер преступления, личность обвиняемого и сложность досудебной подготовки³. Следующее направление исследований отличалось тем, что, кроме материальной и процессуальной составляющей, добавлялась еще и социальная характеристика деяния⁴. И.С. Смирнова предложила критерии

¹ Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 329.

² Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 35.

³ Рахунов Р.Д. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. № 29. С. 89.

⁴ Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. лит., 1981. С. 103–104.

дифференциации уголовно-процессуальных производств подразделить на уголовно-правовые и уголовно-процессуальные¹ в рамках которых в дальнейшем ученые предлагали свои версии количества и качества критериев.

Разделяя указанный подход, считаем, что основанием выделения дифференцированных форм в первую очередь будут именно уголовно-правовые основания: категория преступления (уголовные дела небольшой или средней тяжести, позволяют проводить расследование в форме дознания); особенность субъекта преступления (несовершеннолетние, лица признанные невменяемыми, отдельные категории лиц).

К уголовно-процессуальным основаниям изменения порядка предварительного расследования следует отнести сложность раскрытия обстоятельств дела, что и было сделано законодателем, в текст закона введен порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Основанием изменения порядка расследования может быть и отсутствие сложности в установлении обстоятельств дела, например, по делам о преступлениях, совершенных в условиях очевидности. В таких случаях есть возможность упростить, ускорить ход расследования. Порядок производства следственного действия может меняться в зависимости от лица, участвующего в процессе, например, законодатель установил предельное время проведения допроса несовершеннолетнего, лицу в отношении которого применяются принудительные меры медицинского характера, не предъявляется обвинение, хотя расследование обстоятельств совершенного им преступления проводится в общем порядке и т.д.

Возможностью перехода к иному порядку производства предварительного расследования, дело не ограничивается. Необходимо наличие определенных условий, чтобы такой переход состоялся. К таким условиям применения дифференцированной уголовно-процессуальной формы на стадии предварительного расследования мы относим получение согласия надлежащего должностного лица на перевод дела в другую стадию, или, например, от дознания к сокращенному дознанию, согласие заинтересованного участника процесса на совершение определенных действий либо принятия определенного решения, нали-

¹ Смирнова И.С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1. С. 65–69.

чие возможности применения дискреционных полномочий должностным лицом и прочее. Реализация указанных условий повышает гарантии обеспечения прав и законных интересов участников процесса, а также качество уголовно-процессуальной деятельности и обеспечивает ее эффективность.

Анализ внесенных изменений в текст уголовно-процессуального закона позволяет прийти к заключению, что законодатель придерживается тенденции расширения дифференциации уголовно-процессуальных форм предварительного расследования. За последние годы в текст закона было внесено достаточно много изменений порядка возбуждения уголовного дела, осуществления следственных действий, введены новые формы производств, определенные изменения произошли и в порядке принятия решений. Ученые в большинстве выделяют два направления, определяющие тенденции дифференциации процессуальных форм – это «...разработка гарантий обеспечения прав и законных интересов граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство и рациональное использование процессуальных и материальных средств»¹. Например, Д.А. Григорьев, А.А. Прокопова считают, что из усложненных и упрощенных процедур, сохраняется тенденция в сторону упрощения, аналогичную позицию занял и В.М. Герасенков, отмечая тенденцию к ускоренному досудебному производству². Бесспорно, очевидных преимуществ у упрощенных и ускоренных производств больше, нежели при усложнении процедур. Тем не менее, очевидно, что чрезмерное упрощенчество не лучшим образом может сказаться на судопроизводстве, в любом случае, никакая экономия либо сокращение времени производства не компенсируют утрату гарантии обеспечения прав и законных интересов участвующих в процессе лиц.

¹ Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / под ред. В.М. Корнукова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. С. 46

² Григорьев Д.А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2018. С. 24, 25; См.: Герасенков В.М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 232 с.; См.: Прокопова А.А. Ускоренное досудебное производство в Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 239 с.

В качестве примера можно привести решение законодателя, относительно отказа от участия понятых в большинстве следственных действий ст. 170 УПК РФ.

Следует отметить, что не все новеллы законодателя однозначно поддерживаются учеными. Весьма критично были встречены шаги по разработке особых правил возбуждения уголовного дела в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. ст. 199.3 и 199.4 УК РФ и в отношении изменения общего порядка совершения следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершенных предпринимателями. Полагаем, что вполне убедительны доводы ученых, утверждающих, что изменение существующего порядка должно применяться только в случае, если отказ от изменения не позволит достичь назначения уголовного судопроизводства¹.

Таким образом дифференциацию уголовно-процессуальной формы предварительного расследования можно охарактеризовать следующим образом: она выступает средством развития как науки уголовно-процессуального права, так и правоприменения; дифференциацию форм предварительного расследования отличает регулятивный характер, поскольку она включена в деятельность по упорядочению общественных отношений; имеет динамичный характер; детерминирована изменениями в общественной жизни страны и в первую очередь экономическими; она распространяется на все стадии уголовного судопроизводства; связана с изменением характеристики обычного, устоявшегося порядка процесса, осуществляемого в рамках закона, на иной, более целесообразный или оправданный; дифференциация предполагает выявление отличий от обычного устоявшегося порядка производства; изменения в рамках дифференцированного подхода к порядку осуществления уголовного судопроизводства должны быть оправданы, т.е. упрощение формы не ради самого упрощения, а с целью улучшения самой процедуры, обеспечению правовой экономии, ускорения движения дела с сохранением имеющихся гарантии обеспечения прав и законных интересов участвующих в процессе лиц; уголовно-процессуальная деятельность в новых дифференцированных

¹ Гладышева О.В. Нужна ли современному российскому уголовному судопроизводству еще одна процессуальная форма? // Актуальные проблемы предварительного расследования. Сборник статей Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты расследования дорожно-транспортных преступлений» 26 апреля 2018 г. Волгоград. С. 53–60.

формах производства не должна противоречить принципам уголовного процесса, а также способствовать реализации процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве вне зависимости в какой форме она осуществляется в усложненной или упрощенной.

3.2 Особенности производства дознания в отечественном уголовном процессе

Современный этап развития отечественного уголовного судопроизводства характеризуется активными преобразованиями системы уголовной юстиции. Принятие Конституции Российской Федерации повлекло переоценку ценностей нашего российского общества, а предусмотренные в ней положения в приоритете ставят права и свободы человека и гражданина. Кроме того, позже данные положения нашли свое отражение в Уголовном кодексе Российской Федерации, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и других отраслях права. Так, впервые законодатель в ст. 6 УПК РФ закрепил две задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством, касающиеся защиты прав как потерпевших от преступлений лиц и организаций, так и защиты лиц от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения. Можно без увеличения утверждать, что данной нормой служат все остальные нормы УПК РФ. Не исключением решением задач, закрепленных в ст. 6 УПК РФ являются положения, регламентирующие предварительное расследование в общей и сокращенной формах дознания.

Вместе с тем, в следственно-судебной практике имеется не мало проблем, связанных с применением уголовно-процессуальных норм, регулирующих дознание в общей и сокращенной формах, что в специальной литературе вызывает множество дискуссий. Проблематика данных споров касается как вопросов реализации полномочий дознавателя при осуществлении досудебного производства, самостоятельности при производстве расследования уголовного дела и принятия по нему процессуальных решений, так и выстраивания отношений с прокурором, органом дознания и другими участниками уголовного судопроизводства. Отдельные положения, регулирующие деятельность дознавателей, на наш взгляд, даже препятствуют успешному решению задач, стоящих перед уголовным судопроизводством.

Таким образом, актуальность исследования уголовно-процессуальной деятельности дознавателя вызвана необходимостью совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регулирующего дознание в общей и сокращенной формах.

В целях установления пробелов в действующем УПК РФ в рассматриваемой его части, исследуем понятие «дознание», его содержание, а также противоречия в нормах, регламентирующих дознание в общей и сокращенной формах.

Встречающийся в нормах действующего уголовно-процессуального законодательства термин «дознание» произошел от выражения «дознаться», означающего установить, выяснить что-либо еще в XVIII веке во время правовой реформы Петра I. Позже Императором Александром II был издан Указ, содержащий ряд положений, связанных с осуществлением дознания уполномоченными на то должностными лицами: «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок», «Учреждение судебных следователей» и «Наказ судебным следователям»¹.

Позже становление института дознания происходило с развитием дореволюционного, советского и постсоветского уголовно-процессуального законодательства.

Принятый 18 декабря 2001 года Федеральным законом № 174-ФЗ действующий Уголовно-процессуальный кодекс в нормах гл. 32 предусмотрел правила производства дознания. Предварительное расследование в соответствии со ст. 150 УПК РФ состояло из двух форм: предварительное следствие и дознание. С принятием 4 марта 2013 года Федерального закона № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ появилась новая гл. 32.1 – «Дознание в сокращенной форме», в результате чего вместо двух форм предварительного расследования стало три. В связи с этим в специальной литературе до сих пор нет единого подхода к названию данных форм. С учетом исследования работ по рассматриваемой проблематике ученые чаще всего выделяют следующие формы предварительного расследования²:

¹ Чистяков О. И. Российское законодательство X–XX веков: Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8. С. 40.

² Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. Э. К. Кутуева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 314–315.

- предварительное следствие (гл. 22 УПК РФ);
- дознание в общей форме (гл. 32 УПК РФ);
- дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ).

К отличительным особенностям указанных форм предварительного расследования от предварительного следствия можно отнести:

- категории расследуемых преступлений;
- сроки производства;
- участники уголовного судопроизводства, осуществляющие расследование уголовных дел и их полномочия;
- порядок расследования уголовных дел;
- содержание уголовных дел и предмет доказывания;
- итоговые решения трех форм предварительного расследования;
- подсудность уголовных дел.

Все вышеуказанные отличительные признаки рассмотрим при характеристике дознания в общей и сокращенной формах в сравнении с предварительным следствием и друг с другом.

Правила производства дознания в общей форме законодателем закреплены в гл. 32 УПК РФ. Вместе с тем, в ст. 223 УПК РФ, закрепленной в гл. 32 УПК РФ указывается на то, что дознание в общей форме также производится в порядке, установленном главами 21, 22 и 24–29 УПК РФ, регламентирующими порядок производства предварительного расследования в форме предварительного следствия. Так, в соответствии со ст. 156 УПК РФ как дознание в общей форме, так и предварительное следствие начинается с момента вынесения дознавателем (следователем) постановления о возбуждении уголовного дела. Дознание в сокращенной форме в соответствии с ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ начинается с момента вынесения постановления дознавателем об удовлетворения ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

В соответствии со ст. 150 и 151 УПК РФ дознание в общей форме проводится, как правило, по преступлениям небольшой и средней тяжести, категории которых законодателем установлены ст. 15 УК РФ. Данные преступления не обладают высокой степенью общественной опасности по сравнению с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Поэтому в ч. 3 ст. 223 УПК РФ и определен срок расследования уголовных дел – 30 суток со дня возбуждения. В течении указанного времени дознаватели, как правило, успевают установить и отразить в материалах уголовного дела предмет доказывания, закрепленный в ст. 73 УПК РФ, вынести обвинительный акт и ознакомить обвиняемого и его защитника с ними.

В тех случаях, когда виновный (виновные) совершил несколько преступлений или на производство экспертизы (экспертиз) требуется определенное время либо по иным причинам не представляется закончить расследование в течении 30 суток со дня возбуждения уголовного дела, то при необходимости указанный срок может быть продлен прокурором еще до 30 суток. Вместе с тем, продление срока расследования уголовного дела еще до 30 суток по отдельным преступлениям против собственности и преступлениям в сфере экономической деятельности, указанным законодателем в части первой.1 ст. 108 УПК РФ, в отношении подозреваемого (обвиняемого), которому была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу производится прокурором субъекта Российской Федерации или приравненным к нему военным прокурором.

Особенностью дознания в общей форме является, предусмотренная ст. 224 УПК РФ возможность не только увеличить срок расследования, но и сократить его. В тех случаях, когда подозреваемому избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, то обвинительный акт должен быть составлен не позднее 10 суток с момента применения данной меры.

В соответствии с ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознание в общей форме может производиться дознавателями:

- органов внутренних дел Российской Федерации;
- пограничных органов федеральной службы безопасности;
- органов принудительного исполнения Российской Федерации;
- органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы;
- таможенных органов Российской Федерации.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 150 УПК РФ дознание в общей форме может проводиться и следователями Следственного комитета Российской Федерации.

В соответствии со ст. 223.2 УПК РФ в случае сложности или большого объема уголовного дела начальником органа дознания оно может быть поручено для расследования группе дознавателей. Для этого назначается руководитель группы дознавателей, который принимает уголовное дело к своему производству и организует работу группы дознавателей. При этом руководитель и состав группы должны быть объявлены подозреваемому (обвиняемому).

При необходимости и в соответствии с п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ по решению прокурора расследование уголовного дела, подследственного дознанию в общей форме может быть передано от одного органа предварительного расследования другому. Чаше всего такие решения принимаются, когда очевидно, что в предоставленные дознанию в общей форме не представляется возможным в установленные сроки направить в суд оконченное всесторонне расследованное уголовное дело. К таким можно отнести уголовные дела, когда одним лицом совершено несколько преступлений либо одно преступление совершено несколькими лицами, либо в производстве находятся уголовные дела, требующие проведения нескольких экспертиз и, когда продление сроков не принесет желаемых результатов для окончания расследования.

В соответствии со ст. 223.1 УПК РФ в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления и, когда в ходе дознания получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления дознаватель наделен правом составить письменное уведомление о подозрении в совершении преступления. Уведомление о подозрении должно в себе содержать данные: о месте, времени и лице его составившем; данные лица, подозреваемого в совершении преступления; краткие сведения о самом преступном деянии, вытекающие из обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), а также указание на квалификацию, совершенного подозреваемым, преступного деяния. Копия данного постановления должна быть вручена подозреваемому, которому также должны быть и разъяснены его права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ. В течение трех суток, с момента вручения копии уведомления о подозрении в совершении преступления, подозреваемый должен быть допрошен. При уведомлении также должен быть составлен протокол с отметкой о вручении подозреваемому копии уведомления.

При производстве дознания в общей форме может возникнуть необходимость соединения уголовных дел. Предусмотренный ст. 153 УПК РФ данный институт уголовного судопроизводства позволяет оптимизировать процесс рассмотрения уголовных дел и повысить эффективность судебного разбирательства, поскольку позволяет избежать дублирования и повторного рассмотрения одних и тех же вопросов. Кроме того, соединение уголовных дел способствует обеспечению права на защиту обвиняемых и предотвращению распыления судебного ресурса. Вместе с тем, в следственно-судебной практике соедине-

ние уголовных дел в рассматриваемой форме предварительного расследования является одной из проблем, вызванной не корректной правовой регламентацией данного института. Так, на наш взгляд, законодателем в нормах УПК РФ не раскрыт механизм соединения уголовных дел в случаях, когда они находятся в производстве разных органов предварительного расследования.

В ч. 3 ст. 153 УПК РФ законодатель закрепил правило о том, что по расследуемым следователем уголовным делам решение об их соединении принимает руководитель следственного органа, а по расследуемым дознавателем уголовным делам решение о соединении принимает прокурор. Данное решение как в первом, так и во втором случае оформляется постановлением. Вместе с тем, в ст. 153 УПК РФ не определен срок рассмотрения ходатайства о соединении уголовных дел как руководителем следственного органа, так и прокурором. В связи с этим, на наш взгляд, ст. 153 УПК РФ целесообразно дополнить ч. 5 в следующей редакции: «По поступившему о соединении уголовных дел ходатайству и в зависимости от подследственности решение, указанными в ч. 3 настоящей статьи уполномоченными должностными лицами должно быть принято не позднее 24 часов».

Также целесообразно, на наш взгляд, ст. 153 УПК РФ дополнить ч. 6 в следующей редакции: «Решение о соединении уголовных дел следователь (дознаватель) незамедлительно в письменном виде уведомляет подозреваемого (обвиняемого) и его защитника. В связи с этим указанное право прокурора о соединении уголовных дел необходимо отразить в отдельном пункте ч. 2 ст. 37 УПК РФ, а право руководителя следственного органа в отдельном пункте ч. 1 ст. 39 УПК РФ».

В практике есть определенные трудности при разрешении вопросов, связанных с приостановлением и возобновлением сроков дознания. Федеральным законом № 90 от 06.06.2007 года «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» был разрешен этот вопрос, который распространил на дознание действие гл. 28 УПК РФ без каких-либо ограничений.

В соответствии со ст. 3.1 ст. 223 УПК РФ приостановленное дознание может быть возобновлено на основании постановления прокурора либо начальника подразделения дознания. При признании постановления о приостановлении производства дознания по уголовному делу незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов уголовного дела отменяет его,

о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих расследованию, которое вместе с материалами уголовного дела незамедлительно направляет начальнику органа дознания. В случае истечения срока дознания прокурор устанавливает срок дополнительного дознания не более 10 суток (по ходатайству начальника подразделения дознания). Дальнейшее продление осуществляется на общих основаниях.

К особенностям дознания в общей форме можно отнести отличающийся от предварительного следствия порядок получения дознавателем разрешения на производство отдельных следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права граждан и, которые возможно провести только с разрешения суда. Данные следственные действия законодателем определены в ч. 2 ст. 29 УПК РФ: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск и (или) выемка в жилище; выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; личный обыск; выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; контроль и запись телефонных и иных переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Отличает две вышеуказанные формы предварительного расследования. Так, если следователь на проведение рассмотренных следственных действий получает согласие у руководителя следственного органа, то дознаватель у прокурора, о чем перед судом выносится постановление-ходатайство (ч.1 ст. 165 УПК РФ).

Подобный и отличающийся у дознания в общей форме от предварительного следствия порядок получения разрешения у суда четырех из восьми мер пресечения: запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Так, в соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК РФ. Если следователь на избрание рассмотренных мер пресечения получает согласие у руководителя следственного органа, то дознаватель у прокурора, о чем перед судом выносится постановление-ходатайство. Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершен-

ному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.)¹.

Существенным отличием дознания в общей форме от предварительного следствия является то, что при расследовании уголовных дел, подследственных дознанию, отсутствует центральный этап предварительного расследования в виде привлечения в качестве обвиняемого путем составления и предъявления постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171-175 УПК РФ). На наш взгляд, отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве такого механизма при производстве дознания в общей и сокращенной формах указывает на их упрощенность по сравнению с предварительным следствием.

Следующим отличием дознания в общей форме от двух других форм предварительного расследования является, предусмотренный гл. 32 УПК РФ (Дознание) порядок окончания расследования уголовного дела с составлением обвинительного акта. Во-первых, при дознании в общей форме стороны ознакомление сторон с материалами уголовного дела происходит после составления обвинительного акта. Во-вторых, по порядку составления обвинительный акт отличается от обвинительного заключения и обвинительного постановления. Так, в соответствии со ст. 225 УПК РФ по окончании расследования уголовного дела дознанием в общей форме составляется обвинительный акт, в котором должны быть отражены:

- дата, место и данные должностного лица, его составившего;
- сведения о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;
- событие преступления;
- содержание обвинения с указанием на его квалификацию;
- доказательства и краткое их содержание;
- смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства;
- данные о потерпевшем, характере и размере причиненного ему вреда;

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий.

– список лиц, подлежащих вызову в суд.

Обвиняемый, его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и материалами уголовного дела, о чем делается отметка в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела. Потерпевшему или его представителю по его ходатайству могут быть предоставлены для ознакомления обвинительный акт и материалы уголовного дела в том же порядке, который установлен для обвиняемого и его защитника. К обвинительному акту прилагается справка о сроках дознания, об избранных мерах пресечения с указанием времени содержания под стражей и домашнего ареста, о вещественных доказательствах, гражданском иске, принятых мерах по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа, по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества, процессуальных издержках, а при наличии у обвиняемого, потерпевшего иждивенцев - о принятых мерах по обеспечению их прав. В справке должны быть указаны соответствующие листы уголовного дела. В случае, если лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде штрафа, в справке к обвинительному акту указывается информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы штрафа, предусмотренными законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе. Обвинительный акт, составленный дознавателем, утверждается начальником органа дознания. Материалы уголовного дела вместе с обвинительным актом направляются прокурору. Вместе с тем, в ст. 225 УПК РФ законодатель не указал на порядок ознакомления с материалами дела таких участников уголовного судопроизводства, как гражданский истец, гражданский ответчик и их представители.

В специальной литературе нет единого мнения среди ученых-процессуалистов о моменте окончания стадии предварительного расследования дознанием в общей форме. По этому поводу мы согласны с позицией Т. Николаевой и Е. Ларкиной о том, что моментом окончания стадии предварительного расследования в рассматриваемой форме является утверждение обвинительного акта прокурором¹.

Результатом проводимой в России уголовной политики, направленной на снижение уровня преступности и оптимизации деятельности правоохранительных органов в России, стало принятие 4 марта

¹ Николаева Т., Ларкина Е. Обеспечение прав обвиняемого при производстве дознания // Уголовное право. 2007. № 2. С. 89.

2013 г. Федерального закона № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». В целях ускорения решения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, законодателем была введена новая глава 32.1 УПК РФ (Дознание в сокращенной форме), содержащая нормы о производстве дознания в более упрощенной форме.

Появление третьей формы предварительного расследования позволило правоприменителю по очевидным преступлениям, подследственным дознанию, вместо 30 суток расследовать уголовные дела в более короткие сроки. При этом в нормах гл. 32.1 УПК РФ (Дознание в сокращенной форме) законодатель предусмотрел ряд особенностей расследования уголовных дел, отличающих данную форму предварительного расследования от двух других. Рассмотрим особенности дознания в сокращенной форме в той же последовательности, как и особенности производства дознания в общей форме.

В соответствии с ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ дознание в сокращенной форме производится в порядке, установленном гл. 32 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными гл. 32.1 УПК РФ (Дознание в сокращенной форме). Так, подследственность уголовных дел с данной форме совпадает с подследственностью дознания в общей форме, за исключением преступлений, предусмотренных законодателем в п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ (п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ). То есть, дознание в сокращенной форме может проводиться по более узкому кругу преступлений, чем дознание в общей форме.

Следующим отличием рассматриваемой формы дознания от двух других является начало производства предварительного расследования и срок расследования. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ дознание в сокращенной форме должно быть окончено в течении 15 суток. Началом же производства рассматриваемой формы дознания является день вынесения дознавателем постановления о производстве дознания в сокращенной форме (ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ). В целях устранения противоречий о начале предварительного расследования в ч. 1 ст. 156 УПК РФ (Начало производства предварительного расследования) целесообразно внести изменения, касающиеся начала производства предварительного расследования дознания в сокращенной форме, а указанную часть нормы изложить в следующей редакции: «1. Предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, за исключением дознания в сокращенной форме, о чем

следователь, дознаватель, орган дознания выносит соответствующее постановление. В постановлении следователь, дознаватель также указывает о принятии им уголовного дела к своему производству».

Следующей особенностью дознания в сокращенной форме является наличие условий, закрепленных законодателем в ст.ст. 226.1 и 226.2 УПК РФ (Обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме гл. 32.1 УПК РФ), при которых возможно производство предварительного расследования в рассматриваемой форме:

- уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;

- подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела;

- подозреваемый является совершеннолетним;

- не имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном гл. 51 УПК РФ (Производство о применении принудительных мер медицинского характера);

- подозреваемый не относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный гл. 52 УПК РФ (Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц);

- подозреваемый владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;

- потерпевший не возражает против производства дознания в сокращенной форме.

В отличие от дознания в общей форме при рассматриваемой форме предварительного расследования дознаватель разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, о чем в протоколе допроса подозреваемого делается соответствующая отметка (ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ). Дознавателем также разъясняется порядок подачи данного ходатайства, которое подозреваемый может подать не позднее 2 суток со дня, когда ему было разъяснено такое право (ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ).

В случае поступления со стороны подозреваемого ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме дознаватель в срок не более 24 часов с момента его поступления должен его рассмотреть и вынести решение либо об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме, либо об отказе в удовлетворении данного ходатайства. Решение дознавателя оформляется постановлением.

При положительном решении по заявленному от подозреваемого ходатайству уведомление об удовлетворении дознаватель в течение 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления направляет прокурору, а также потерпевшему. В уведомлении потерпевшему разъясняются порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме (ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ).

Следующей отличительной чертой дознания в сокращенной форме является сугубо свой предмет доказывания. В ст. 226.5 УПК РФ законодатель закрепил особенности доказывания при производстве предварительного расследования в рассматриваемой форме. Во-первых, Доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. Во-вторых, дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, не производство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств. В-третьих, с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе:

1) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

2) не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

3) не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением следующих случаев:

а) необходимость установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств;

б) необходимость проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

в) наличие предусмотренных ст. 196 УПК РФ (Обязательное назначение судебной экспертизы) оснований для обязательного назначения судебной экспертизы;

4) не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом.

Такой подход законодателя к определению предмета доказывания по уголовным делам, расследуемым дознанием в сокращенной форме породил у правоприменителя большое количество вопросов. Так, в первые месяцы применения нового законодательства к новой форме предварительного расследования и органы дознания, и прокуратура, и суд относились с осторожностью, другими словами, мало уголовных дел, расследованных дознанием в сокращенной форме, поступало в суд. Позже, уголовные дела, оконченные в рассматриваемой форме предварительного расследования, чаще стали поступать в суд и правоприменитель стал успешно применять правила расследования уголовных дел, закрепленные в гл. 32.1 УПК РФ (Дознание в сокращенной форме).

Заканчивается расследование уголовного дела в рассматриваемой форме в случае, если необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым (ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ). В этом случае дознаватель составляет обвинительное постановление по тем же правилам, что и обвинительный акт.

Обвинительное постановление подписывается дознавателем и утверждается начальником органа дознания (ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ).

Исследование следственно-судебной практики и специальной литературы позволило нам установить о наличии проблем в правовой регламентации норм гл. 32.1 УПК РФ (Дознание в сокращенной форме).

Так, при сокращенной форме дознания в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации не корректно, на наш взгляд, отражено в п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ) право потерпевшего на дачу согласия проведения предварительного расследования в рассматриваемой форме. Так, например, если вначале, при возбуждении уголовного дела, потерпевший не возражает о предложенном порядке расследования, а позже, еще до окончания, заявляет, что против расследования дознанием в сокращенной форме, то в этом случае расследование уголовного должно производиться дознанием в общей форме. Отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации правила оставить выбранную форму предварительного расследования, не зависимо от позиции потерпевшего, препятствует, на наш взгляд, усложняет не только деятельность правоприменителя, но и не способствует более успешному решению задач, стоящих перед российским уголовным судопроизводством.

Таким образом, рассмотренные в данном параграфе особенности производства дознания в общей и сокращенной формах полностью зависят от проводимой руководством страны уголовной политики. Вместе с тем, как показало исследование самостоятельных форм предварительного расследования, имеется необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства по вопросам, исследованным нами в данном параграфе.

3.3. Злоупотребления процессуальным правом: понятие, виды, пути преодоления

3.3.1 Злоупотребление процессуальным правом в уголовном судопроизводстве: понятие, признаки, причины

В науке уголовного процесса нет единого мнения на понимание злоупотребления процессуальными правами как правового явления. Это порождает споры как о возможности существования такого феномена, так и правомерности либо неправомерности действий (бездействия) участников уголовного процесса при их недобросовестном осуществлении полномочий.

Анализ имеющихся точек зрения позволяет выделить четыре направления во взглядах: представители первого направления полагают, что это социально-вредное, но не противоправное поведение,

возникающее в процессе недобросовестной, несправедливой, неразумной реализации прав участником (А. А. Кушнарев¹).

Представители второго направления считают, что злоупотребление правом должно влечь юридическую ответственность, из которой уголовную – лишь в случае, если оно сопряжено с причинением или реальной угрозой причинения существенного вреда правам граждан (М. О. Баев, О. Я. Баева, Д. В. Богатырев², О. С. Гузеева³, Н. А. Ковалева⁴).

Сторонники третьего направления полагают, что есть злоупотребление правами легальное и противоправное. Все зависит от того, причинен ли вред участникам возникающих общественных отношений противозаконно (противоправное злоупотребление правом), либо нет (правомерное злоупотребление правом) (А. А. Малиновский⁵, Н. А. Колоколов⁶, Е. В. Рябцева⁷).

Сторонники четвертого направления утверждают, что злоупотребления правом не существует. Так, в оценке связи права и поведения, по мнению Н. С. Малеина, возможно лишь два варианта: либо субъект действует в границах принадлежащего ему права, либо он выходит за границу принадлежащего ему права, и, таким образом, совершает правонарушение, за которое должна следовать ответственность⁸. По мнению Г. Резника злоупотреблять можно только

¹ Кушнарев А.А. Причины возникновения злоупотребления правом в процессе осуществления субъективного права // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 34. С. 197–203.

² Богатырев Д. В. Шикана как форма злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2. С. 42–45.

³ Гузеева О.С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 133–152.

⁴ Ковалева Н. А. Злоупотребление правом по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.

⁵ Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 52 с.

⁶ Колоколов Н. А. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом: анализируем следственную и судебную практику // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 128–141. С. 132.

⁷ Рябцева Е. В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2014. 144 с.

⁸ Малеин Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М.: Манускрипт, 1992. 192 с. С. 160.

тем, что принадлежит по праву, значит – это поведение правовое, не противоправное в узком значении последнего понятия, но не должное, недопустимое¹.

Отсутствие единства во взглядах среди теоретиков и правоприменителей порождает ряд вопросов: 1. Что такое злоупотребление процессуальным правом и каковы его субъекты? 2. Как соотносится злоупотребление процессуальным правом с недобросовестным осуществлением процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве и злоупотреблением полномочий? 3. Как соотносится злоупотребление процессуальным правом с реализацией дискреционных прав властных субъектов?

Попытаемся ответить на каждый из данных вопросов.

Что такое злоупотребление процессуальным правом?

Согласно Толковому словарю «злоупотребление» – проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав, возможностей². В своем Постановлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 30 июня 2015 года³ указал, что «суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц».

Согласны с мнением В. М. Баранова и Р. А. Ромашова, которые представили следующие общие признаки злоупотребления правом⁴: 1) оно связано со злоупотреблением со стороны конкретного субъекта,

¹ Резник Г. Общей норме о злоупотреблении правом не место в УПК // Адвокатская газета. 2016, 30 марта.

² Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. С. 231

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС Консультант-Плюс.

⁴ Баранов В. М., Ромашов Р. А. Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 10–20. С. 11–12.

наделенного функциональными правомочиями и способного с их помощью совершить зло в отношении контрсубъекта; 2) понимание злоупотребления правом в качестве вида юридически значимой деятельности говорит о том, что злоупотреблять можно лишь субъективным правом; 3) в качестве злоупотребления правом следует рассматривать не всякое правоограничивающее воздействие, а лишь то, которое характеризуется негативной оценкой (осознание вредоносности правового воздействия), формируемой на психологическом уровне как у субъекта применения права, так и у адресата правореализационного воздействия.

В юридической литературе субъективное право рассматривается сквозь призму трех составляющих: 1) право на собственные действия, 2) право требовать определенного поведения от других лиц, 3) право обращаться в государственные органы за защитой¹.

Учитывая выделенные признаки, проанализировав имеющиеся направления, приходим к выводу, что под злоупотреблением процессуальным правом следует понимать умышленное недобросовестное действие (бездействие) участника уголовного судопроизводства под видом реализации своего процессуального права, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности, посягающее на должную реализацию своих процессуальных прав или исполнения своих процессуальных обязанностей другими участниками процесса и(или) не позволяющее достичь назначения уголовного судопроизводства в разумный срок. В зависимости от наступления последствий будет решаться вопрос юридической ответственности (например, процессуальной – в виде признания доказательства недопустимым; дисциплинарной – прекращение полномочий адвоката; гражданской – возмещение вреда в результате недобросовестного исполнения полномочий, уголовной – привлечение следователя к ответственности за злоупотребление полномочиями).

Субъектами злоупотребления процессуального права по мнению О. И. Даровских относятся как должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, так и участники процесса со стороны обвинения и защиты, иные участники процесса².

¹ Даровских О.И. К вопросу о признаках злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 25–29. С. 26.

² Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография. Челябинск. 2013. 25 с. С. 9

В. И. Кайнов рассматривает возможность среди субъектов выделить участников со стороны обвинения, со стороны суда и со стороны защиты¹.

А. В. Никулина предлагает с учетом имеющихся участников, обладающих определенными правами и обязанностями, рассмотреть возможность объединения рассматриваемой категории более широкой «злоупотребление уголовно-процессуальным положением»².

Полагаем, что переименовывать на более широкую категорию не следует, так как это исключит из перечня субъектов злоупотребления некоторых участников. На наш взгляд, каждый участник, умышленно недобросовестно реализующий свои процессуальные права во вред другим, должен нести соответствующую ответственность.

Как соотносится злоупотребление процессуальным правом с недобросовестным осуществлением процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве и злоупотреблением полномочий?

Чтобы ответить на данный вопрос необходимо обратиться к теории уголовного права для разъяснения термина «злоупотребление».

Анализ норм УК РФ позволяет выделить следующие виды: злоупотребление доверием (мошенничество (ст. 159 УК РФ и причинение имущественного ущерба путем злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ); злоупотребление как один из способов приобретения документа, удостоверяющего личность, или использование персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице (ч. 2 ст. 173.2 УК РФ), злоупотребление при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ), злоупотребление в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ), злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях (ст. 201 УК РФ), в том числе при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ), частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ); злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), в том числе при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285.4 УК РФ).

¹ Кайнов В.И. Злоупотребление правом в российской правовой системе: учебное пособие. Москва: Берлин: Директор-Медиа, 2020. 155 с. С. 28.

² Никулина А. В. Категория «злоупотребление уголовно-процессуальным положением» // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3(34). С. 108–113.

Рассмотрим особенности привлечения к уголовной ответственности на примере ст. 201 УК РФ. В данных преступлениях объективную сторону злоупотребления процессуальным правом можно представить в виде деяния лица, которое хотя и было непосредственно связано с осуществлением им своих процессуальных прав, однако это не вызывалось процессуальной необходимостью и объективно противоречило законным процессуальным правам и интересам других участников уголовного судопроизводства. В результате такого деяния могут наступить последствия в виде существенного вреда правам и законным интересам других участников уголовного судопроизводства, не достижению назначения уголовного судопроизводства в разумный срок, нарушению иных принципов уголовного процесса.

Как злоупотребление полномочиями должно квалифицироваться деяние лица, которое «совершает вхождение в круг его полномочий действия при отсутствии обязательных условий или основания для их совершения»¹ (например, неоднократно заключает соглашения с различными адвокатами с тем, чтобы затянуть сроки проведения следственного действия или длительности ознакомления с материалами уголовного дела, неоднократно направляет письменные поручения органу дознания для проведения отдельных следственных действий, хотя располагает достаточным временем для их непосредственного самостоятельного проведения, принимает процессуальные решения в отсутствие необходимого для этого согласия или в целях последующей незамедлительной их отмены и установления дополнительного срока расследования и т.п.

Категория «существенное нарушение прав» является оценочной и рассматривается в каждом случае отдельно, исходя из обстоятельств дела. Оно может проявляться как в материальном ущербе (в том числе упущенной выгоде) собственникам (наложение ареста на имущество на длительный срок), может выражаться в дополнительных вынужденных платежах, может быть в создании препятствий в удовлетворении процессуальных прав других участников (неоднократное возвращение

¹ П. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Российская газета. 2021. № 159.

на дополнительное расследование), либо в нарушении гарантированных прав и свобод, подрыве деловой репутации, в том числе деятельности адвокатуры.

Причинная связь между деянием и последствиями может иметь как прямой, так и косвенный характер. Наступление последствий спустя значительный промежуток времени существенно осложняет выявление причинной связи.

Субъект – специальный (участник уголовного судопроизводства, наделенный определенными процессуальными правами).

Субъективная сторона выражается в умышленной форме вины в виде прямого или косвенного умысла: участник осознает, что извлечение выгод и преимуществ связано с возможностью или неизбежностью причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, предвидит такие последствия в уголовном судопроизводстве и желает либо сознательно допускает их наступления.

Цель – обязательный признак субъективной стороны. В ст. 201 УК РФ предусмотрено наличие одной из двух целей, которые применимы и для злоупотребления правом: 1) извлечение выгоды и преимуществ для себя или других лиц, 2) нанесение вреда другим лицам, которое не должно подразумевать умышленное совершение иного преступления.

Мотивы совершения рассматриваемого преступления могут быть различные и на квалификацию значения не имеют.

Причины злоупотребления процессуальным правом в уголовном судопроизводстве могут быть объективные или субъективные.

Д. В. Богатырев выделяет в объективных две подгруппы: связанные с законодательством (пробелы, противоречия, ошибки и т.д. в праве) и связанные непосредственно с человеком¹. Причиной возможного злоупотребления правом как со сторону участников обвинения, так и со стороны защиты способствуют имеющиеся усмотрения,

¹ Богатырев Д. В. Причины злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 3. С. 29-32; п. 3 Разъяснения Совета Адвокатской палаты Владимирской области от 29.05.2020 «О минимальной продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела» // Официальный сайт Адвокатской палаты Владимирской области [Электронный ресурс] / URL: <https://apvo.fparf.ru/documents/chamber/resheniya-soveta-apvo/reshenie-soveta-apvo/> (дата обращения: 29.09.2024).

зависящие от субъективного восприятия участника и способа реализации своего права. Ярким примером является деятельность на этапе ознакомления с материалами уголовного дела, состоящего из нескольких томов: у обвиняемого и его защитника есть возможность обращения к ранее изученным томам, выписывать из них любые сведения в любом объеме, снимать копии с документов, в том числе с помощью технических средств (ч. 2 ст. 217 УПК РФ). Время на ознакомление не может быть ограничено. Такая трактовка считается обоснованной с точки зрения логики и необходимости выстроить должную защиту по имеющимся в распоряжении органов уголовного преследования доказательствам. Так, процесс ознакомления защитника с материалами уголовного дела для должного выполнения своей основной функции и оказания качественной юридической помощи представляет из себя трудоемкую, интеллектуальную деятельность, включающую, как минимум, следующие элементы: 1) установление смысла представленных документов и доказательств; 2) установление связи между отдельными частями материалов уголовного дела, т.е. оценка соответствия различных документов и доказательств между собой; 3) анализ движения дела с точки зрения требований УПК РФ; 4) анализ дела с точки зрения подлежащих применению норм материального и процессуального законодательства; 5) конструирование моделей объяснения и опровержения представленных доказательств, их обсуждение и согласование с подзащитным; 6) формирование согласованной с подзащитным и основанной на изучении материалов дела позиции стороны защиты; 7) подготовка документов процессуального реагирования и защиты (подготовка заявлений, ходатайств, жалоб и т.п.)¹.

С другой стороны, отсутствие разъяснений по поводу того, что включает в себя ознакомление с материалами уголовного дела, позволяет лицу, в производстве которого находится уголовное дело, считать ознакомление состоявшимся как только участники сделали на телефон, смартфон, айфон фото материалов уголовного дела, а последующее ознакомление уже считают как «явное затягивание». Особенно в ситуации, когда срок предварительного расследования на исходе.

Ситуация усложняется еще и тем, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу время нахождения защитника со

¹ Талантов Д. Тайм-аут для защиты. Разработаны рекомендации для адвокатов о продолжительности времени, допустимого для ознакомления с материалами уголовных дел // Адвокатская газета. 2014. Выпуск № 18(179).

своим доверителем ограничено в течение суток режимом места содержания; ознакомление защитника с материалами уголовного дела в выходные или праздничные дни – это право, а не обязанность¹; уважительной причиной увеличения продолжительности времени ознакомления является также невозможность ознакомиться из-за оказания помощи по другим уголовным делам. Попытки урегулировать данный вопрос приводят к разнообразной практике применения и стремлению получить разъяснения хотя бы на уровне субъекта Российской Федерации. Например, в связи с обращением судьи Вязниковского городского суда Владимирской области о злоупотреблении защитниками своих процессуальных прав при ознакомлении с материалами уголовного дела № 1-1/2020 Совет Адвокатской палаты Владимирской области принял решение от 29 мая 2020 года об утверждении разъяснений «О минимальной продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела»², поступления представлений следователей и судей о «затягивании» адвокатами разумного срока ознакомления и обращения адвокатов с просьбой определить критерии, которыми необходимо руководствоваться на данном этапе расследования предопределили Разъяснения от 26 мая 2015 года Совета Адвокатской палаты Новосибирской области «О продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела»³.

Объективные причины, связанные с человеком, весьма разнообразны и зависят от конкретной ситуации, связанной с ним. Например, отсутствие технических средств для получения копий материалов уголовного дела позволяет обвиняемому изготавливать их путем переписи

¹Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 № 1211-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Литовской Республики Паулюкаса Донатаса на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

² Разъяснения Совета Адвокатской палаты Владимирской области от 29.05.2020 «О минимальной продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела» // Официальный сайт Адвокатской палаты Владимирской области [Электронный ресурс] / URL: [https:// apvo.fparf.ru/documents/chamber/resheniya-soveta-apvo/reshenie-soveta-apvo-](https://apvo.fparf.ru/documents/chamber/resheniya-soveta-apvo/reshenie-soveta-apvo-) (дата обращения: 29.09.2024).

³ <https://advpalatanso.ru/filearchiv/a90d5021882ef4da2be62e703431ad7900241.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

сывания соответствующих материалов ручкой на листах; длительность составления обвинительного заключения в ряде случаев определяла медленность предоставления количества томов в течение недели¹.

В ходе досудебного производства таких сложных ситуаций реализации прав, при которых противоположная сторона действия участника может расценить как «злоупотребление», несколько. Основные из них рассмотрены в последующих параграфах.

При выделении субъективных причин злоупотребления правом мнения о необходимости рассмотрения уровня правосознания субъекта разделились. Ряд авторов напрямую видят зависимость злоупотребления правом от низкого уровня правосознания и правовой культуры индивида², от морально-нравственных качеств³. Другие авторы исключают влияния уровня правовой культуры, а лишь указывают на наличие недобросовестного правоприменения⁴, предлагая даже для пресечения таких действий предусмотреть составление уведомления о недопустимости такого поведения⁵. Вместе с тем однозначно включаются в субъективный критерий эгоистичные убеждения, желание обогащения, иные низменные побуждения, попытки избегания неблагоприятных для себя последствий.

Нам видится спорным указание на то, что участник, «желая превзойти «оппонента», желает всеми доступными способами причинить

¹ Тонков К. Новая процессуальная проблема. Право адвоката не может быть одновременно и его обязанностью // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс] / URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/novaya-protsessualnaya-problema> (дата обращения: 23.09.2024).

² Бармина О.Н. Причины и условия возникновения злоупотребления в праве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 96–103.

³ Колоколов Н.А. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом: анализируем следственную и судебную практику // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 128–141. С. 129; Милицин С. Д. Можно ли совершать зло ради добра, или еще раз о злоупотреблении уголовно-процессуальным правом // Уголовное судопроизводство. 2023. № 3.

⁴ Богатырев Д.В. Причины злоупотребления в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 3. С. 29–32.

⁵ Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 91.

тому вред, при этом он стремиться не нарушить нормы права, а потому выбирает формально правомерный путь – злоупотребление правом»¹.

Важность выделения критериев с последующей разработкой предложений по их минимизации важна не только для достижения назначения уголовного судопроизводства в разумные сроки, но и для повышения авторитета правозащитных органов, защиты конституционных прав и интересов участников уголовного процесса.

3.3.2 Типичные ситуации злоупотребления процессуальным правом участниками со стороны обвинения и механизмы их преодоления

В деятельности участников стороны обвинения иногда возникают случаи злоупотребления своими процессуальными правами, которые обосновываются разными причинами и мотивами.

В ходе анализа имеющихся результатов исследований других ученых (Д. В. Богатырева, О. И. Даровских, Н. А. Колоколова, А. А. Кушнарева, А. А. Малиновского), изучения уголовных дел и личный опыт в должности следователя, позволяют выявить несколько видов типичных ситуаций злоупотребления процессуальными правами как субъектов, наделенных властными полномочиями и в производстве которых находится уголовное дело, так и участников, не наделенных такими полномочиями:

1) при принятии основных процессуальных решений по уголовному делу на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования;

2) при своевременности производства следственных действий и явки для их проведения;

3) при принятии обеспечивающих мер должного достижения назначения уголовного судопроизводства (избрании мер пресечения, иных мер уголовного-процессуального принуждения, задержания);

4) при осуществлении контрольных или надзорных функций должностными лицами.

Рассмотрим выявленные в ходе исследования злоупотребления процессуальными правами отдельными участниками, наделенными властными полномочиями.

Злоупотребление процессуальными правами прокурором.

Анализ полномочий прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса позволяет выделить несколько сфер, в которых имеется усмотрение, субъективная оценка и возможность принятия решения

¹ Богатырев Д.В. Указ. соч. С. 30.

без конкретизации законодателем сроков или количества принимаемых решений по одному и тому же вопросу:

1)сроки согласования ходатайства дознавателя о производстве следственных действий, требующих получение судебного решения, а также избрания мер пресечения, иных мер уголовно-процессуального принуждения;

2)сроки признания доказательства недопустимым (ч. 3 ст. 88 УПК РФ). При этом такое доказательство не подлежит включению в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление, но в силу несвоевременности принятия решения может быть учтено в совокупности с достаточными доказательствами для предъявления обвинения;

3)количество отмен постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), в случае признания решения незаконным или необоснованным;

4)количество отказа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 5 ст. 21 УПК РФ);

5)количество отмен постановления о приостановлении предварительного расследования, в случае признания документа незаконным или необоснованным;

6)количество возвращений материалов уголовного дела для производства предварительного расследования.

Согласны с мнением А. В. Гришина, В. С. Касьяненко¹ о том, что в ходе досудебного производства можно выделить направления деятельности прокурора, допускающие возможность злоупотребления процессуальными правами в силу отсутствия четких предписаний и запретов закона:

1)деятельность при разрешении заявления о преступлении и возбуждении уголовного дела;

2)при принятии основных (ключевых) процессуальных решений;

3)в ходе осуществления текущего надзора за исполнением законов органами предварительного расследования на стадии предварительного расследования;

¹ Гришин, А. В. Злоупотребление процессуальными правами прокурором, следователем, дознавателем в уголовном процессе / А. В. Гришин, В. С. Касьяненко // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4(89). – С. 28–33. С. 31.

4) на заключительном этапе расследования, когда принимается итоговое решение стадии или решение о направлении (не направлении) уголовного дела в суд.

Злоупотребление правом субъектов, в производстве которых находится уголовное дело.

Злоупотребление правом на обвинение. В юридической литературе есть работы, посвященные проблемам злоупотребления при искусственном дроблении одного факта преступления на несколько, путем выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении неустановленного лица по одному из эпизодов, с последующим соединением на завершающем этапе расследования, что исключает со стороны участников защиты возможность вовремя принять меры на построение своей позиции, своевременном пояснении по поводу установленных обстоятельств и полученных объектов в результате проведения следственных действий¹.

Также разновидностью злоупотребления правом на обвинение является вменение большего количества эпизодов, рассчитывая, тем самым искусственно поднять процент раскрываемости и уменьшить количество уголовных дел, приостановленных по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, либо наоборот, искусственно увеличить количество эпизодов, разделив продолжаемое преступление на самостоятельные составы преступления. Это приводит к ошибкам при определении размера наказания. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции Определением суда кассационной инстанции изменила действия Е. по преступлениям, квалифицированным по ч. 3 ст. 159 и по ч. 4 ст. 159 УК РФ, переквалифицировав на один эпизод по ч. 4 ст. 159 УК РФ, смягчив наказание по приговору².

Иногда следователь торопится с формулированием обвинения за совершение отдельных видов прикосновенности к преступлению (например, за укрывательство). Так, лицу был вынесен приговор за укрывательство преступления – убийства, до вступления в законную

¹ Колоколов Н.А. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом: анализируем следственную и судебную практику // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 128-141.

² Определение Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 1.10.2021 г. № 77-4895/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=61307#nYQd4uTCccj9Wj3X1> (дата обращения: 23.09.2024).

силу приговора суда по ст. 105 УК РФ. По смыслу закона суд при рассмотрении уголовного дела не вправе устанавливать или считать доказанными факты, а также делать выводы о виновности других лиц и о совершении другого деяния¹. Это необходимо помнить следователю, так как без соответствующего вступившего в законную силу приговора обвинение в совершении отдельных видов прикосновенности к преступлению не обосновано и не имеет достаточного объема доказательств. Такое правило должно действовать и при рассмотрении уголовного дела, выделенного в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Именно такая последовательность приведет к исключению ошибок, когда в отношении лица, содействующего с правоохранительными органами, выносится обвинительный приговор с возложением обязанности загладить причиненный ущерб, а в последующем в отношении соучастников по основному уголовному делу выносится оправдательный приговор, либо невозможность констатировать доказанность совершения преступлений соучастниками в связи с отсутствием вступившего в законную силу приговора суда². На сегодняшний день последовательность рассмотрения таких уголовных дел не определена³.

К сожалению, еще одним видом злоупотребления процессуальным правом, на который указывает С. Д. Милицин, является возможность возбуждения уголовного дела, когда «судебная перспектива выглядит не просто туманной, а практически нереальной». Особенно это касается преступлений в сфере предпринимательства. Рассмотрение

¹ Определение Первого кассационного суда от 18 марта 2021 г. № 77-909/2021 // Официальный сайт Первого Кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8765631&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 23.09.2024).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2020 года № 77-176/2020 // Официальный сайт Девятого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1707695&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 23.09.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СПС Консультант Плюс.

«заказных» уголовных дел¹ должно рассматриваться как вид злоупотребление процессуальными полномочиями.

Злоупотребление правом на отмену процессуальных решений.

В основном в ходе досудебного производства это действие продиктовано нежеланием решать вопрос о продлении сроков расследования перед вышестоящим руководителем следственного органа. Такое количество отмен иногда «впечатляет». Так, прокурор счел законной отмену постановления о прекращении уголовного преследования, после которого срок предварительного расследования по делу составил 27 месяцев², несмотря на позиции Конституционного Суда РФ³. Такие примеры не единичны⁴.

Злоупотреблением правом при производстве следственных действий.

Пользуясь тем, что сроки проведения следственного действия предусмотрены лишь при проведении допроса, некоторые следователи проводят в течение суток несколько следственных действий: после задержания в порядке ст. 91 УПК РФ провел допрос, затем выехал с подозреваемым для производства обыска в его жилище, по результатам провел дополнительный допрос, предъявление для опознания и получение образцов для сравнительного исследования. По буквальному толкованию закона по продолжительности следственных действий нарушений нет, но фактически с подозреваемым были проведены процессуальные действия по времени превышающие 10 часов.

Возможно нарушение и при свидетельских иммунитетах, когда следователь допрашивает адвоката не только о факте нахождения его

¹ Милицин С. Д. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом и проблема «заказных» уголовных дел // Уголовный процесс. 2016. № 6(96). С. 44–47. С. 46.

² Рогоцкая С. Адвокат обжалует продление срока предварительного следствия вопреки позиции КС // Адвокатская газета. 2018. 25 июня [Электронный ресурс] / URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-obzhaluet-prodlenie-sroka-predvaritelnogo-sledstviya-vopreki-pozitsii-ks/> (дата обращения: 29.09.2024).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 25.12.2008 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 39 и 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18004.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда от 18.08.2021 № 10-16545/2021.

на ранее проводимом следственном действии, но и о показаниях, которые давал его доверитель; когда следователь допрашивает переводчика, присутствующего при консультации, проводимой защитником подозреваемому; когда следователь допрашивает сотрудника уголовного розыска об обстоятельствах проведения им оперативно-розыскных мероприятий, включая тактику, средства и методы их проведения.

Злоупотребление правом при избрании мер уголовно-процессуального принуждения.

Некоторые следователи при задержании подозреваемого в порядке ст. 91 УПК РФ не торопятся выполнить действия, направленные на возможность своевременного помещения участника в ИВС, в котором было бы ему обеспечено питание и право на 8-ми часовую сон. Вместо этого они проводят с ними следственные действия, в том числе пресекая возможность проведения консультации с адвокатом, аргументируя это необходимостью проведения следственных действий.

Как показывает судебно-следственная практика, при отказе суда в удовлетворении ходатайства об избрании заключения под стражу, следователь избирает подписку о невыезде и надлежащем поведении, тем самым доказывая, что и ранее была возможность избрания менее строгой меры пресечения, раз при отказе инициатива следователя ограничивается избранием минимально строгой мерой пресечения.

Многие следователи в аргументации позиции избрания меры пресечения указывают, что «обвиняемый ранее не судим, на учетах не состоит, женат, имеет постоянный источник доходов, так как работает, на иждивении находится несовершеннолетний ребенок, нет оснований полагать, что обвиняемый продолжит заниматься преступной деятельностью, скроется или иным способом будет препятствовать осуществлению предварительного расследования». Но ведь при такой трактовке оснований для избрания мер пресечения нет и единственное, что на законных основаниях может выполнить следователь – это принять решение об иной мере уголовно-процессуального принуждения – явке с повинной.

Злоупотребление своим правом частным обвинителем.

Такое поведение участника имеет место при подаче заявления (в том числе неоднократно) о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица лишь намереваясь причинить вред такому лицу. На этот случай обратил внимание Конституционный Суд РФ и в своем Постановлении от 17 октября 2011 года № 22-П указал, что в данном случае должны быть обеспечены требования УПК РФ о реабилитации

каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, не исключая использования гражданско-правового механизма защиты прав добросовестных участников уголовного процесса. При этом «злоупотребление со стороны частного обвинителя правом на обращение в суд не предполагает устранение государства от компенсации вреда, связанного с уголовным преследованием этого лица, путем переложения на частного обвинителя своей ответственности за неправомерное вынесение судом обвинительного приговора»¹.

Способами преодоления злоупотребления процессуальными правами участниками со стороны обвинения, на наш взгляд, может являться: 1) усиление прокурорского надзора и ведомственного контроля за принятием процессуальных решений следователя, дознавателя; 2) возможность предусмотреть сроки предварительного следствия в зависимости не только сложности уголовного дела, но и по аналогии с дознанием, от необходимости проведения экспертных исследований либо получения ответа на запрос об оказании международно-правовой помощи. Считаем не эффективным и не справедливым наличие единого срока расследования очевидных одноэпизодных преступлений средней тяжести и многоэпизодных сложных преступлений, относящихся к категории тяжких или особо тяжких.

3.3.3 Типичные ситуации злоупотребления процессуальным правом участниками со стороны защиты и механизмы их преодоления

Согласны с мнением В. В. Конины о том, что злоупотребление правом со стороны защитника представляется наиболее неприемлемым, поскольку в отличие от лица, в производстве которого находится уголовное дело, прокурора и суда, у него нет вышестоящей инстанции, которая могла бы своевременно пересмотреть и отменить незаконные действия и решения, принятые им при осуществлении защиты, исправить ситуацию².

¹ П. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности части первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. А. Тихомировой, И. И. Тихомировой и И. Н. Сардыко» // СПС КонсультантПлюс.

² Конин В.В. Злоупотребление правом адвокатом в уголовном судопроизводстве как вид профессиональной деформации (по материалам дисциплинарной практики адвокатских палат Санкт-Петербурга и Калининградской области) // Современное право. 2019. № 9. С. 124–128.

В ходе анализа юридической литературы, обзоров судов кассационных и апелляционных инстанций, личного опыта следственной работы можно представить следующие виды злоупотреблений правами со стороны защитников и защищаемых ими лиц в ходе досудебного производства:

Злоупотребление правом на заявление ходатайств и жалоб.

При имеющемся большом количестве жалоб на действия должностных лиц органов предварительного расследования, процент их удовлетворения низкий – не более 4%¹. Согласно с мнением С. Д. Милициным, что некоторые из жалоб, ходатайств подаются стороной защиты не для того, чтобы добиться отмены или изменения обжалуемого действия или решения, а для: 1) затягивания сроков (особенно когда приближается истечение сроков уголовного преследования, сроки избрания меры пресечения, требующий получение судебного решения, с расчетом на то, что следователь не успеет вовремя обратиться с ходатайством о продлении сроков); 2) отвлечение усилий лица, в производстве которого находится уголовное дело, от расследования (так как каждая жалоба, ходатайство требует подготовки копий документов, подтверждающих законность и обоснованность совершенного действия (бездействия) либо принятого решения, дачу объяснений, либо, соответственно, рассмотрение ходатайства по существу и в случае невозможности удовлетворения имеющихся просьб – письменно выразить свою позицию); 3) демонстрирования мнимой активности по защите прав доверителя (некоторые защитники количеством жалоб, ходатайств показывают своему клиенту, что они выполняют взятые на себя соглашения обязательства); 4) желанием получить разъяснения от судьи по вопросу правоприменения со стороны следователя для последующего выстраивания позиции в ходе судебного разбирательства.

По данному поводу была высказана позиция Верховным Судом РФ о том, что отказ в удовлетворении ходатайств со стороны защиты возможен, если представленные права используются в ущерб интересам других участников процесса².

¹ Милицин С.Д. Можно ли совершать зло ради добра, или еще раз о злоупотреблении уголовно-процессуальным правом // Уголовное судопроизводство. 2023. № 3. С. 23–29.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30.06.2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве // СПС КонсультантПлюс.

Яркие примеры злоупотребления данным правом приведены в статье С. А. Гордейчик¹: Л., считавший себя незаконно осужденным из-за ложным, по его мнению, показаний потерпевших, неоднократно обращался с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении названных лиц, а получив отказ в принятии сообщения о преступлении, обращался с жалобами в суд на решения и действия органов предварительного расследования. За период с 2011 по 2018 год включительно Л. предъявил в суд 638 жалоб.

Другим примером являются действия Д., который ежедневно обращался к следователю с ходатайством об изменении меры пресечения, возврате изъятого имущества и прекращении уголовного дела. Получая отказ, он на следующий день обращался в суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ на решение об отказе в удовлетворении ходатайства или бездействие в связи с его не рассмотрением. В 2019 году им было подано 273 жалобы².

Правоприменители видят возможность прекратить такие действия лишь признанием таких действий как «злоупотребление правом». Тогда допустима ссылка на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ и п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 (речь о котором уже была выше).

Констатация факта присутствия при производстве следственных действий или принятия процессуальных решений. Так, в квалификационную комиссию Адвокатской палаты Санкт-Петербурга обратился на адвоката обвиняемый по уголовному делу, указав, что обнаружил в материалах дела сфальсифицированный протокол своего допроса, подписанный адвокатом К., осуществлявшей его защиту в порядке ст. 51 УПК РФ³. По времени допрос осуществлялся в момент, когда обвиняемый находился в зале суда при рассмотрении ходатайства следователя об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу.

Комиссия констатировала факт недобросовестного отношения адвоката К. к своим профессиональным обязанностям: подписывая

¹ Гордейчик С.А. Злоупотребление правом обжалования в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 21–22.

² Гордейчик С.А. Указ. соч.

³ Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (январь-июнь 2018 года) // Вестник Адвокатской палаты Санкт-Петербурга. 2018. № 4. С. 75–78.

протокол допроса, вызывающий обоснованные сомнения, она действовала вопреки законным интересам доверителя, что приводит к подрыву доверия и умалению авторитета адвокатского сообщества¹.

Также в данной группе злоупотреблений является участие в уголовном деле вопреки установленного порядка оказания юридической помощи по назначению органов дознания, предварительного следствия и суда, в частности без учета наличия заявки, полученной адвокатом от распорядителя заявок АИС АП, исключения «двойной защиты».

Злоупотребление правом на пользование родным или иным языком, которым владеет участник.

Как показывает следственно-судебная практика, данное злоупотребление свойственно подозреваемым, обвиняемым. Ими заявляется ходатайство, что они желают изъясняться на родном языке и плохо владеют языком уголовного судопроизводства. Иногда такие ходатайства заявляются на завершающем этапе расследования или уже непосредственно в ходе судебного разбирательства с тем, чтобы добиться ранее собранных с их участием доказательств недопустимыми, так как отсутствовал переводчик и(или) защитник. При этом русский язык для них тоже является родным и нет сложности изъясняться при проведении следственных и иных процессуальных действий². Цель таких заявлений – затягивание сроков расследования, создание препятствий органам предварительного расследования и постановка под сомнение собранной доказательственной базы.

Интересна позиция А. В. Смирнова, основанная на решениях Конституционного Суда РФ о том, что участник, изъявивший право на переводчика, но при этом хорошо владеющий языком уголовного судопроизводства не может злоупотреблять этим процессуальным правом, так как оно ему просто не принадлежит³.

¹ Конин В. В. Злоупотребление правом адвоката в уголовном судопроизводстве как вид профессиональной деформации (по материалам дисциплинарной практики адвокатских палат Санкт-Петербурга и Калининградской области) // Современное право. 2019. № 9. С. 124–128.

² Буханов А. И. Злоупотребление правом на пользование родным языком участниками уголовного процесса // Российский следователь. 2022. № 6. С. 21–24.

³ Смирнов А. В. Злоупотребление правом на защиту // Закон. 2015. № 7. С. 24–31.

Одним из способов злоупотребления правом обвиняемого, которого физические возможности зрения в прочтении документов ограничены, является требование о предоставлении текста обвинительного заключения (обвинительного акта или обвинительного постановления) не в обычном виде, а изготовленном с использованием рельефно-точечного тактильного шрифта Брайля. В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ необходимо установить, что обвиняемый владеет навыками чтения такого текста и не в состоянии прочитать обычный (плоскопечатный) текст¹.

Механизмом преодоления злоупотребления правом участниками со стороны защиты, возможно, будут являться следующие действия: 1) усиление контроля со стороны Адвокатских палат за деятельностью адвокатов в части соблюдения Кодекса этики адвокатов; 2) информирование судей Адвокатские палаты в случае злоупотребления адвокатом права на подачи жалоб; 3) возможность ознакомления с материалами уголовного дела путем направления электронных материалов стороне обвинения с предупреждением наступления ответственности за распространение тайны предварительного расследования, тем самым изменив завершающий этап предварительного расследования, не нарушив возможность должного времени на ознакомление с материалами уголовного дела; 4) увеличение оснований продления сроков предварительного следствия в виде необходимости составления обвинительного заключения при расследовании многоэпизодного, многоэпизодного уголовного дела.

В главе рассмотрены лишь некоторые из выявленных в результате изучения судебно-следственной практики и юридической литературы злоупотребления процессуальными правами и предложены некоторые из способов их преодоления. Но даже выявленные моменты требуют последующего изучения и принятия попыток устранения умышленной, недобросовестной реализации процессуальных прав участников во вред иным участникам правоотношений и назначению уголовного судопроизводства в целом.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. № 2650-О «По жалобе гражданина Григорьева Вадима Всеволодовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Гарант [Электронный ресурс] / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403289649/> (дата обращения: 01.10.2024).

3.4. Следственные ошибки, допускаемые в ходе производства предварительного расследования, и пути их устранения

Следственные ошибки на досудебных стадиях уголовного процесса допускают должностные лица органов дознания (ошибки дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания), следственных ведомств (ошибки следователя и руководителя следственного органа); ошибаются прокурор, его заместитель и помощник (*прокурорские ошибки*); судьи при осуществлении судебного контроля (*судебные ошибки*).

К следственным ошибкам не относятся криминальные действия субъектов, ведущих уголовный процесс. Подобные их действия (или бездействие) есть ни что иное как совершение преступления против правосудия, государственной власти, интересов государственной службы и др. Дисциплинарная, но не преступная халатность может быть ошибкой. «Водораздел» между ошибкой и преступлением (умышленным, неосторожным) должен быть – природа этих явлений иная: у ошибок она исходит из просчетов, которые наказываются дисциплинарно, а для преступлений существуют предписания УК РФ, связанные с уголовным наказанием – степень общественной опасности дисциплинарного проступка лица, допустившего ошибку, иная, нежели степень общественной опасности должностного лица, совершившего преступление, связанного с осуществлением им уголовно-процессуальной деятельности. На это правильно обращал внимание А. Б. Соловьев, полагая, что существенным признаком следственной ошибки является непроступная мотивация действий следователя¹.

А. А. Кириллова в своих работах предлагает «объединительное» определение следственной ошибки, охватывающее уголовные, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты ошибок. Она считает, что «под следственной ошибкой следует понимать отступление следователя от требований уголовного, уголовно-процессуального закона и различных, в том числе криминалистических, научных рекомендаций при проведении процессуальных и иных действий, а равно не проведение нужных по обстоятельствам дела процессуальных,

¹ Соловьев А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. М., 2002. С. 112; Соловьев А. Б. Проблемные вопросы доказывания, возникающие в процессе расследования преступлений при применении УПК РФ. М., 2008. С. 228–229 и др.

иных действий, не использование тактических приемов и тактических операций, повлекшие за собой принятие решений, противоречащих закону, не достижение оптимального результата или утрату потенциальных возможностей в ходе предварительного расследования и/или судебного разбирательства»¹.

Безусловно, влияние экспертных, криминалистических, психологических, оперативно-разыскных и иных ошибок на следственные и судебные ошибки, взаимосвязь между ними есть, но специфика их иная.

Процессуальный статус ошибки (условно – «официальные» ошибки) имеют лишь те отступления от принципа законности в уголовном судопроизводстве, которые зафиксированы субъектами, ведущими уголовный процесс, в процессуальных документах (к примеру, в приговоре суда и др.).

Иные участники (защитник, потерпевший, обвиняемый и др.) могут, в том числе и процессуально, реагировать на ошибки, указывать на них, но до тех пор, пока властный субъект, ведущий уголовный процесс, официально не отреагирует и в процессуальном документе не укажет на ошибку, о процессуальном статусе ошибки говорить не приходится.

Необходимо помнить, что феномен ошибки связан с реальным существованием:

- ошибок, официально констатированных (и юридически признанных) в процессуальных документах субъектов, ведущих уголовный процесс;
- иных ошибок (в том числе – латентных).

Таким образом, ошибка (следственная, прокурорская, судебная) – это не содержащее признаков уголовно-наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс, выразившееся в неполноте, односторонности и необъективности исследования указанными субъектами обстоятельств уголовного дела, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, соответствующее их субъективному отношению к назначению уголовного

¹ Кириллова А. А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Улан-Удэ, 2014. С. 60; Кириллова А. А. Следственные ошибки в методике судебного разбирательства // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 156.

судопроизводства и объективно препятствующее его нормативно-заданному достижению в виду получения (или возможности получения) неправильного процессуального результата (решения).

Основная классификация ошибок связана с их *сущностной характеристикой*:

1. Неполнота, односторонность и необъективность исследования обстоятельств уголовного дела (пробелы предварительного расследования; пробелы судебного следствия);

2. Несоблюдение в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства (справедливого правосудия);

3. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона;

4. Неправильное применение уголовного закона.

В теории и на практике одним из основных инструментов в выявлении, исправлении и предупреждении ошибок на досудебных стадиях классически принято считать контрольно-надзорную деятельность прокурора, судьи, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания.

Есть все основания говорить о российском виде организации досудебного производства и, следовательно, о соответствующем ему специфически российском механизме устранения ошибок, развитие которого должно осуществлять в рамках *трех моделей*: «динамичного судебного контроля», «перманентного прокурорского надзора» и «разнополярного ведомственного контроля».

Высокую значимость *судебного контроля* подчеркивал Л. В. Головкин, говоря, что «чем более развит в той или иной стране судебный контроль, тем меньше у нас шансов увидеть в соответствующей процессуальной системе какие-либо аналоги, пусть даже отдаленные, возвращения дела на доследование в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона»¹.

Понятие судебного контроля применимо для проверочной деятельности суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства

¹ Головкин Л. В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. №11. С. 63.

и при назначении судебного заседания¹. Судебный контроль распространяется на сравнительно ограниченный круг следственных и иных процессуальных действий и, в первую очередь, сводится к судебной проверке законности и обоснованности действий, затрагивающих конституционные права человека.

Юридическим основанием для осуществления судами контрольной функции непосредственно в стадии предварительного расследования по уголовным делам служит Конституция РФ. Анализ ее содержания говорит о реально существующих в настоящее время **трех основных видов судебного контроля** на досудебных стадиях уголовного судопроизводства².

Для удобства изложения можно назвать первый вид контроля **«арестным»**³, второй – **«процедурным»**, третий – **«контроль по жалобам»**.

«Арестный» контроль предусмотрен ст. 22 Конституции РФ, которая гласит, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению.

В статье 29 УПК РФ сказано подробно об этом виде судебного контроля.

При осуществлении судебного контроля в условиях судебного заседания очень важно суду, прокурору вовремя распознать и исправить ошибочные намерения дознавателя (начальника подразделения дознания, органа дознания), следователя (руководителя следственного органа), которые возникают у них в силу различных причин (обвинительный уклон в расследовании дела, желание уберечь себя от неблагоприятных последствий в виду непредсказуемости поведения подозревае-

¹ Следует заметить, что среди ученых существуют и другие взгляды на определение понятий «судебная проверка», «судебный надзор», «судебный контроль». К примеру, В. З. Лукашевич в свое время полагал, что судебный контроль имеет место в стадии предания суду. См.: Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду / отв. ред. Н. С. Алексеев. Ленинград, 1966. С. 5.

² Необходимо заметить, что аналогичные три вида судебного контроля выделяли в своих работах и другие ученые. См., к примеру: Вороненков Д. Н. Судебный контроль в механизме разделения властей / под ред. С. А. Комарова. СПб., 2007. С. 150.

³ Автор осознает, что термин «арестный контроль» является достаточно условным, но именно этот термин воспринимается практиками и как нельзя лучше отражает суть деятельности суда по избранию таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, залог и запрет определенных действий.

мого, обвиняемого и др.) и влекут за собой принятие решений о заключении подследственного под стражу или продлении срока содержания под стражей.

Второй вид судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства - «процедурный» - предусмотрен статьями 23 и 25 Конституции РФ.

В статье 29 УПК РФ конкретизируется перечень следственных и иных процессуальных действий, проведение которых основывается на судебном решении, в силу того что они посягают на охраняемые Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина.

«Процедурный» судебный контроль можно было бы оставить за судом для принятия им «классических» решений о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, производстве обыска и (или) выемки в жилище, контроле и записи телефонных и иных переговоров. Санкционирование производства иных следственных и процессуальных действий, о которых идет речь в ст. 165 в контексте ст. 29 УПК РФ, мог бы проводить прокурор. И это не просто замена судебного контроля на прокурорский надзор: это усиление и судебного контроля, и прокурорского надзора, так как в этом случае решение прокурора заинтересованные участники уголовного процесса будут иметь возможность обжаловать вышестоящему прокурору (в порядке ст. 124 УПК РФ) или в суд (в порядке ст. 125 УПК РФ). Следовательно, одновременно идет усиление и такого вида судебного контроля, как «контроль по жалобам».

Третий вид судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства – «контроль по жалобам» - предусмотрен ст. 46 Конституции РФ, которая предписывает суду рассматривать жалобы на любые действия и решения органов государственной власти, нарушающие права и свободы граждан.

В статье 29 УПК РФ сказано, что суд правомочен в ходе досудебного производства рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в случаях и порядке, которые предусмотрены ст. 125 УПК РФ.

Ст. 125 УПК РФ содержит открытый перечень обжалуемых в суд процессуальных действий, бездействий и решений, однако важно, чтобы все они были связаны с нарушениями конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства либо затрудняли доступ граждан к правосудию. Судья рассматривает жалобу в судебном заседании с участием заинтересованных лиц.

В УПК РФ предусмотрено право подачи жалобы прокурору, руководителю следственного органа (ст. 124), а также и (или) в суд (ст. 125). Причем, сами участники уголовного процесса имеют право определиться: подать им сначала жалобу прокурору, руководителю следственного органа, а затем в суд, или, наоборот, подать жалобы одновременно прокурору, руководителю следственного органа и в суд.

Важным в этой связи представляется предложение, высказанное А. Б. Соловьевым и Н. А. Якубович о том, что «права и обязанности суда по контролю за законностью предварительного следствия должны быть строго ограничены рамками, обусловленными положениями Конституции РФ и ратифицированными РФ международными правовыми актами. При этом целесообразно, чтобы механизм реализации в досудебных стадиях уголовного процесса ст. 46 Конституции РФ об обжаловании в суд решений и действий органов государственной власти и должностных лиц предусматривал бы по общему правилу предварительное обращение с жалобой к прокурору. Это необходимо, чтобы оградить суд от непосильной для него по объему работы, которую в настоящее время с большим напряжением выполняет аппарат органов прокуратуры»¹.

Своеобразный взгляд на предназначение судебного контроля у Ю. К. Якимовича. «Судебный контроль (не надзор, а контроль) нужен тем более сейчас, когда, к сожалению, прокуратура далеко не в достаточной степени осуществляет надзор за производством предварительного расследования. Судебный контроль должен выражаться в рассмотрении жалоб на определенные, указанные в Законе, действия органов предварительного расследования и прокуратуры и в праве суда выносить по этим жалобам судебные приказы.

В первую очередь, суду должно быть предоставлено право рассматривать жалобы на законность привлечения лица в качестве обвиняемого, ведь именно с актом привлечения в качестве обвиняемого связаны все негативные последствия для этого лица.

Поэтому, обвиняемого и его защитника следует наделить правом обжаловать в суде законность и обоснованность привлечения в качестве обвиняемого, а суд – правом отменять указанное постановление в случае необоснованного или незаконного привлечения в качестве обвиняемого.

¹ Соловьев А. Б. Предварительное расследование и прокурорский надзор ... С. 9.

И это самое главное. Все остальное, в том числе и обжалование ареста, связано именно с рассмотренным выше правом. Иначе рассмотрение жалобы на арест превращается в пустую формальность: суд не входит в рассмотрение вопроса о законности привлечения в качестве обвиняемого, а ст. 96 УПК позволяет арестовать только на основании тяжести преступления любого обвиняемого»¹.

В предложениях, представленных Президенту РФ в связи с необходимостью введения института следственного судьи, в качестве одного из полномочий такого судьи обозначена проверка им законности и обоснованности предъявления обвинения (привлечения в качестве обвиняемого), а также окончательного обвинения, содержащегося в обвинительном заключении.

Поручение Президента РФ Верховному Суду РФ основано на предложениях Т. Г. Морщаковой². В этих предложениях, по сути дела, за следственными судьями сохраняются полномочия по осуществлению «арестного контроля», «процедурного контроля», «контроля по жалобам». Но, вместе с тем, добавляются новые полномочия, связанные с легализацией собранных сторонами значимых сведений в ранг судебных доказательств³, а также с осуществлением следственным судьей слушаний при предании обвиняемого суду.

В число полномочий судей по контролю за предварительным расследованием необходимо включить все три вида судебного контроля, который на сегодняшний день осуществляется федеральными судьями – «арестный контроль», «процедурный контроль», «контроль по жалобам». Но одновременно с классическими видами су-

¹ Якимович Ю. К. Избранные статьи. 1997. С. 56–57.

² Морщакова Т. Г. О концепции и порядке формирования института следственных судей в РФ [Электронный ресурс] // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию. Электрон. дан. URL: <http://www.iauaj.net/node/1718> (дата обращения: 05.09.2024).

³ К примеру, в Германии «судья для дознания» может допрашивать свидетелей под присягой на досудебной стадии, когда данному доказательству присваивается статус особо важного доказательства. Безусловно, устанавливается и особая ответственность за ложные показания, данные под присягой. В Германии существуют 3 вида показаний: показания, данные полиции (ответственности за их ложность нет); показания, данные прокурору (уже установлена ответственность за их ложность); показания, данные суду под присягой (установлена особая ответственность за их ложность). См.: Бест Э. Уголовный процесс Германии // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 8–13.

дебного контроля судьи по контролю за предварительным расследованием могли бы дополнительно осуществлять следующие судебные контрольные полномочия:

– «депонирование» по обращению сторон уголовного судопроизводства доказательств по уголовному делу: при этом важно будет определить очень четкий и узкий круг доказательств, которые «депонирует» суд, имея в виду при этом исключительный характер такого «депонирования» (к примеру, допрос свидетеля, находящегося в тяжелом болезненном состоянии при потенциальной опасности, что в дальнейшем при рассмотрении уголовного дела по существу произвести такой допрос в суде свидетеля может не представиться возможным по различным объективным причинам);

– разрешение вопросов, связанных с назначением судебного заседания по существу, имея в виду при этом:

а) именно судья по контролю за предварительным расследованием в финале этого расследования вновь рассмотрит вопрос о мере пресечения для обвиняемого, особенно, если он содержится под стражей;

б) рассмотрит по ходатайству сторон вопрос о признании отдельных собранных доказательств по уголовному делу недопустимыми (к этому моменту прокурор уже вручит обвиняемому обвинительные заключения, акт, постановления); важно предусмотреть, что при рассмотрении уголовного дела по существу суд имеет возможность вновь обратиться к разрешению вопроса о допустимости доказательств и принять свое решение о признании того или иного доказательства допустимым или недопустимым;

в) решит вопрос о рассмотрении уголовного дела судом присяжных, коллегией из трех судей или единолично судьей, что будет окончательным решением, к которому при рассмотрении уголовного дела по существу суд первой инстанции уже не будет возвращаться;

г) предварительно рассмотрит вопрос об особом порядке судебного разбирательства (при рассмотрении уголовного дела по существу не исключается ситуация возвращения к общему порядку судебного разбирательства);

д) рассмотрит иные вопросы, предусмотренные в главах 33–34 УПК РФ.

По сути дела, данный вид судебного контроля судья по контролю за предварительным расследованием будет проводить в форме судебного заседания как предварительные слушания по каждому уголовному делу.

Предлагаемые два дополнительных вида судебного контроля можно также условно назвать: «депонированный контроль» и «предсудебный контроль» (имея в виду контроль при назначении судебного заседания для рассмотрения уголовного дела по существу).

Таким образом, при модельном подходе в модернизации контрольно-надзорных механизмов устранения следственных ошибок в российском уголовном процессе выстраивается **«модель динамичного судебного контроля» за досудебным производством**, которая в контексте стратегий уголовного преследования и защиты прав человека:

- расширяет юрисдикцию судебного контроля за счет введения таких новых его видов, как «депонированный контроль», т. е. легализацию на досудебных стадиях в ограниченных и четко оговоренных случаях некоторых доказательств, и «предсудебный контроль» - особо значимые для доказывания и процедуры рассмотрения уголовного дела по существу контрольные действия на стадии назначения судебного заседания;

- усиливает требования к «арестному» контролю (собираение, проверка и оценка именно *доказательств* в части обоснованности подозрения подозреваемого и обвиняемого в инкриминируемом ему деянии и его поведения в ходе производства по уголовному делу);

- реформирует «процедурный» контроль и «контроль по жалобам»: перераспределяет от суда в пользу прокурора некоторые контрольно-надзорные полномочия, тем самым, усиливая существующий контроль: первоначальное «прокурорское санкционирование» следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных в ст. 165 УПК РФ, с возможностью последующего обжалования в суд в порядке ст. 125 УПК РФ решений прокурора по этим вопросам;

- не сужает границы действия «контроля по жалобам» (к примеру, позволяет обжаловать в суд постановление о привлечении в качестве обвиняемого и др.).

Функционирование «модели динамичного судебного контроля» предполагает совершенствование организационной структуры деятельности этих судей (в первую очередь, определенное обособление этих судей от федеральных судей, рассматривающих уголовные дела по существу, а также в порядке кассации и надзора).

В системном построении механизма контрольно-надзорной деятельности по устранению судебных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса **модель перманентного прокурорского надзора** включает в себя ряд признаков: *объективная необходимость и историческая обусловленность прокурорского надзора; вневедомственный и всеохватывающий характер прокурорского надзора; перманентность прокурорского надзора и полномочия прокурора как руководителя уголовного преследования; «предсудебный» характер прокурорского надзора и ограничения для прокурора в принятии определенного круга окончательных решений.*

Многие годы, начиная с советского периода, в уголовном судопроизводстве в качестве единственного механизма контроля и надзора за соблюдением законности на досудебных стадиях существовал прокурорский надзор. С появлением процессуальной фигуры начальника следственного отдела стало возможным вести речь о втором механизме контроля – ведомственном. Судебная реформа в России в девяностых годах прошедшего столетия сформировала «контрольно-надзорную триаду»: к существующим контрольно-надзорным механизмам на досудебных стадиях – прокурорскому надзору и ведомственному контролю – добавился судебный контроль.

В настоящее время прокурор не осуществляет процессуального руководства следователями: в прокуратуре теперь нет собственного следственного аппарата; прокуроры не ведут расследование уголовных дел; процессуальное руководство следователем осуществляет руководитель следственного органа.

Однако в современной модели прокурорского надзора прокурор осуществляет процессуальное руководство по отношению к дознавателю, начальнику подразделения дознания и начальнику органа дознания.

Прокурорский надзор за предварительным расследованием, представляющий собой сложный организационно-правовой механизм, должен включать в себя следующие компоненты:

- реализацию прокурором полномочий руководителя уголовного преследования через осуществление процессуального руководства всем предварительным расследованием;

- реализацию прокурором полномочий руководителя уголовного преследования через осуществление надзора за исполнением законов всеми должностными лицами органов предварительного следствия и дознания.

В отличие от судебного контроля прокурорский надзор, как и ведомственный контроль, осуществляется прокурором на стадии возбуждения уголовного дела и всех этапах его предварительного расследования, то есть, перманентно (непрерывно).

Реформы, проводимые в последние годы, ослабили влияние прокурорского надзора в уголовном процессе. Однако и сейчас прокурорская власть могущественна. По мнению В. К. Гавло и Н. А. Дудко, «наиболее эффективной формой контроля за предварительным расследованием является прокурорский надзор: он обеспечивает более быстрое выявление и устранение пробелов и ошибок расследования»¹.

В современных условиях у прокурора по-прежнему остается достаточно широкий круг полномочий по обеспечению законности предварительного расследования, что позволяют ему в определенных пределах влиять на процесс выявления, исправления и предупреждения ошибок в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности следователями и дознавателями.

Эффективное «прокурорское включение» в контексте выявления, исправления и предупреждения следственных ошибок было бы значимым, если бы прокурору вернули утраченное им полномочие возбуждать уголовное дело и уголовное преследование, продлевать сроки предварительного расследования уголовного дела с изучением при этом всех его материалов. Актуально выглядит и вопрос о возвращении такого полномочия прокурора, как право прекращать своим постановлением уголовное дело (уголовное преследование).

Среди теоретиков и практиков озвучена инициатива закрепить на законодательном уровне право прокурора участвовать в предъявлении лицу обвинения. Было бы оправдано и на законодательном уровне, и приказом Генерального прокурора Российской Федерации закрепить, что по определенной категории уголовных дел надзирающий прокурор может по своему усмотрению принимать участие в предъявлении обвинения лицу с целью минимизировать допущение ошибок по уголовному делу и в «вопросе факта» (фабула обвинения), и в «вопросе «права» (квалификация деяния).

Обсуждается и идея о возложении на прокурора обязанности по составлению обвинительного заключения по уголовному делу. Было

¹ Гавло В. К. Институт возвращения судом дел на дополнительное расследование нуждается в совершенствовании // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 2. С. 45–50. Цит. по: Гавло В. К. Избранные труды. Барнаул, 2011. С. 489–502.

бы полезно и на законодательном уровне, и приказом Генерального прокурора Российской Федерации закрепить, что по определенной категории сложных уголовных дел надзирающий прокурор совместно со следователем могут составлять обвинительное заключение: это позволит минимизировать ошибки по уголовным делам.

Важную миссию отводит законодатель прокурору при принятии решения о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, о продлении сроков содержания обвиняемого под стражей. Согласно ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 109 УПК РФ, дознаватель только с согласия прокурора может возбуждать перед судом ходатайства о принятии соответствующего решения. В соответствии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ, участие прокурора в судебном заседании при разрешении вопросов о заключении лица под стражу, о продлении сроков содержания лица под стражей является обязательным. Позиция прокурора, своевременно выявившего фундаментальную ошибку при принятии решений о заключении лица под стражу или продлении сроков его содержания под стражей, может быть определяющей для суда.

Вместе с тем, представляется важным усилить процессуальные полномочия прокурора при решении этих вопросов. Речь идет о полномочии прокурора утверждать ходатайство следователя о заключении лица под стражу или продлении сроков содержания под стражей (то есть, при отсутствии на постановлении следователя визы прокурора «утверждаю» или «согласен» материалы в суд не могут быть направлены).

С появлением в уголовном судопроизводстве института досудебного соглашения о сотрудничестве между прокурором и обвиняемым вопрос о мере пресечения (не заключение под стражу, а иная, более мягкая мера) может стать предметом соглашения, вследствие чего и позиция прокурора в суде при заключении под стражу и продлении сроков содержания под стражу может быть лояльной по отношению к лицу, который пошел на сотрудничество с прокурором.

Помимо рассмотрения вопросов, связанных с мерой пресечения, прокурор может участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ.

Изложенные выше положения концептуально и нормативно обосновывают **модель перманентного прокурорского надзора** как

основной контрольно-надзорной деятельности при досудебном производстве по уголовному делу, которая эффективно позволяет реализовать стратегии уголовного преследования и защиты прав человека. Данная модель прокурорского надзора в качестве значимого надзорного полномочия прокурора закрепляет за ним полномочие по процессуальному руководству уголовным преследованием в уголовном процессе. Будучи руководителем уголовного преследования, прокурор должен обладать властными полномочиями по возбуждению такого преследования (полномочием возбуждать уголовные дела), корректировке предварительного расследования (отмена незаконных постановлений следователя и дознавателя; продление сроков предварительного расследования), разрешению жалоб участников уголовного судопроизводства и заинтересованных лиц, выставлению официальных требований об устранении нарушений Закона, даче заключений при осуществлении судом судебного контроля на досудебных стадиях, выражению согласия (как гаранта законности) на осуществление процессуальных действий, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина, определение в необходимых случаях конкретного органа, призванного произвести полное, всестороннее и объективное расследование по уголовному делу в соответствии с требованиями закона и правил подследственности, возвращению уголовного дела следователю и дознавателю на дополнительное расследование и др.); полномочиями по окончательному инкриминированию уголовного обвинения лицу, а также заключению с ним досудебного соглашения о сотрудничестве и прекращению уголовного преследования. При такой модели прокурорского надзора не исключается в законодательном порядке передача части полномочий суда на досудебных стадиях уголовного процесса прокурору.

Говоря о «**ведомственном контроле**», нужно иметь в виду две его важные составляющие: **процессуальный контроль**, регламентированный положениями УПК РФ, и **иной ведомственный контроль**, регламентированный ведомственными нормативными актами и вклю-

чающий в себя организационно-административное руководство деятельностью следователя¹. Этот иной (организационно-административный) ведомственный контроль во многом задает в уголовно-процессуальной деятельности тот курс, которому следует правоприменитель.

Современный ведомственный контроль, по сути дела, это тотальный контроль руководителей следственных органов, прежде всего, уровня субъекта Федерации над следователями низового звена (городов, районов и приравненного к ним уровней) и руководителями следственных органов низового уровня. Выстроены схемы «зонального», «предметного», «выборочного» и т. п. ведомственного контроля в дополнении к процессуальному руководству. Следователи из городов и районов региона по специальным закрытым каналам интернет-связи «сбрасывают» на рабочий стол компьютера руководителей следственных органов субъекта Федерации проекты постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, возбуждении уголовного дела, об избрании «строгих» мер пресечения подозреваемому, обвиняемому (заключение под стражу, домашний арест, залог), привлечении в качестве обвиняемого, продлении сроков предварительного расследования, сроков содержания обвиняемого под стражей и домашнего ареста, прекращении уголовного дела (уголовного преследования), приостановлении уголовного дела и др.; проекты обвинительных заключений и финальных постановлений. Руководители следственных органов регионального уровня регулярно проводят видео-совещания через закрытые каналы интернет-связи со следователями из территорий, вызывают их с мест в региональный центр на заслушивания, доклады, совещания, семинары и т. п.; шлют на места различные руководящие и методические циркуляры (к примеру, обязывают следователей по делам о ДТП со смертельным исходом однозначно обращаться в суд с ходатайствами о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу

¹ В научном обороте используется и такое устойчивое понятие, как «ведомственный процессуальный контроль», включающий в себя все аспекты деятельности руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания. См.: Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник / под ред. Э. К. Кутуева. СПб., 2016. С. 236–240.

и т. п.). Вопрос о процессуальной самостоятельности следователя при функционировании выстроенного в настоящее время управленческого механизма ведомственного контроля выглядит, подчас, иллюзорно.

По мнению практических работников, только такой организационно-правовой механизм, функционирующий в режиме тотального ведомственного контроля, способен на современном этапе избежать «произвола и хаоса» в следственной работе, эффективно прогнозировать, выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки. Необходим поиск разумного компромисса между процессуальной самостоятельностью следователя и ведомственным контролем.

В системном механизме контрольно-надзорной деятельности по выявлению, исправлению и предупреждению следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса **модель ведомственного контроля** включает в себя ряд признаков: *объективную необходимость и историческую обусловленность ведомственного контроля; разнополярный характер ведомственного контроля и включенность в него элементов наставничества и подготовки кадров; «предсудебный» характер ведомственного контроля и поднадзорность ведомственного контроля прокурору; процессуальную и административную составляющие этого контроля.*

Ведомственным контролем принято называть деятельность руководителя следственного органа или руководителя вышестоящего следственного органа по принятию мер к наиболее полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия по уголовным делам. Ведомственным контролем вполне правомерно обозначать и деятельность начальника органа дознания, начальника подразделения дознания за подчиненными им дознавателями при осуществлении дознания по уголовным делам.

Несмотря на схожесть полномочий прокурора в части дознания с процессуальным контролем в отношении дознавателей, как и в отношении следователей, прокурор осуществляет прокурорский надзор путем процессуального руководства.

Появление в советском уголовном судопроизводстве процессуальной фигуры «начальника следственного отдела» повысило значение внутриведомственного контроля. Как отмечали в свое время И. Ф. Крылов и А. И. Бастрыкин, «с появлением процессуальной фигуры начальника следственного отдела акцент прокурорского надзора переместился с мер, обеспечивающих выбор направления и оптимальный ход следствия, на меры преимущественно правоохранительного и правовосстановительного характера. Достаточно широкие процессуальные полномочия начальника следственного отдела позволяют ему успешно контролировать деятельность следователя. На практике прокурор выполняет свои надзорные полномочия в отношении следователей органов МВД через начальника следственного отдела»¹.

Говоря о признаке *разнополярности ведомственного контроля*, имеется в виду механизм его функционирования «на разных полюсах» – на низовом уровне следственных подразделений (уровень города, района и к ним приравненных подразделений) и на региональном, федеральном уровнях следственных подразделений и к ним приравненных.

Для следователей низовых следственных подразделений – «двойной» ведомственный контроль: через руководителей этих низовых следственных подразделений и через «тотальный» ведомственный контроль руководителей следственного органа (подразделений процессуального контроля²) уровня субъекта Федерации и приравненного к нему следственного органа. Для указанных следователей нормативно-теоретическая конструкция «процессуальная самостоятельность следователя» действует с учетом специфики «тотального» ведомственного контроля.

Для следователей следственных подразделений регионального и приравненного к ним уровней, а также следственных подразделений

¹ Крылов И. Ф. Розыск, дознание, следствие: учеб. пособие. Ленинград, 1984. С. 197.

² Если проанализировать структуру аттестованного персонала следственного подразделения, к примеру, уровня субъекта Федерации, то примерно 60% в ней будут составлять следователи, а 40% - «процессуальные контролеры».

центрального аппарата следственных ведомств, «тотальный» ведомственный контроль, практически, отсутствует: осуществляется правовой режим процессуальной самостоятельности следователя и в обычном правовом режиме действуют организационно-процессуальные механизмы ведомственного контроля.

С учетом *включенности в ведомственный контроль элементов наставничества и подготовки кадров*, первая составляющая указанной выше разнополярности, по сути дела, представляет собой ведомственную практико-ориентированную «Школу следствия», когда после окончания юридического ВУЗа реальный следователь в условиях реальной следственной деятельности проходит стажировку, первоначальную реальную следственную подготовку под руководством опытных наставников. На этом низовом уровне следственной деятельности номенклатура расследуемых дел с учетом процессуальных правил подследственности должна включать (и включает) в себя уголовные дела, условно называемые «несложные», «негромкие», чтобы минимизировать риски допущения следователями следственных ошибок. Наименования должностей таких следователей также соответствуют (и по общему правилу соответствуют на текущий момент) низовому уровню следственного подразделения: младший следователь, следователь, старший следователь.

Вторая составляющая разнополярности ведомственного контроля представляет собой специализированный следственный аппарат соответствующего следственного ведомства. Следователи-профессионалы этих следственных подразделений с учетом процессуальных правил подследственности расследуют условно называемые «сложные»¹

¹ «Сложные» уголовные дела – условный и в определенной степени оценочный термин: может включать в себя уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, особенно против жизни и здоровья личности, многоэпизодных и групповых преступлениях; о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности; преступлениях, расследование по которым принимает затяжной характер, особенно, если в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу.

и «резонансные»¹ уголовные дела, а также уголовные дела, изъятые по мотивированному постановлению руководителями вышестоящих следственных органов из производства следователей низовых следственных структур, которые оказались им «не под силу» в виду отсутствия должного профессионализма и возможностей (оперативных, экспертных, технических и т. п.). Именно такой подход способствует минимизации риска допущения следственных ошибок. Наименования должностей следователей-профессионалов являются соответствующими: следователь по особо важным делам, старший следователей по особо важным делам. Вполне допустим вариант, что эти следователи не обязательно могут дислоцироваться территориально в столицах субъекта Федерации, федерального округа, в приравненных к ним следственных органах и в центральном аппарате следственного ведомства: они могут дислоцироваться (в том числе и как прикомандированные) и на базе следственного подразделения городского, районного и приравненного к ним уровня, одновременно выполняя миссию следователя-наставника для следователей низовых следственных подразделений.

В изложенных выше составляющих разнополярности ведомственного контроля есть место для позитивных эффектов в профессиональном становлении следователей: следственная карьера в обязательном порядке начинается с низового следственного подразделения и по мере профессионального становления развивается по восходящей, хотя в случае грубых профессиональных ошибок карьера может идти и по нисходящей линиям – понижение в должности за профессиональные просчеты и дисциплинарные проступки. Подобная смена профессиональной деятельности (в подавляющем большинстве случаев речь,

¹ «Резонансные» уголовные дела – также условный и в определенной степени оценочный термин: может включать в себя «громкие» (с точки зрения реакции общества, СМИ) преступления в отношении так называемых «медийных» персон (политиков, общественных деятелей и т. п.), а также совершенные этими персонами преступления; преступления в отношении детей, ветеранов войны и других лиц с так называемым «безгласным интересом».

все же, идет о профессиональном и карьерном росте) позволяет следователям своевременно уходить от таких известных в психологии профессиональной деятельности негативных проявлений, как профессиональная деформация и профессиональное «выгорание», что, опять же, способствует минимизации допущения в работе следственных ошибок.

Технологически механизм осуществления ведомственного контроля обозначен через полномочия, указанные, прежде всего, в ст. 39 УПК РФ. Этим полномочиям корреспондируют полномочия прокурора, надзирающего за законностью деятельности «ведомственных контролеров» (ст. 37 УПК РФ). В этом смысле ведомственный контроль имеет поднадзорный характер.

Указания руководителя следственного органа обязательны для исполнения следователем, но могут быть обжалованы им руководителю вышестоящего следственного органа. Обжалование указаний не приостанавливает их исполнения, за исключением случаев, когда указания касаются изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения, производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению, а также направления дела в суд или его прекращения. При этом следователь вправе представить руководителю вышестоящего следственного органа материалы уголовного дела и письменные возражения на указания руководителя следственного органа. И в этом основной смысл процессуальной самостоятельности следователя – конструкции в большей степени теоретической, так как следователи низового звена практически никогда официально не вступают в спор со своим ведомственным руководителем, а для следователей-профессионалов вступление в такое официальное противостояние с ведомственным руководством – примеры из разряда единичных. Поэтому в конструктивных элементах «модели разнополярного ведомственного контроля» не исключены потенциальные возможности следователя быть процессуально самостоятельным.

Процессуальный спор следователя и руководителя следственного органа в указанных выше случаях разрешает руководитель вышестоящего следственного органа (ч. 3 ст. 39 УПК РФ) по правилу: прав следователь – вышестоящий руководитель отменяет указания нижестоящего руководителя следственного подразделения; прав руководитель следственного органа – руководитель вышестоящего следственного органа изымает дело из производства данного следователя и передаёт его для расследования другому следователю, чтобы «не ломать» внутреннее убеждение следователя, первоначально расследовавшего дело.

Реализуя административные полномочия, руководитель следственного органа тем самым повседневно проверяет законность и качество работы по уголовным делам подчиненных ему следователей, применяя к ним в случае необходимости меры процессуального и административного (дисциплинарного) реагирования.

Ведомственный контроль (наряду с прокурорским надзором) функционирует перманентно на протяжении всего досудебного производства. На низовом уровне деятельности следственных подразделений это позволяет руководителям следственных органов тотально контролировать уголовно-процессуальную деятельность следователей (особенно тех, кто только начинает свою следственную карьеру). На других (вышестоящих) уровнях следственных ведомств это позволяет разумно сочетать (без «режима тотальности») ведомственный (процессуальный) контроль с процессуальной самостоятельностью следователя. При этом ведомственный контроль находится в отношениях взаимодействия с судебным контролем и прокурорским надзором и в определенной зависимости от них.

Только при таких условиях **ведомственный контроль** может:

- а) успешно выявлять, исправлять и предупреждать следственные ошибки в досудебном производстве;
- б) минимизировать риск собственных ошибок (ошибок руководителей следственных органов);
- в) достигать стратегических целей уголовного преследования и защиты прав человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы коллективной монографии не стремились (и не могли) охватить весь спектр актуальных проблем, касающихся досудебного производства. Имеющийся в монографии материал раскрывает отдельные аспекты являющиеся, по мнению конкретных авторов, наиболее злободневными в контексте избранной темы с точки зрения имеющейся регламентации, наличия отличающихся подходов в доктрине и разноплановой следственно-судебной практики. В результате исследования удалось прийти к следующим выводам.

Действие принципов уголовного судопроизводства применительно к досудебному производству должно коррелироваться с непосредственными задачами и установленными процедурами его двух стадий, а также соотноситься с такой правовой категорией, как общие условия данных стадий уголовного процесса.

Уголовно-процессуальная доктрина, законодательство, а также следственно-судебная практика, касающиеся применения мер процессуального принуждения, в т.ч. меры пресечения в виде заключения под стражу требуют дальнейшей проработки с позиций определения оптимального соотношения частных и публичных интересов, выработки и реализации мер по обеспечению надлежащего поведения обвиняемых (подозреваемых), а также реализации их прав, с учетом имеющегося отечественного уголовно-процессуального опыта.

Правосубъектность прокурора в досудебном производстве не следует ограничивать надзорными процессуальными средствами, исходя из его специфики и практических потребностей, она может быть расширена как средствами, позволяющими осуществлять уголовное преследование, так и средствами процессуального управления.

В целях повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности требуется корректировка стадии возбуждения уголовного дела: ее целей, процессуальных статусов ее участников, процессуальных сроков, процессуальной формы, а также правовое урегулирование уголовного преследования. Определены общие условия стадии возбуждения уголовного дела, раскрыта их сущность и значение. Общие условия структурированы по блокам: специфический круг участников стадии; регистрация сообщений о преступлении; специфическая структура стадии.

Требуется дальнейшее законодательное усовершенствование оснований для отказа в возбуждении уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК

РФ), дополнительное официальное разъяснение (п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), подробная регламентация процессуального порядка (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Обоснована необходимость дополнения закона основанием для отказа в возбуждении уголовного дела в виде наличия основания для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного статьями особенной части УК РФ.

Выявлены компоненты проявления процессуальной формы во внешнем и внутреннем порядке осуществления уголовно-процессуальной деятельности, отслежена их взаимосвязь с целями и задачами уголовного процесса и обязательностью закрепления в законе. Определены критерии дифференциации и условия перехода к иным дифференцированным формам уголовно-процессуальной деятельности.

Рассмотрены практические и теоретические проблемы правовой регламентации дознания в общей и сокращенной формах, разработаны предложения по совершенствованию норм, регулирующих деятельность дознания в общей и сокращенной формах.

Предложено авторское определение злоупотребления процессуальным правом, определены субъекты, виды злоупотребления, соотношение злоупотребление процессуальным правом с недобросовестным осуществлением процессуальных полномочий и злоупотреблением полномочий. Выявлены виды типичных злоупотреблений процессуальными правами участниками со стороны защиты и обвинения, предложены механизмы преодоления такого поведения.

Отмечена распространенность следственных ошибок, связанных с пробелами предварительного расследования, применением материального и процессуального законодательства. Следственные ошибки классифицированы в зависимости от их сущностных характеристик. Предложен механизм устранения ошибок, развитие которого должно осуществляться в рамках трех моделей: динамичного судебного контроля, перманентного прокурорского надзора и разнополярного ведомственного контроля.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Монографии, учебники, учебные пособия

1. Актуальные проблемы уголовного процесса : учебник для адъюнктов и магистрантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации. СПб., 2022.
2. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
3. Алексеев Н.С., Морщакова Т.Г., Чангули Г.И. Уголовно-процессуальное право. Берлин, 1977.
4. Ахмадуллин А.С. Всесторонность, полнота и объективность в досудебных стадиях российского уголовного процесса. М., 2006.
5. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
6. Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008.
7. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М., 2006.
8. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
9. Бурданова В.С. Криминалистическое обеспечение всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела: учебное пособие. СПб., 1994.
10. Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы. Оренбург, 2005.
11. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912.
12. Власова Н.А. Досудебное производство в уголовном процессе. М., 2000.
13. Гамбарян А.С., Симонян С.А. Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. С.С. Аветисяна. М., 2016.
14. Гимазетдинов Д.Р., Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальная форма. М., 2014.
15. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.
16. Громов Н.А. Уголовный процесс России: учебное пособие. М., 1998.

17. Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография. Челябинск. 2013.
18. Дознание и предварительное следствие // Советский уголовный процесс / Под ред. проф. Д.С. Карева. М., 1968.
19. Еникеев З.Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения / Науч. ред. Ф.Н. Фаткуллин. Казань, 1982.
20. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу : учебное пособие / А.Б. Судницын, Д.А. Воронов. Красноярск, 2020.
21. Кайнов В.И. Злоупотребление правом в российской правовой системе: учебное пособие. Москва-Берлин, 2020.
22. Калиновский К. Б., Смирнов А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004.
23. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения: в 6 т. Москва: Мысль. 1965. Т. 4, ч. II. 1783.
24. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003.
25. Кириллова А.А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Улан-Удэ, 2014.
26. Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: Монография. М., 2011.
27. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. Ю. Девятко, Г. И. Загорский, М. Г. Загорский [и др.] : под науч. ред. Г. И. Загорского. М., 2016.
28. Крылов И.Ф. Розыск, дознание, следствие: учеб. пособие. Ленинград, 1984.
29. Кудрявцев В.Л. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: некоторые уголовно-правовые и процессуальные проблемы // Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: монография / отв. ред. С. Ю. Морозов, О. А. Зайцев. М., 2022.
30. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2006.
31. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989.
32. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.

33. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: Проблемы становления и развития. СПб., 2001.
34. Лукашевич В.З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Ленинград, 1985.
35. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. М., 2004.
36. Мазюк Р.В. Возникновение, становление и развитие понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Иркутск, 2007.
37. Малеин Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992.
38. Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / под ред. В.М. Корнукова. Саратов, 2003.
39. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006.
40. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. М., 2014.
41. Николук В. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Красноярск, 2003.
42. Обеспечение следователем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. М., 1977.
43. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/ под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М., 1989.
44. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999.
45. Поздняков М. Смысл и двусмысленность обвинительного уклона // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / Под ред. В.В. Волкова. М., 2012.
46. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб: Гос.тип., 1885-1916. Т. 17. № 14233.
47. Попова Т.Ю. Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа. М., 2013.
48. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т.4. / Отв. ред. Маньков А.Г.; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1986.

49. Румянцева М.О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. М., 2019.
50. Рустамов Х.У. Уголовный процесс. Формы. М., 1998.
51. Рябцева Е. В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М., 2014.
52. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Авторский курс. М., 2022.
53. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе : монография. М., 2018.
54. Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. М., 2002.
55. Соловьев А.Б. Проблемные вопросы доказывания, возникающие в процессе расследования преступлений при применении УПК РФ. М., 2008.
56. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса [Текст] : [В 2 т.]. - [Перераб. и доп. изд.]. - Москва : Наука, 1968-1970.
57. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939.
58. Таджиев Х.С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием преступлений. Ташкент, 1985.
59. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., 2003.
60. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. Москва, 2009.
61. Томин В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса : лекция-монография. Нижний Новгород, 2007.
62. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / Под ред. Э. К. Кутуева. - 3-е изд., перераб. и доп. — Москва-Берлин, 2020.
63. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. 3-е изд. / отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М., 2010.
64. Уголовный процесс: краткий курс лекций / Н.С. Манова., Ю.В. Францифоров. 8-е изд. перераб. и доп. М., 2014.
65. Уголовный процесс: учебное пособие. 2-е, пер. и доп. Харьков, 1999.

- 66.Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. / Под ред. А.В. Смирнова. СПб., 1996.
- 67.Фридмен Л. Введение в американское право. М., 1993.
- 68.Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия. М., 1990.
- 69.Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003.
- 70.Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951.
- 71.Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948.
- 72.Чистяков О. И. Российское законодательство X–XX веков: Судебная реформа. М., 1991. Т. 8.
- 73.Шамликашвили Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. М., 2017.
- 74.Шиллер Ф. О грации и достоинстве // Собрание сочинений: в 6 т. М., 1957.
- 75.Шкатулла В.И., Надвикова В.В., Сытинская М.В. Основы права: учебное пособие / В.И. Шкатула. М., 2009.
- 76.Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 2015.
- 77.Экштейн Й. Честь в философии и праве. СПб, 1895.
- 78.Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М., 1976.
- 79.Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015.
- 80.Якимович Ю.К. Структура советского процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства / под. ред. И.Е. Карасева. Томск, 1991.
- 81.Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981.

II. Научные статьи и иные публикации в периодической печати

- 82.Агабеков К.С. О начале уголовного преследования в условиях охранительного правосудия // Мировой судья. 2019. № 1.
- 83.Азарёнок Н. В. Основание и порядок применения запрета определенных действий. // Уголовное право. 20018. № 4.

84.Азаров В.А., Боярская А.В. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37.

85.Александров А. И. Участие граждан в производстве по уголовным делам в свете демократизации современной уголовно-процессуальной политики России // Российский судья. 2012. № 11.

86.Алексеев И. М. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной формы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (35).

87.Алексеева Е. С., Виноградов А.С. Юридическая техника норм, регламентирующих основания отказа в возбуждении уголовного дела и основания прекращения уголовного дела // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95).

88.Алферова Е. В. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право. 2015. № 2.

89.Андреева О. И., Зайцев О. А., Епихин А. Ю. Запрет определённых действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процесса. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436.

90.Арсеньев В.Д. Упрощение не равнозначно упрощенчеству // Социалистическая законность. 1975. № 3.

91.Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская Империя: уголовно-правовая политика и борьба с преступностью // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 9.

92.Баев М. О. О правовом механизме нейтрализации обвинительного уклона в досудебном уголовном преследовании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1(24).

93.Баранов В. М., Ромашов Р. А. Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49).

94.Бармина О.Н. Причины и условия возникновения злоупотребления в праве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6.

95.Белкин А. Р. Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2.

96.Белкин А. Р. Общие условия предварительного расследования: проблемы и перспективы их развития // Уголовное судопроизводство. 2015. № 1.

97.Белкин А.Р. Следственный *судья* или *следственный судья*? // Уголовное судопроизводство. 2015. №3.

98.Бобракова И. С., Ковтун Н. Н. Детерминанты, снижающие эффективность применения залога в уголовном судопроизводстве России // Вопросы правоуедения. 2011. № 2.

99.Богатырев Д. В. Причины злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 3.

100. Богатырев Д. В. Шикана как форма злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2.

101. Буханов А. И. Злоупотребление правом на пользование родным языком участниками уголовного процесса // Российский следователь. 2022. № 6.

102. Васильева И.В., Возженикова О.С. Роль межетнических представлений в формировании обвинительного уклона у сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4 (75).

103. Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 3.

104. Гавло В.К. Институт возвращения судом дел на дополнительное расследование нуждается в совершенствовании // Известия Алтайского государственного университета. 2001. №2.

105. Гараева Т. Б. Актуальные проблемы применения иных мер уголовно-процессуального принуждения // Научный портал МВД России. 2023. № 2(62).

106. Гимазетдинов Д.Р. Дискуссионное и реальное в вопросе о формах современных уголовно-процессуальных производств // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 68.

107. Гладышева О.В. Нужна ли современному российскому уголовному судопроизводству еще одна процессуальная форма? // Актуальные проблемы предварительного расследования. Сборник статей Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты расследования дорожно-транспортных преступлений» 26 апреля 2018 г. Волгоград.

108. Головинская И. В. Проблемы диверсификации системы мер пресечения // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. Самара, 2016.

109. Головкин Л.В. Закрепление отраслевых принципов в кодифицированных актах: педагогический прием или правовой инструмент? // Закон. 2020. № 6.

110. Головкин Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. №11.

111. Гордейчик С.А. Злоупотребление правом обжалования в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Адвокатская практика. 2020. № 2.

112. Горшенев В.М. Природа и назначение процессуальной формы в советском праве // Вестник Ярославского университета: Проблемы процессуальной формы в юридической науке и практике. Тематический сборник. Ярославль, 1972. Вып. 4.

113. Григорьев В.Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12.

114. Гришин А. В. Злоупотребление процессуальными правами прокурором, следователем, дознавателем в уголовном процессе / А. В. Гришин, В. С. Касьяненко // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4(89).

115. Гузеева О. С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1.

116. Давыдов В.А., Качалова О.В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29.

117. Даровских, О. И. К вопросу о признаках злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2017. № 10.

118. Денисов Е. А. Проблемы изъятия криминалистической значимой информации у компании, представляющей услуги социальной сети // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2.

119. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы ее обуславливающие // Российская юстиция. 2013. № 12.

120. Дорошева А. А. Некоторые проблемы применения «строгих» мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 8.

121. Емельянов В. М., Новичкова Е. Е. Проблемы взаимодействия полиции и службы судебных приставов при взыскании административных штрафов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1.

122. Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Принцип состязательности и его реализация в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2005. № 1.

123. Желева О. В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Вестник Томского государственного университета. №4. 2016.

124. Зеленецкий В.С. Структура советского уголовного процесса // Проблемы правоведения. Киев. 1981. Вып. 42.

125. Исаков В. С. О новой мере пресечения в виде запрета определённых действий // Аллея науки. 2018. Т. 4. № 5 (21).

126. Калиновский К. Б. Суды выявили проблемы применения запрета выходить за пределы жилого помещения // Уголовный процесс. 2019. № 12.

127. Калиновский К.Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / Под ред. В.В. Волкова. – М.: Норма, 2015.

128. Качалов В. И. Общие условия предварительного расследования: проблемы и перспективы развития // Российское правосудие. 2011. № 12(68).

129. Кириллова А.А. Следственные ошибки в методике судебного разбирательства // Библиотека криминалиста. 2013. №3.

130. Колоколов Н. А. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом: анализируем следственную и судебную практику // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3.

131. Конин В. В. Злоупотребление правом адвоката в уголовном судопроизводстве как вид профессиональной деформации (по материалам дисциплинарной практики адвокатских палат Санкт-Петербурга и Калининградской области) // Современное право. 2019. № 9.

132. Коновалова, М. А. Присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) как «специальная» мера пресечения / М. А. Коновалова // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы VII Всероссийской межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 03 декабря 2022 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023.

133. Кудрявцев В. Л. «Оправдательный уклон» в деятельности следователя и уголовно-правовые проблемы его преодоления // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: Материалы VII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021.

134. Кудрявцев В. Л. Объективная сторона незаконного освобождения от уголовной ответственности: некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы // Евразийская адвокатура. 2016. № 1 (20).

135. Кудрявцев В. Л. Преодоление «обвинительного уклона» в деятельности следователя уголовно-правовыми средствами: теоретико-нормативная основа // Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности: материалы Всерос. науч-практ. конф. С Междунар. участием (Саранск, 26 мар. 2021 г.): в 2 ч. / [редкол.: Г.П. Кулешова и др.]; Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Саранск, 2021.

136. Кудрявцев В. Л. Процессуальная деятельности следователя: некоторые проблемы и их преодоление // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022.

137. Кудрявцев В.Л. «Обвинительный уклон» в деятельности следователя: проблема ли только законодательного урегулирования? // Адвокатская практика. 2008. № 1.

138. Кудрявцев В.Л. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: проблемы законодательной техники и её влияние на теорию и правоприменение // Евразийская адвокатура. 2021. № 6 (55).

139. Кудрявцев В.Л. Некоторые вопросы становления состязательности и особенности её реализации в контексте деятельности следователя в досудебном производстве России // Вопросы правоведения. 2014. № 2 (24).

140. Кудрявцев В.Л. Некоторые теоретико-методологические проблемы объективной стороны фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ) // Евразийская адвокатура. 2018. № 4 (35).

141. Кудрявцев В.Л. Нормы Конституции РФ как основа преодоления «обвинительного уклона» в деятельности следователя в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 года) В 3-х частях: Теоретические предпосылки. Ч. 1 / редкол.: Багмет А.М., Бычков В.В., Федоров А.В. М.: Институт повышения квалификации СК РФ, 2013.

142. Кудрявцев В.Л. Обвинительный уклон в деятельности следователя и его преодоление: некоторые уголовно-процессуальные и уголовно-правовые проблемы // Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции : сборник материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Николаевича Григорьева (г. Ульяновск, 12 сентября 2020 г.) / отв. ред. С. Ю. Морозов и О. А. Зайцев. Ульяновск: УлГУ, 2021.

143. Кудрявцев В.Л. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» в контексте существующей проблематики по этой категории дел // Евразийская адвокатура. 2023. № 1(60).

144. Кузнецов П. Дифференциация процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. 1999. № 5.

145. Кузнецова Н.Н. Сравнительно-правовой анализ уголовного преследования по законодательству Федеративной Республики Германии и Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3.

146. Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2.

147. Кутуев Э. К., Ефремова О.М. Процессуальные функции, осуществляемые следователем в состязательном уголовном процессе // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 9.

148. Кушнарев А.А. Причины возникновения злоупотребления правом в процессе осуществления субъективного права // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 34.

149. Ломовский В.Д. К вопросу об уголовно-процессуальной форме // М.И. Калинин о социалистической законности и современность / межвузовский сб. отв. ред. Р.Е. Гукасян. Калинин, 1975.

150. Лоцинкин В.В. Становление и развитие Российского уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера, применяемых в отношении психически больных лиц, совершивших общественно опасные деяния в дореволюционной России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3.

151. Маликова Н. В. Проблемные аспекты применения денежного взыскания как иной меры уголовно-процессуального принуждения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 1(13).

152. Марьина Е. В., Кувалдина Ю.В. Отсутствие возражений как условие отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности // Уголовная юстиция. 2022. № 20.

153. Матвеев С. В. Теоретические и практические проблемы пристрастия за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в российском уголовном судопроизводстве / С. В. Матвеев, П. В. Кулаков // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 12(121).

154. Машинская Н.В. Возникновение и развитие процессуальной формы производства по делам о преступлениях несовершеннолетних в досоветский период // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 1.

155. Милицин С. Д. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом и проблема «казачьих» уголовных дел // Уголовный процесс. 2016. № 6(96).

156. Милицин С. Д. Можно ли совершать зло ради добра, или еще раз о злоупотреблении уголовно-процессуальным правом // Уголовное судопроизводство. 2023. № 3.

157. Михайловская И. Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7.
158. Мядзелец О.А. Следственный судья в уголовном процессе России: за и против // Российская юстиция. 2008. №6.
159. Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9 (58).
160. Николаева М. И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 3 (29).
161. Николаева М.И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2 (47).
162. Николаева Т., Ларкина Е. Обеспечение прав обвиняемого при производстве дознания // Уголовное право. 2007. №2.
163. Никулина А. В. Категория «злоупотребление уголовно-процессуальным положением» // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3(34).
164. Новицкий А. Н. Проблемы выемки в российском уголовно процессе // Молодой ученый. 2018. № 46.
165. Овсянников И. В. К вопросу о роли следователя в российском уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 16 декабря 2022 года. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023.
166. Огарь Ю. А. Возбуждение уголовного дела и начало уголовного преследования: проблемы соотношения / Ю. А. Огарь // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 4(45).
167. Османова Н. В. Публичные и частные начала общих условий предварительного расследования // Российский следователь. – 2020. № 4.
168. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара, 2005.
169. Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. 1998. №9.

170. Поляков М.П. О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // Государство и право. 1999. № 9.
171. Рахунов Р.Д. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. № 29.
172. Ревенко Н.И. О достоверности выводов суда при провозглашении приговора в особом порядке // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 2 (34).
173. Резник Г. Общей норме о злоупотреблении правом не место в УПК // Адвокатская газета. 2016. 30 марта.
174. Россинский С. Б. Размышление о сущности выемки как объекта уголовно-процессуального регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1.
175. Садовникова М. Н. Международные стандарты обращения с несовершеннолетними правонарушителями: некоторые терминологические проблемы, обзор основных нормативно-правовых актов // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4.
176. Сальникова О. Н. Запрет определенных действий как новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 5 (21).
177. Светочев В. А. Некоторые аспекты осуществления надзора за соблюдением правоограничений, применяемых при домашнем аресте // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2
178. Серов Д. О., Фёдоров А. В. Петр I как следователь // Российский следователь. 2016. № 3.
179. Смирнов А. В. Злоупотребление правом на защиту // Закон. 2015. № 7.
180. Смирнова И.С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1.
181. Согоян В. Л. К вопросу об отказе от уголовного преследования в связи с истечением сроков давности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 6(157).
182. Стельмах В. Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35).

183. Стецовский Ю.И. К вопросу о процессуальной форме советского уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1975. Вып. 23.

184. Судницын А.Б. Тяжесть обвинения (подозрения) и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок как фактические данные, подтверждающие основание избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования // Законодательство и практика. 2018. № 1 (40).

185. Судницын А.Б. Обеспечение надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого) путем избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXV международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Красноярск, 2022.

186. Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2009.

187. Талантов Д. Тайм-аут для защиты. Разработаны рекомендации для адвокатов о продолжительности времени, допустимого для ознакомления с материалами уголовных дел // Адвокатская газета. 2014. 22 сентября.

188. Теппеев, А. А. Меры уголовно-процессуального принуждения // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 3.

189. Тутынин И. Б. Виды нарушений, влекущие применение денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения // Российская юстиция № 6. 2017.

190. Тутынин И. Б. Как улучшить в уголовном судопроизводстве применение мер пресечения путем использования процессуального принуждения имущественного характера. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (81). 2019.

191. Тутынин И. Б. Неприкосновенность имущества как принцип уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. 2016. № 5(28).

192. Хайбулаева М.Ш. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право. 2021. № 3.

193. Химичева Г. П. Некоторые замечания о реформе органов предварительного следствия в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7.

194. Цоколова О.И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2005. № 5.

195. Шейфер С.А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства) // Государство и право. 2007. № 1.

196. Шишлов А. В. Проблемы соблюдения прав и свобод человека и гражданина при применении меры пресечения в виде заключения под стражу: на материалах Санкт-Петербурга // Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Сборник статей по материалам круглого стола: 2 ноября 2016 г. Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия СПб: ИД «Петрополис», 2017.

197. Элькинд П.С. Категории «содержание» и «форма» в сфере уголовно-процессуального регулирования / Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979.

198. Якупов Д.А. Обвинительный и оправдательный уклоны в уголовном процессе: сущность, понятие, формы // Публичное и частное право. 2010. № 1 (5).

III. Авторефераты и диссертации

199. Асанов Р. Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

200. Бабич А. В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

201. Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011.

202. Блинков А.П. Принципы состязательного и объективно-истинного уголовного процесса в деятельности следователя: сравнительный анализ: дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2018.

203. Бурлакова Я. Ю. Проблемы избрания и применения мер уголовно-процессуального пресечения, не связанных с лишением или ограничением свободы. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009.

204. Верещагина А. В. Реформа уголовной юстиции 1864 года и ее значение для преобразования уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1993.
205. Вилкова Т. Ю. Система принципов уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2022.
206. Герасенков В.М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
207. Григорьев Д.А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2018.
208. Дармаева В. Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
209. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.
210. Долгов А.М. Дознание как форма предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.
211. Ильин С.И. Уголовное преследование в досудебном производстве. автореф... дис. канд. юрид. наук. М. 2007.
212. Картохина О.А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
213. Кесаева М.С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017.
214. Ковалева Н. А. Злоупотребление правом по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
215. Колодко В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.
216. Левченко О.В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2023.
217. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
218. Медведева О. В. Залог и поручительство в системе мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998.

219. Муртазин Р. М. Применение мер пресечения в судебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

220. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017.

221. Пальчикова Н.В. Теоретические и практические проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013

222. Прокопова А.А. Ускоренное досудебное производство в Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

223. Рудич В. В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2020.

224. Сатдинов Л.В. Уголовно-процессуальные гарантии объективности предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

225. Скобкарева Е.А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018.

226. Сыдыгалиев М.А. Дифференциация формы досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016.

227. Сычев П.Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

228. Тенишев А.П. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном процессе Российской Федерации: соответствие принципам и совершенствование процессуальной формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

229. Усачев А. А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003.

230. Филимоненко И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021.

231. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф... дис. канд. юрид. наук. М., 2004.
232. Цыганенко С.С. Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2004.
233. Чабукиани О.А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2022.
234. Чуниха А. А. Поручительство в системе мер процессуального принуждения: автореф... канд. юрид. наук. Ставрополь. 2009.
235. Шипицина, Виктория Валерьевна. Обеспечение прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
236. Шишкина Е.В. Институт уголовного преследования. автореф... дис. канд. юрид. наук. Волгоград. 2008.
237. Шумилин С.Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010.
238. Якимович Ю.К. Уголовно-процессуальные производства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.
239. Якупов Д.А. Проблема обвинительного и оправдательного уклонов в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Алексеева Елена Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент;

Андреева Екатерина Юрьевна,

Безрядин Виктор Иванович,
кандидат юридических наук, доцент;

Васильев Федор Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент;

Гордеева Елена Александровна,

Даровских Ольга Игоревна,
доктор юридических наук, доцент;

Кудрявцев Владислав Леонидович,
доктор юридических наук;

Кутуев Эльдар Кяримович,
доктор юридических наук, профессор;

Лантух Наталья Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент;

Макаренко Максим Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент;

Назаров Александр Дмитриевич,
доктор юридических наук, доцент;

Огарь Юрий Анатольевич,

Поликарпова Ольга Сергеевна,
Судницын Алексей Борисович,
кандидат юридических наук, доцент;

Чабукиани Оксана Алексеевна,
доктор юридических наук, доцент;

Шепелёва Ольга Ринатовна,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Монография

Публикуется в авторской редакции

Компьютерная вёрстка *Мамедова А. Х.*

Дизайн обложки *Шеряй А. Н.*

ISBN 978-5-91837-941-7

9 785918 379417 >

EDN: BJCPDE

Подписано в печать 13.12.2024. Формат 60×84 ¹/₁₆

Печать цифровая 15,0 п. л. Заказ № 65/24. Тираж 100 экз. (1-ый завод 1–50 экз.).

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России

198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1